

Вестник
Владивостокского
государственного
университета
экономики и сервиса

ISSN 2073-3984

Территория НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

4

*Проблемы
Мнения
Дискуссии
События*

[8]

2016

2016 №4..... [8]

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вестник
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса

.....

Учредитель и издатель:
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Издается с 2009 г.

Владивосток
2016

ISSN 2073-3984

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Т.В. Терентьева* – *председатель совета*, доктор экономических наук, профессор, ректор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Г.И. Лазарев* – доктор экономических наук, профессор, президент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Nguyen An Ha* – associate professor, PhD, доцент, директор Института Европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук (Ханой, Вьетнам)
- Do Huong Lan* – PhD, заместитель директора по исследовательской и учебной работе, преподаватель факультета международной экономики и бизнеса Университета внешней торговли (Ханой, Вьетнам)
- W.L. Clayton* – профессор Международной экономики университета Джона Хопкинса, Школа передовых международных исследований (САИС) (Балтимор, США)
- С.Ю. Алимов* – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Российско-таджикского (славянского) университета (Душанбе, Таджикистан)
- П.Я. Бакланов* – доктор географических наук, академик РАН (Владивосток, Россия)
- Т.М. Бойцова* – доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Ю.Г. Евтушенко* – доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Вычислительного центра им. А.А. Дородницына Российской академии наук (Москва, Россия)
- В.В. Желтов* – доктор философских наук, профессор (Кемерово, Россия)
- Н.А. Смирнова* – доктор технических наук, профессор Костромского государственного технического университета, председатель КРО ООО «Союз дизайнеров России» (Кострома, Россия)
- Г.П. Старкова* – *заместитель председателя совета*, доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Латкин* – *главный редактор*, доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- А.Ю. Ворожбит* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Л.И. Курсанова* – доктор философских наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Н.А. Коноплева* – доктор культурологии, профессор (Владивосток, Россия)
- В.В. Крюков* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- С.Ф. Литвинова* – доктор юридических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- Л.С. Мазелис* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- А.Ю. Мамычев* – доктор политических наук (Владивосток, Россия)
- Л.М. Медведева* – доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Г.В. Петрук* – кандидат педагогических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- В.П. Смагин* – доктор физико-математических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- К.С. Солодухин* – доктор экономических наук, доцент (Владивосток, Россия)

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

2016 №4..... [8]

THE TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES

The Herald of Vladivostok State
University of Economics and Service

.....

Founder and publisher:
Vladivostok State University
of Economics and Service

Published since 2009

Vladivostok
2016

ISSN 2073-3984

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

- T.V. Terentyeva – *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Science, Economics, President Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- G.I. Lazarev – Doctor of Science, Economics, Professor, Chancellor Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- Nguyen An Ha – Associate Professor, PhD. Institute For European Studies, Vi Vietnamese Academy of Social Sciences, Director (Vietnam, Hanoi)
- Do Huong Lan – PhD, Deputy Head of Research and Academic Affairs; Lecturer of Faculty of International Economics and Business Foreign Trade University (Vietnam, Hanoi)
- W.L. Clayton – Professor of International Economics, Johns Hopkins University School of Advanced International Studies (Baltimore, SAIS)
- S.Y. Alimov – Doctor of Law (Jurisprudence Sciences), Professor, Head of Department of State and legal disciplines, Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan)
- P.Y. Baklanov – Doctor of Geographical Sciences, member of the Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
- T.M. Boytsova – Doctor of Engineering Science, Professor (Vladivostok, Russia)
- Y.G. Evtushenko – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, member of the Academy of Sciences, Director of computer center of A.A. Dorodnitsyn of the Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- V.V. Zheltov – Doctor of Philosophy Sciences, Academician of the Academy of Political Science, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
- N.A. Smirnova – Doctor of Technical Sciences, Professor cathedra design, technology, materials and examination of consumer goods Kostroma State Technical University (Kostroma, Russia)
- G.P. Starkova – *Vice-chairman of the Editorial Council*, Doctor of Engineering Science, Professor, (Vladivostok, Russia)

EDITORS

- A.P. Latkin* – *Head Editor*, Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- O.Y. Vorozhbit* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- L.I. Kirsanova* – Doctor of Philosophy, Professor (Vladivostok, Russia)
- N.A. Konopleva* – Doctor of Culturology, Professor (Vladivostok, Russia)
- V.V. Kryukov* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- S.F. Litvinova* – Doctor of Law, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- L.S. Mazelis* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- A.Yu. Mamychev* – Doctor of Political Science, (Vladivostok, Russia)
- L.M. Medvedeva* – Doctor of Historical Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)
- G.V. Petruk* – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- V.P. Smagin* – Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Vladivostok, Russia)
- K.S. Solodukhin* – Doctor of Economic, Associate Professor (Vladivostok, Russia)

The editorial Board is guided by the provisions of Chapter 70 “Copyright” of the Civil code of the Russian Federation and recommendations of the International Committee on publication ethics (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Published materials, opinions and conclusions may not coincide with the point of view of the publisher. The authors are responsible for the originality of the publication, selection and accuracy of facts, quotes, statistics, personal names, geographical names and other information, as well as the use of data that is not intended for the press.

Copying or quoting the publications needs a direct link to the journal.

Содержание

От главного редактора

Политические науки

Баранов П.П., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю.
Элиты и становление конституционализма:
социокультурный вектор развития

*Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.,
Безматёрных Т.А.*
Насилие и властные институты в российской
политико-правовой реальности

Международные отношения

Голобоков А.С.
Основные элементы стратегий региональных
вузов КНР и критерии их оценки

Мэйхуа Ли, Латкин А.П.
Теоретические аспекты формирования
эколого-социо-экономически согласованного
российско-китайского сельскохозяйственного
предпринимательства в Приморском крае

Карменов Б.А.
Платежные системы Республики Казахстан:
тенденции развития

Мартышенко Н.С.
Маркетинговый анализ международного
туристского рынка стран Северо-Восточной Азии

Экономические науки

Левченко Т.А.
Кластерный подход к развитию экономики:
отечественный и зарубежный опыт

Виничук О.Ю., Тилиндис Т.В.
Методический подход к процессу адаптации
деятельности транснациональной корпорации
к условиям регионального рынка на основе
инструментов бенчмаркинга
(на примере Приморского края)

Гомилевская Г.А., Сакун В.С.
Возможности государственно-частного
партнерства при создании и развитии
приграничных кластеров на примере кластера
«Джалинда» в Амурской области

Корнейко О.В.
Сценарные варианты развития
рыбохозяйственной деятельности
Приморского края как основы национальной
продовольственной безопасности

Мясоедова В.В., Кривошапова С.В.
Оценка финансовой устойчивости
коммерческих банков Приморского края

Юридические науки

Горян Э.В.
Роль Уполномоченного по правам человека
в субъекте федерации в региональном
правовом механизме обеспечения прав
коренных народов (опыт Приморского края)

Contents

7 Foreword by the Chief Editor

Political Science

9 *Baranov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu.*
Elites and emergence of constitutionalism:
a socio-cultural development vector

18 *Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu.,
Bezmatyornikh T.A.*
Force and power structure of political-legal reality
in Russian empire

International Relations

27 *Golobokov A.S.*
Strategies of China regional universities' key
features and its evaluation

38 *Meihua Li, Latkin A.P.*
Theoretical aspects of the formation of ecological,
social and economic of the Russian-Chinese
agriculture business in the Primorsky Territory

44 *Karmenov B.A.*
The Payment System of the Republic of Kazakhstan:
trends of development

51 *Martyshenko N.S.*
Marketing analysis international tourist market
of countries North-Eastern Asia

Economics Science

68 *Levchenko T.A.*
The cluster approach to the development of the
economy: domestic and foreign experience

77 *Vinichuk O.Yu., Tilindis T.V.*
Methodological approach to the process
of adaptation to the conditions of multinational
regional market on the basis of benchmarking
(on an example of Primorye Territory)

92 *Gomilevskaya G.A., Sakun V.S.*
Opportunities for public-private partnership
to create and development of cross-border clusters
on the example of cluster "Dzhalinda"
in the Amur region

110 *Korneyko O.V.*
Scenarios for the development of fisheries activities
in Primorsky Region as the basis
for national food security

117 *Myasoedova V.V., Krivoshapova S.V.*
Financial stability estimation of Primorye region's
commercial banks

Law Science

129 *Goryan E.V.*
Role of ombudsman in subject of federation in
regional legal mechanism for ensuring the rights of
indigenous people (Primorsky Region's experience)

Верещагина А.В., Петренко А.С.
Судебная лингвистическая экспертиза
и некоторые вопросы доказывания по делам
о речевых правонарушениях

Лаптев С.А., Перижогина Ю.Д.
Деятельность судебных приставов
по борьбе с неплательщиками алиментов

Экология

Горкина И.Д., Филочева Т.П.
Сохранение биоразнообразия как
необходимая составляющая промышленного
освоения прибрежной зоны морей
(на примере залива Петра Великого)

Иваненко Н.В., Голов В.И., Кадоно Ацунобу
Экологическое состояние и использование
земельных ресурсов Дальнего Востока
России

Горян К.В.
Российская концепция экологического права:
современное состояние и перспективы

Гуманитарные науки

Кирсанова Л.И., Коротина О.А.
Четыре способа осмысления терроризма:
социальные места, средства производства
(оружие), способы коммуникации,
коллективная телесность

Качурова С.В., Качуров Е.В., Шестопал С.С.
Присутствие религии в евразийском социуме

Бондарь М.В.
К вопросу внедрения практики широкого
использования экскурсии на объектах
театрального и музыкального искусства
в контексте развития профессионального
туристского образования в регионе
(на примере Приморского края
и г. Владивостока)

Технические науки

Шеромова И.А., Железняков А.С.
Оценка качества швейных изделий
с использованием автоматизированных
методов контроля

Гриванова О.В., Старков С.В.
Ключевые проблемы автомобильного
транспорта в Приморском крае

Правила публикации статей

Публикации 2016 года

140 *Vereschagina A.V., Petrenko A.S.*
Judicial linguistic examination in cases of slander,
insult, protection of honor, advantage and business
reputation

151 *Laptev S.A., Perizhogina Yu.D.*
Activities of the bailiffs to combat child support
evaders

Ecology

160 *Gorkina I.D., Filicheva T.P.*
Biodiversity conservation as a necessary component
of the nearshore commercial development
(by an example of Peter the Great Bay)

166 *Ivanenko N.V., Golov V.I., Kadono Atsunobu*
Ecological state of soil and land resources
of the Russian Far East

176 *Goryan K.V.*
Russian conception of environmental law:
the current state and prospects

Humanitarian Science

185 *Kirsanova L.I., Korotina O.A.*
There are four ways to think of terrorism:
social places, means of execution (weapon),
ways of communication, collective embodiment

195 *Kachurova S.V., Kachurov E.V., Shestopal S.S.*
The presence of religion within the modern Eurasia

205 *Bondar M.V.*
The question by the extensive use tours on theatre
and music art objects in the context of vocational
and tourism professional education development
in the region (in case of the city of Vladivostok and
Primorye territory)

Technical Science

211 *Sheromova I.A., Zheleznyakov A.S.*
Evaluation of the garments quality using automated
testing methods

220 *Grivanova O.V., Starkov S.V.*
Key issues of road transport
in the Primorsky Territory

Rules of Publishing

230 Publications 2016

От главного редактора

Уважаемые авторы и читатели!

В этом предновогоднем выпуске нашего журнала представлены результаты научных исследований по широкому спектру проблем развития российского Дальнего Востока в его интеграционном взаимодействии со странами Северо-Восточной Азии. Вполне оправданно, что основная часть публикаций ориентирована на диагностику экономического, экологического, социального и нравственно-культурного состояния предпринимательской системы Приморского края, в которой уже явно проявляется необходимость демонстрации бюджетного эффекта от проведенного в 2012 году Саммита АТЭС и принятых вслед за этим государственных решений по созданию большого числа институциональных структур, территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток, а также выделению всем желающим «дальневосточного гектара».

Редакционная коллегия нашего журнала поддерживала и впредь будет поддерживать результаты именно таких проблемно-ориентированных исследований при всё большем их акценте на объективность формулировки выводов, реалистичность, конструктивность и адресность предложений для всех уровней управления.

Необходимость реализации этого подхода диктуется ниспадающей траекторией социально-экономического развития Приморского края в уходящем 2016 году, где, по официальным данным, индекс выпуска продукции и услуг по базовым видам деятельности по сравнению с 2015 годом составляет 92,9%, приток инвестиций в основной капитал – 72,9%, а удельный вес убыточных предприятий крупного и среднего бизнеса достигает 27,5%. Явным свидетельством роста уровня бедности населения Приморского края при существенном снижении его покупательской способности является допущенный в уходящем году спад товарооборота розничной торговли на 2,4%, общественного питания на 9,6%, объема платных услуг на 16% и, наконец, реальных денежных доходов на 8%.

Не лишне напомнить, что в уходящем 2016 году в рамках имеющегося стратегического плана ожидания всех нас были связаны с завершением строительства нефтехимического комплекса, завода по сжижению газа, Находкинской и Уссурийской ТЭЦ, инновационного агропромышленного биотехнологического комплекса и ряда других объектов, чего, к великому сожалению, не случилось. Столь неутешительные результаты усугубляются объявленным Правительством РФ сокращением на 43% финансирования программных мероприятий по развитию Дальнего Востока в 2017 году, который обещает быть весьма непростым в дости-

жении заявленного Президентом России в недавнем обращении к Федеральному собранию экономического роста.

Сложные, но чрезвычайно интересные задачи стоят и перед авторским коллективом нашего журнала. Главная из них – включение в список журналов, рекомендуемых Высшей Аттестационной Комиссией, что возможно только при существенном повышении качества научных публикаций. По решению редколлегии в следующий год журнал входит с обновленной структурой, соответствующей предъявленным требованиям. Стремление приблизить научные публикации к реально происходящим в регионе социально-экономическим процессам диктует необходимость появления новой рубрики, которая станет своеобразной площадкой для дискуссий власти, бизнеса и науки об успешности реализации на Дальнем Востоке инвестиционных проектов будущего.

Уверен, что это хорошая возможность, чтобы стать непосредственными участниками качественного изменения социально-экономической жизни поистине уникального Дальневосточного региона.

Главный редактор журнала
«Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса»
доктор экономических наук, профессор
А.П. Латкин

УДК 321

П.П. Баранов¹

Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

А.И. Овчинников²

А.Ю. Мамычев³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Элиты и становление конституционализма: социокультурный вектор развития*

Анализируются становление и развитие политической элиты, ее социокультурные и правовые рамки эволюции в российской государственно-правовой организации. Отмечается национально-культурная специфика публично-властного взаимодействия между обществом и политической элитой, обращается внимание на геополитические и политико-экономические аспекты конституционно-правовой политики современного государства. Авторы, обсуждая проблемы форм влияния элит на конституционное правотворчество, показывают механизмы влияния политических элит как на законодательную деятельность в целом, так и на выработку долгосрочных и краткосрочных стратегических решений. Аргументируется необходимость формирования конституционно-правовой политики, которая, во-первых, должна реализовывать установленные Основным законом правовые рамки развития общества; во-вторых, учитывать социокультурные требования и специфику развития конституционно-правовых отношений; в-третьих, быть ориентирована на повышение уровня взаимодействия политической элиты с населением страны и сократить, если не экономическую, то общественно-политическую дистанцию между ними. Авторы заключают, что устойчивое социокультурное и конституционно-правовое развитие, процветание и устойчивость государства – результат объединения интересов политической элиты и населения.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государство, конституция, культура, легитимность, общество, право, элита.

¹ Баранов Павел Петрович – д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; e-mail: pravosoznanie@gmail.com.

² Овчинников Алексей Игоревич – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры частного права; e-mail: k_fr3@mail.ru.

³ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: mamuchev@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6.

P.P. Baranov

South-Russian Institute of Management branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Rostov-on-Don. Russia

A.I. Ovchinnikov

A.Yu. Mamychev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Elites and emergence of constitutionalism: a socio-cultural development vector

The contents of the article analyzes the emergence and development of the political elite, its socio-cultural and legal framework for the evolution of the Russian state-legal organization. Marked cultural identity publicly-imperious interaction between society and the political elite, drew attention to the geopolitical and political and economic aspects of the constitutional and legal policy of the modern state. The authors discussing the problems of forms of elite influence on constitutional law-making, shows the mechanisms of influence of political elites both in legislative activity in general and on the development of long-term and short-term strategic decisions. In the final part of the work discusses the need for the formation of the constitutional and legal policies that: firstly, should be established to implement the Basic Law of the legal framework for the development of society; secondly, take into account the socio-cultural requirements and specifics of the constitutional-legal relations; Thirdly, should be aimed at improving the interaction between the political elite with the population of the country, to reduce, if not economic, the social and political distance between them. The authors conclude that sustainable socio-cultural, and constitutional and legal development, prosperity and stability of the state - is the result of combining the interests of the political elite and the population.

Keywords: power, government, constitution, culture, legitimacy, society, law, elite.

В современной общественно-гуманитарной науке сложилось общее мнение об элите как о «лицах, получивших наивысший индекс в своей области деятельности, достигших высшего уровня компетентности» [4]. Кроме того, эти лица контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества по сравнению с любой другой социальной стратой, занимающей высшие посты в иерархии статуса и власти. Несомненно, в реальности содержание современных конституций составлено если не представителями элиты, то под ее непосредственным контролем, так как именно элита формирует не только культурные и мировоззренческие тренды в развитии общества, но и конституционно-правовую политику государства в целом, поскольку имеет все рычаги влияния в буржуазно-, либерально-демократическом государстве. Поэтому конституционно-правовая элитология призвана изучить процессы, институты, механизмы влияния элит на конституционно-правовое развитие России, а также предложить новые методы анализа конституционно-правовой политологии в сфере исследования элит, выделить способы нахождения равновесия в современном государстве между народовластием и элитократией, в том числе способы демократического ограничения всевластия элит.

Теоретико-методологические и институционально-правовые основания.

Достаточно перспективным представляется изучение геополитических и политико-экономических аспектов конституционно-правовой политики в контексте элитологии. В этой связи нельзя не обратить внимание на тот факт, что многие исследователи выделяют мировую политическую элиту в качестве отдельного самостоятельного участника общемировых процессов. О существовании особого «теневое» правительства, так называемом мировом закулисье, уже долгое время пишут как отечественные, так и зарубежные ученые. Идеи нового «сетевое» государства продолжают жить и развиваться, вызывая у одних радость, а у других – безусловное осуждение. На наш взгляд, последние события в мире наглядно демонстрируют, что позиции национальных государств как самостоятельных и относительно независимых участников международных отношений все еще очень сильны. И именно национальные государства, как это и предсказали многие ученые, остаются последним оплотом противодействия «сетевому» правительству и «сетевым элитам». Показательным в этом отношении стала широко обсуждаемая проблема с «санкциями» и последовавшими «контрсанкциями», когда внезапно и неожиданно оказалось, что подобная ситуация может действительно положительным образом отразиться на многих отраслях народного хозяйства России. При обсуждении подобных вопросов наглядно проявляются вся сложность современной раскладки сил в сфере элиты и примитивность ее объяснения через конспирологические схемы.

Для конституционно-правовой науки следует разработать собственное определение элиты. Обратившись к теории вопроса, следует отметить, что в современном правовом и общественно-политическом дискурсе под политической элитой, как правило, понимают особую социальную группу, обладающую властными полномочиями и возможностью принятия стратегических государственных решений или же возможностями оказания непосредственного влияния на их принятие. При этом всю элиту, как правило, подразделяют на политическую и экономическую. Возможны также дополнительное выделение административной элиты, разделение политической элиты в соответствии с принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также различные их сочетания. Не вдаваясь в круг теоретических вопросов, затрагивающих понятия «элита» и «политическая элита», отметим лишь, что в современной России, как и во всем мире, между значением самостоятельного термина «элита» и его употреблением в соответствующем словосочетании лежит пропасть.

Речь идет о том, что если в традиционном понимании термин «элита» наделяется свойствами лучшего, то в сочетании «политическая элита» речь идет лишь о формализации и актуализации особого статуса, без конкретной оценки особых качеств или каких-либо талантов лиц, этим статусом обладающих. Даже несмотря на то, что большая часть политической элиты формируется посредством прямых законодательных процедур, в общественном сознании политическая элита воспринимается как ограниченная группа лиц, волею судеб оказавшихся у рычагов управления политическими и экономическими процессами в стране.

С точки зрения общественного сознания национальные интересы рассматриваются этой группой избранных исключительно как средство получения прямой

или опосредованной экономической выгоды и политических дивидендов на относительно продолжительную перспективу. В случае, когда личная экономическая заинтересованность перевешивает национальные интересы, о них забывают. Также в общественном сознании сложилось мнение о том, что Россия для современной политической элиты не более чем способ увеличения благосостояния и в любой момент может быть заменена более комфортной для проживания страной, тем более что так называемые «пути отхода» у представителей современной политической элиты всегда наготове.

Отметим, что в качестве ведущего методологического принципа настоящего исследования выступает инструментально-политический реализм, предполагающий познание социокультурных факторов и этнополитических доминант конституционно-правового развития как необходимых элементов не только для прогнозирования и управления реально существующими (действующими) политическими процессами [6].

Настоящее исследование опирается на ряд фундаментальных методологических ориентиров и положений: *во-первых*, познание индивидуальности российского конституционно-правового процесса как сложнейшего комплекса структур, публичных институтов и конституционно-правового мировоззрения, а также компонентов неполитического характера базируется на самодостаточности российского социально-политического пространства и правовой культуры [9]; *во-вторых*, социокультурные основы – это неотъемлемый, глубинный и устойчивый компонент трансформации конституционно-правовых отношений [10].

История развития конституционализма в России в течение последних десятилетий неразрывно связана с волей новой политической, административной и экономической элиты, которая традиционно воспринимается как главный двигатель, в том числе, процессов конституционного развития. Формирование и становление институтов публичной власти, территориальное государственное устройство, выбор базовых принципов взаимоотношений между личностью и государством, определение особенностей статуса отдельных категорий граждан, участвующих в осуществлении публичной власти, – эти и многие другие вопросы целиком и полностью зависят от достаточно ограниченного круга людей, имеющих желание и возможности оказывать влияние на все без исключения правовые и общественно-политические процессы, происходящие на территории современной России.

Особенностью становления новой политической элиты начала 90-х годов прошлого века принято считать то обстоятельство, что Россия, в отличие от многих других стран, при сломе одной политико-правовой системы и переходе к другой не пошла по пути, например, люстрации, а, скорее, наоборот, новая политическая элита формировалась в том числе из представителей бывшей политической элиты. Такая удивительная преемственность и «гибкость» уже тогда могли бы серьезно насторожить будущий электорат. Учитывая, в каких условиях принималась первая российская Конституция, нельзя не признать, что текст Основного закона Российской Федерации 1993 года – это целиком и полностью продукт деятельности политической элиты, причем пропрезидентского характера.

Конституционно-правовая легитимность государственной власти зависит и от легитимности самой Конституции. Юридическая сила Основного закона напрямую связана с вопросом принятия текста закона. В литературе справедливо отмечается: «Если основной закон не отражает базовых ценностей общества, а навязывается обществу государством (правлящими элитами), страна не имеет конституции в подлинном смысле этого понятия. Если правовые нормы не отражают ценности, нравы и традиции общества, они, несмотря на все усилия государственного аппарата, нередко остаются «мертвой буквой» из-за пассивного, а иногда и активного сопротивления граждан» [1].

Между тем первые этапы становления конституционализма в новой России не следует рассматривать как проявление особой воли или пожелания населения. Об элитном характере ее говорят и ведущие юристы: «Этот монументальный документ был создан за короткий срок благодаря энтузиазму и творческому труду представителей российской элиты, в том числе многих выдающихся юристов» [5]. Это был на сто процентов результат деятельности политической элиты, и такая тенденция продолжает сохраняться на сегодняшний день. Именно сегодня все чаще можно услышать тезис о том, что пожелания властвующей политической элиты серьезно отличаются от того, что действительно необходимо российскому обществу. В этой связи не утихают разговоры о коренной конституционной реформе, поддерживаемые представителями как умеренного и либерального, так и откровенно консервативно-монархистского крыла. В частности, последние предлагают коренным образом пересмотреть конституционные положения в области правового статуса личности, института семьи, свободы вероисповедания, институтов частной собственности свободы экономической деятельности и др.

Конституционно-правовая элитология исследует приоритеты конституционно-правовой политики России с точки зрения интересов элит. Например, нельзя не заметить, что современная законодательная деятельность политической элиты направлена, прежде всего, на дополнительные ограничения в области политических прав и свобод граждан, что подается обществу как закономерный и необходимый отход от традиционного либерально-демократического пути развития и борьба с неприкрытым прозападным влиянием на современные российские конституционно-правовые институты, а также борьба с угрозой международного терроризма.

Законодательная деятельность политической элиты никак не затрагивает базовые и основополагающие либерально-демократические ценности, закрепленные в тексте Конституции РФ, что позволило бы действительно говорить о влиянии политической элиты на возврат к традиционным, в том числе правовым, национальным ценностям. Это обстоятельство дает повод к признанию, что вся законодательная деятельность в сфере ограничения прав и свобод под предлогом борьбы с экстремизмом призвана лишь максимально обезопасить узкий круг представителей политической элиты от контроля со стороны населения и возвратом к каким-либо традиционным ценностям по своей сути не является. Однако мы считаем, что вопрос значительно сложнее: при несомненной заинтересованности элиты в сохранении своего статуса «пакет Яровой» и другие меры необходимы для

противодействия внешним попыткам осуществления государственного переворота, так как иногда законодатель принимает решения, откровенно противоречащие воле глобальных мировых политических элит, в результате определенным образом сложившейся общемировой политической конфигурации сил.

Надо сказать, что такое отношение обычных граждан к своей политической элите в перспективе чревато серьезными политическими осложнениями. Возможно, по этой причине процессы так называемой национализации элит были начаты как раз под эгидой соответствующего «общественного запроса». В 2013 году была сформулирована идея национализации элит, а ее смысл выражал достаточно популярный тогда лозунг: «Если служишь этой стране, то должен голосовать за нее своими деньгами и своим имуществом». Однако следует признать, что и сегодня процесс «национализации элит», т.е. реализация запрета на владение госчиновниками и руководителями государственных компаний счетов и иных экономических интересов за рубежом, активно начатый в 2013 году, все еще находится в достаточно подвешенном и неопределенном состоянии, о чем свидетельствуют как периодические сообщения средств массовой информации, так и «официальные» скандалы, заканчивающиеся, как правило, или публичным покаянием, или потерей вождя статуса.

В этой связи интерес для конституционно-правовой науки представляют и вопросы юридических ограничений всевластия элиты. Нелишним будет вспомнить, что основное противодействие на момент обсуждения данный законопроект встретил именно у представителей исполнительной власти. Однако по причине очень скромного участия исполнительной власти в законодательном процессе и благодаря политической воле Президента России В.В. Путина именно в 2013 году был принят пакет из трех законов, запрещающий чиновникам иметь счета за границей и использовать иностранные финансовые инструменты.

Нельзя также не вспомнить, что по результатам принятия этих законов многие вынуждены были покинуть свои места, в частности, в Государственной Думе. Следует также напомнить, что идея о невозможности определенным категориям граждан обладать недвижимостью за рубежом, хоть и очень активно обсуждаемая, так и не нашла поддержки в законодательстве. Одновременно, как отмечают исследователи, современное законодательство, принятое по итогам процессов национализации элит, очень часто грешит правовой неопределенностью и нуждается в постоянном прояснении и дополнительном толковании. А кроме того, сами механизмы контроля за исполнением положений данных законов, по сути, были отданы на откуп общественной инициативе, которая при всем к ней уважении не может служить гарантом их реализации в свете ее традиционной перманентной политической ангажированности.

При этом события 2013 году лишней раз подтвердили, кто действительно располагает реальной полнотой публичной власти, а кто остается в статусе групп лоббирования интересов. Кроме того, эти события наглядно продемонстрировали, что среди политической элиты даже относительно «благополучной» в этом смысле России возможны очень серьезные разногласия. В частности, на сегодняшний день особую актуальность приобрели вопросы противодействия двух групп политиче-

ских элит, которых условно обозначают как «либеральные» и «консервативные». При этом под либеральными силами понимается та часть элиты, которая умышленно действует во вред интересам России, следуя указаниям теневых мировых правительств, а под консервативными – национально-ориентированные элиты, действительно озабоченные будущим развитием российского государства.

Говоря о механизмах влияния элит на конституционное правотворчество, следует обратить внимание на тот факт, что в науке существуют специальные исследования, посвященные механизму влияния политических элит как на законодательную деятельность в целом, так и на выработку долгосрочных и краткосрочных стратегических решений. Надо сказать, что не всегда это влияние имеет негативный характер. Так, в Чехии нежелание элит нести ответственность за действия Президента послужило толчком к отмене выборов Президента республики парламентом и их замене на прямые выборы гражданами без изменения полномочий главы государства. С одной стороны, ученые этой страны считают: «Обращение к «гласу народа» является популистским. Политическая элита себя не оправдывает, она отказалась от поиска компромисса, не была способна преодолеть враждебность политических конфликтов и избавилась от ответственности путем ее перенесения на граждан» [2]. С другой стороны, налицо демократическое изменение конституционного законодательства.

Например, действующее законодательство не позволяет субъектам федерации и муниципалитетам принимать гражданско-правовые нормы и осуществлять правовое регулирование интеллектуальной собственности (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). Однако стремление региональной элиты осваивать средства на инновационное развитие позволяет принимать нормативные акты, регулирующие расходование денежных средств из казны на инноватику. Так, например, Закон Новосибирской области от 20 апреля 1995 г. № 17-ОЗ «О научной деятельности и региональной научно-технической политике Новосибирской области» устанавливает основы организации научной и инновационной деятельности, формирования научно-технической политики Новосибирской области, определяет условия и порядок ее реализации. В Законе говорится: «Правовую основу научно-технической политики Новосибирской области и организации научной деятельности в Новосибирской области составляют Конституция Российской Федерации, федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», иные нормативные правовые акты Российской Федерации, Устав Новосибирской области, настоящий Закон и иные нормативные правовые акты Новосибирской области» [3].

И это не удивительно, ведь именно политическая элита обладает всеми рычагами законотворчества в нашей стране. Принятие, одобрение и подписание закона, по сути, весь законодательный процесс – это результат деятельности политической элиты, и отрицать в этой связи ее влияние на конституционное развитие России бессмысленно. Однако, как отмечают исследователи, в России в последнее время все больше получает неформальное признание принцип вертикального, а не горизонтального разделения власти. Это исключает относительную формально-юридическую самостоятельность различных ветвей власти и уводит политический

диалог между элитами из правового поля в сферу «закулисного противостояния». Если обратить внимание на законотворческий процесс последнего десятилетия, то будет очень трудно вспомнить ситуацию, когда тот или иной федеральный закон не был бы одобрен Советом Федерации или не был бы подписан Президентом. А это может означать, что все разногласия подобного характера решаются вне правового поля. В контексте теории разделения властей также часто обсуждается вопрос о том, относится ли к политической элите судебная власть и почему на нее не распространяются ограничения, которые распространяются на других представителей публичной власти.

Кроме того, следует отметить, что современная российская политическая элита серьезно оторвана от страны проживания. В обыденном сознании ее связывают с Россией исключительно экономические интересы. Места отдыха, места обучения детей, одежда, автотранспорт, даже кино – современная политическая элита не потребляет ничего российского. При этом политическая конкуренция внутри самой элиты, как правило, ограничена границами самой себя. Недавние публичные мероприятия, призванные показать, что проблема эта учитывается и что для ее преодоления предпринимаются определенные шаги, в частности, предварительные праймериз политических партий, в очередной раз продемонстрировали крайнюю политическую апатию российского населения и его нежелание служить ширмой для политических манипуляций как либерального, так и традиционного толка.

Конституционно-правовая наука призвана выработать меры юридического ограничения всевластия элиты. Одним из механизмов служит учет мнения населения страны при решении вопросов национального значения. Напомним, что с момента принятия Конституции России 1993 года федеральных референдумов в нашей стране не проводилось. Идеи «общественной инициативы» в своем большинстве благополучно забыты. Такие институты прямой демократии, как периодические федеральные выборы, не совершенны по определению и не могут служить подтверждением конституционного тезиса о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации. Пропасть между политической элитой и населением продолжает увеличиваться.

Необходима конституционно-правовая политика, направленная на повышение уровня взаимодействия политической элиты с населением страны, которая могла бы сократить если не экономическую, то общественно-политическую дистанцию между ними. И в этой программе так и не доведенные до логического завершения идеи национализации элит должны занимать не последнее место. Не вызывает сомнения тот фундаментальный факт, что процветающее и устойчивое государство – это результат объединения интересов политической элиты и населения.

-
1. Елисеев, С.Г. Формализация фундаментальных правовых ценностей свободы, равенства и справедливости в конституционном регулировании социальных прав граждан России / С.Г. Елисеев // Адвокат. – 2014. – № 11.

2. Йирасек, И. Конституция и кризис политической элиты. Конституционное право и политика / И. Йирасек // Сб. материалов Междунар. науч. конф.: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 г. / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012.
3. Маркеев, А.И. Правовое регулирование инновационной деятельности: учебное пособие / А.И. Маркеев // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/innovacionnaya_deyatelnost/
4. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008.
5. Яковлев, В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права / В.Ф. Яковлев // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015.
6. Baranov, P.P. The state authority constitutional legitimacy in modern Russia / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov, A.Yu. Mamychev // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т.6. – №5, S3. – P. 201–208.
7. Baranov, P.P. The legitimacy of power and relations as a multi-level political and legal phenomenon / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov, A.Yu. Mamychev // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т.6, № 5, S3. – P. 209–216.
8. Lyubashits, V.Y. The social-cultural paradigm of state authority / V.Y. Lyubashits, A.Yu. Mamychev, A.Yu. Mordovcev, M.V. Vronskay // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т.6, № 36. – P. 301–306.
9. Ovchinnikov, A. Sociocultural bases of state – legal development coding / A. Ovchinnikov, A. Mamychev, D. Mamycheva // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т. 6, №3, S4. – P. 67–74.
10. Ovchinnikov, A. Extra-legal and shadow functioning of public authorities / A. Ovchinnikov, A. Mamychev, S.F. Litvinova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т.6, № 3. – P. 387–393.

© П.П. Баранов, 2016

© А.И. Овчинников, 2016

© А.Ю. Мамычев, 2016

Для цитирования: Баранов П.П., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю. Элиты и становление конституционализма: социокультурный вектор развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 9–17.

For citation: Baranov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu. Elites and emergence of constitutionalism: a socio-cultural development vector // *The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2016. № 4. P. 9–17.

Дата поступления: 04.10.2016.

А.Ю. Мордовцев¹

А.Ю. Мамычев²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Т.А. Безматёрных³

Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Ростов-на-Дону. Россия

Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности*

Представлены теоретико-методологические аспекты осмысления сущности и специфики феномена властного насилия в отечественном политико-правовом поле. Авторы приводят аргументы в пользу важности исследования различных форм и видов насилия в контексте национальной, правовой и политической жизни страны. Такого рода работы имеют смысл и значение для поиска оптимальных с точки зрения современной политики и права способов легитимации государственной власти, что, в свою очередь, можно отнести к значимому фактору устойчивого развития любого государства.

Ключевые слова и словосочетания: политическое насилие, государственная власть, легитимность, политико-правовая организация общества, социокультурные факторы, правовой менталитет, политический режим, властные практики.

A.Yu. Mordovtsev

A.Yu. Mamychev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

T.A. Bezmatyornikh

Rostov branch of the all-Russian State University of Justice
Rostov-on-Don. Russia

Force and power structure of political-legal reality in Russian empire

The article presents the theoretical and methodological aspects of understanding the essence and specificity of the phenomenon of domestic violence of the powerful political and legal field. The authors cite the arguments in favour of the importance of research into various forms and types of violence in the context of national legal and political life of the country. This type of work

¹ Мордовцев Андрей Юрьевич – профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Института права; e-mail: aum.07@mail.ru.

² Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент; e-mail: mamychev@yandex.ru.

³ Безматёрных Татьяна Алексеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6.

have meaning and value for the search of optimum from the point of view of modern politics and the right ways to legitimize State authority, which in turn can be attributed to the significant factor of sustainable development of any country.

Keywords: political violence, State power, legitimacy, the politico-legal organization of the society, socio-cultural factors, legal mentality, political regime, the power of practice.

В рамках широко используемого в современной кратологии подхода к основным понятиям, определяющим содержание власти, специфику конфигурации властных институтов, как правило, относят насилие, «страх населения» перед властвующими и их решениями, ценностные ориентации властных элит, их первоочередные интересы, авторитет, уровень владения политической и правовой информацией, управленческий опыт, способы воздействия на сознание населения (манипулятивные практики) и др.

Таким образом, можно утверждать, что понимание природы власти включает обязательный анализ следующих ее элементов: не менее двух сторон власти (ее субъекта и объекта); распоряжения осуществляющего власть, подкрепленные возможностью санкций (каких-либо, в том числе, и правовых мер воздействия) за их невыполнение; особенности подчинения получившего распоряжение тому, кто его отдал (определяется, как известно, уровнем легитимации деятельности властных структур и институтов); существование общественных норм, устанавливающих обязательность таких отношений.

Для осуществления государственной власти необходимы, прежде всего (как минимум), два элемента: общественное разделение труда между группой, осуществляющей власть, и группой, в отношении которой власть осуществляется; и организованное принуждение как основа осуществления власти.

Отметим, что ни в зарубежной, ни в российской политико-правовой литературе нет общепринятого определения как государственной, так и (шире) политической власти [1], что говорит о многогранности этого явления и полисемантической соответствующей категории. Тем не менее, ряд отечественных и зарубежных исследователей, делая акцент на сущностной стороне политики, ее взаимодействии с правом, разного рода административными, управленческими и правоприменительными практиками, стремятся сформулировать рабочее (необходимое им для решения конкретных задач) определение государственной (политической) власти, часто забывая при этом, что «политика», например, по М. Веберу, «имеет очень широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству».

На рубеже XX–XXI вв. российская правовая и политическая наука постепенно уходит от универсализма классового подхода к государству, праву и, разумеется, власти и переходит к осмыслению этих явлений, организации властных отношений, вначале в рамках либерально-правовых методологием, не давших в итоге какой-либо целостной картины национальной, в частности, российской государственности, а значит, не отвечающих потребностям современного государственно-правового строительства, а потом в более широком социокультурном (например, консервативном или евразийском) смысловом контексте [12].

Вообще исследование состояния и вектора развития отечественных властных практик вызывает немало проблем и противоречий, тем более, если рассматривать их с позиций включенности института насилия (принуждения) в отечественную политическую и правовую жизнь.

Обобщая новейшие достижения научных исследований, можно выделить несколько основных направлений изучения феномена насилия в российском властном пространстве: ряд авторов представляют научные статьи и монографии, посвященные проблемам государственного принуждения, его формам; другие исследователи разрабатывают вопрос о месте, роли и пределах насилия в отечественной государственности с точки зрения механизма легитимности государственной (публичной) власти, тем самым включая не только правовые, но и политические и социально-психологические аспекты [15]. В современной российской литературе весьма интенсивно идет обновление знаний в этой научно-эвристической сфере.

В.А. Бачинин предлагает несколько вариантов понимания «политики», одним из которых является следующий: «Сфера публичной цивилизованной жизни, охватывающая общественные отношения субъектов, наделенных полномочиями и обязанностями, участвующих в управлении государством, деятельности властных институтов, выражающих и отстаивающих интересы определенных социальных слоев» [3].

В целом же не случайно, что при определении специфики политики среди трех ее доминант на первое место всегда выдвигается власть, считающаяся наиболее традиционной основой национальной политической жизни. Причем вплоть до конца XIX – начала XX века политику чаще всего вообще идентифицировали с государственной властью, и только с завершением процесса политико-правовой институционализации различного рода негосударственных образований (партий, лоббистских групп, СМИ и др.) субъекты государственной и политической власти перестали совпадать, а само явление политики, политической власти в значительной мере усложнилось, что, впрочем, и вызвало к жизни теории М. Фуко, Э. Дюркгейма, Р. Мертона и др.

Тем не менее, реально политика всегда связана с поддержкой существующего строя, механизмом легитимации институтов государственной власти, содержание которого, используемый набор средств, конечно же, различаются и зависят от множества факторов (правоментальной специфики, традиционной для того или иного этноса религии, национального состава государства, обычаев и т.п.), но в рамках принятых в современной юридической науке обобщений сопряжены с категорией «политический режим», определяемой чаще всего как «совокупность норм, методов, способов взаимодействия власти и общества, проявляющихся в реализации права и закона, характеризующих качественное состояние государства и общества на определенном этапе его развития» [4].

Ясно, что такого рода дефиниции охватывают проблему в самом общем виде, т.к. ориентируют читателя на обязательную «реализацию права и закона» в условиях любого вида политического (или государственно-правового) режима. Это же, скорее всего, вариант должного, но не сущего, т.к. в действительности властные

практики как в прошлом, так и в настоящем более сложны, а значит, и нормы и методы взаимодействия властвующих элит и общества не могут трактоваться как исключительно правовые (тем более что в непозитивистских теориях право и закон вообще различают).

В контексте же настоящей статьи вопрос распадается на несколько составляющих проблему элементов:

1. Государственная власть не может обойтись без использования тех или иных (хотелось бы, конечно, легитимных) *форм насилия* в отношении общества, что связано с природой государственной власти, а также с сущностью самого права как особого (государственного) регулятора общественных отношений, обеспеченного возможностью *государственного принуждения* (в практическом плане право, закон без воли государства, без соответствующего властного механизма не имеет никакого смысла). Хотя, например, в российской истории были случаи сохранения и функционирования правовых норм на уровне национального обычая, традиций, поддерживаемых силой народного мнения. Однако такого рода ситуации вовсе не подрывают атрибуты самого права, но лишь свидетельствуют о кризисном состоянии отношений между властвующими элитами и обществом («Царем и Землей»), что имело место в период Смуты, эпоху петровских преобразований, в постсоветское реформирование (академик В.Н. Кудрявцев еще в 90-е годы ясно обозначил политику двойных стандартов демократической власти в сфере законности и правового порядка) [6].

2. Государственная политика должна быть направлена на предотвращение насилия, разного рода угроз насилия в отношении общества в целом, отдельных социальных, этнических групп, конфессий, отдельного человека, что должно осуществляться в рамках и с позиций права и закона, тем более что именно право в современном мире (с условием, что иные регуляторы, к сожалению, во многом уже исчерпали свой упорядочивающий ресурс) является основой, источником достижения консенсуса, задает возможность устранения рассогласования общественных отношений.

3. Специфика демократического, авторитарного или тоталитарного политического режима заключается в том или ином варианте разрешения дилеммы «сила власти» – «власть силы», первый из вариантов которой предполагает весьма широкий набор способов воздействия на подвластных (от правовых до не правовых, от убеждения до принуждения, от легальных форм использования насилия до насильственного произвола), второй же – подчеркивает исключительно насильственный вариант проведения государственной политики во всех или, по крайней мере, во многих сферах жизнедеятельности населения. Принято считать, «сила власти» присуща развитому демократическому режиму, ряду «умеренных» видов авторитаризма, модели полицейского государства. Тоталитарный режим опирается исключительно на власть силы, на открытое насилие или его угрозу. Реально, конечно, в отношении тоталитарного (или диктаторско-тоталитарного) режима нельзя утверждать абсолютное господство «насильственных практик»

и, что называется, сбрасывать со счетов идеологически-манипулятивный фактор воздействия на подвластных (имеющий место во всех режимах).

4. Единой, универсальной для «всех времен и народов» формулы достижения и сохранения авторитета власти нет. Для одного типа политических и правовых культур «власть силы» привычна и понятна, действенна, а поэтому легитимна, авторитетна. Использование же иных норм, методов и способов воздействия власти на общество может привести к хаосу, маргинализации многих слоев населения, возникновению насилия со стороны отдельных представителей общества (разбойников, нигилистов, бандитских группировок), этносов (столкновения на национальной почве) и даже к развалу самого государства. В России, например, господство насильственных форм, начиная от Ивана III и до советского периода, обеспечивало сохранение государственности как таковой, приращение новых территорий, относительную гармонию в межэтнических отношениях. При этом нельзя сказать, что государственное насилие было «слепым», «оголтелым», «безграничным». Православно-религиозный дух, «печалование» церкви, отдельных ее деятелей за народ смягчало давление властных элит (правда, не всегда с ожидаемым результатом), влияло на то, чтобы «сила власти» не противоречила «силе духа», особой христианской «благодати». В условиях отсутствия гражданского общества такая деятельность РПЦ была очень важной, значимой для сохранения баланса отношений между властью и народом. Для иного рода цивилизационных образований «власть силы» имела место быть на определенном этапе исторического развития, а затем (в силу ряда обстоятельств) эволюционировала в «силу власти»: на первый план действительно стали выходить правовые, договорные способы взаимодействия властных элит и населения. Тем более, что «право Запада выросло из двух первоисточников: римского права и городского самоуправления» (Берман Г. Дж., 1998) и весьма быстро стало основным его социальным языком, универсальным способом социального взаимодействия, легализующим насилие со стороны институтов государственной власти и минимизирующим иные формы насилия в обществе, способствующим предотвращению этих негативных проявлений.

В настоящее время, в период серьезных глобализационных изменений, государственная власть, конечно же, сохранила способность навязывать свою волю подвластным, в этом ее природа, ее атрибут, сущностный аспект и т.п. Причем формы такого «навязывания» в современном мире, его способы стали весьма и весьма разнообразны:

- прямое физическое насилие, легализованное принуждение;
- стимулирование, поощрение;
- коммуникативное воздействие, т.е. сотрудничество, соперничество, согласованное общение либо конфронтационное общение;
- информационное общение (воздействие), т.е. обучение, трансляция информации; создание различных организаций и общественно-политических движений, через которые навязывается воля правящей группы;
- идеологическое и психологическое воздействие;

- подсазки, т.е. ненавязчивое внедрение в массовое сознание выгодных власти установок или предрассудков;
- блокирование нежелательных последствий, т.е. помеха конкуренту в борьбе за власть;
- политический маркетинг, т.е. искусственное нормирование нужд, которые может удовлетворить лишь носитель (субъект) власти;
- понуждение: обещания, льготы, посулы, подкуп и др.;
- информационный прямой и косвенный контроль, осуществляемый с помощью предостережений, рекомендаций, мести и т.д.

Как мы видим, государственная (политическая) власть обеспечивается и прямой грубой силой, и угрозой ее применения, и богатством, и престижем, и авторитетом (отдельных лидеров либо властных элит), и контролем, и поощрением, и различными информационно-манипулятивными технологиями и пр. Следовательно, правовое государство обязано учитывать признаки власти, особенности механизма ее реализации уметь вовремя гасить их негативные последствия и черты либо не допускать их перерастания за определение границы.

Таким образом, политическое насилие в современном мире – это физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты [9].

Существуют и различные типологии политического насилия. Так, Ю. Гальтунг выделяет *агрессивное* и *оборонительное* политическое насилие, преднамеренное и непреднамеренное. Он полагает, что есть несколько комбинаций этих типов: преднамеренное агрессивное насилие, непреднамеренное агрессивное насилие, преднамеренное оборонительное и непреднамеренное оборонительное насилие. Эта типология делает акцент на инициаторе политического насилия и на отношениях между действующим лицом и самим актом насилия [14].

«... Людей не просто убивают с помощью прямого насилия, но также их убивает социальный строй» [14]. Т. Гурр указывает на то, что существует насилие государства, его агентов и насилие самих масс и классов. Насилие государства – это использование силы для предотвращения отклоняющегося поведения граждан и поддержания внутреннего спокойствия.

Можно выделить разнообразные причины насилия: психологические, социокультурные и политические. Так, важнейшим фактором, влияющим на развитие политического насилия в обществе, является институционализация властных отношений.

Многие парадоксы национальной истории, ее неожиданные повороты не раз это демонстрировали: коллапс политического центра каждый раз влек за собой крушение государства, паралич привычных социально-регулятивных форм, часто грозивших тотальным распадом всей системы социальных отношений и, как следствие, национальной правовой системы как целостного культурно-исторического феномена. Это происходило и в начале XVII века, после вымирания правящей династии Рюриковичей, и в 1917 году (и в 1991 г.). Предпосылкой для

преодоления государственного кризиса каждый раз было либо быстрое, либо постепенное восстановление сильного центра власти, а также привычных способов и форм влияния на население. Без этого российское государство оказывалось практически не функционирующим, а российское общество – неуправляемым. Более того, политическая система России никогда не создавала ощутимых правовых и социально-психологических предпосылок для возникновения и интеграции сил, способных выступить в роли реальной политической оппозиции – необходимого противовеса государственной власти, сдерживающего эту власть фактора.

«Слаборазвитость среднего уровня власти и учреждений, расположенных между самодержцем и несущим тяготы крестьянским населением, являлась важной особенностью Московского государства... русскому дворянству лишь в конце XVIII в. высочайшим указом Екатерины II было предоставлено право на самоорганизацию. Однако и это право вплоть до падения монархии распространялось лишь на местное самоуправление», – отмечает немецкий исследователь Г. Симон [10].

Таким образом, «по-западному» сложные и многогранные взаимоотношения общества и государства в условиях российской истории просто «растворяются», элиминируются спецификой отечественной юридико-политической сферы: «сборная» эгалитарность не просто не предполагает формирование классического *гражданского общества*, но и отрицает его в принципе.

В подобном ракурсе возможно рассмотреть и современные государствоведческие дискурсы. События рубежа столетий обнажили в общем старую «как мир» дискуссию о необходимости построения (в наших условиях – реанимации) так называемого *сильного государства*. В самых разнообразных терминологических конструкциях предстает эта идея.

Например, академик Б.Н. Топорнин предложил использовать понятие «сильное государство». М.В. Баглай справедливо возразил, что юридической науке понятие «сильное государство» пока неизвестно и предположил принадлежность данной категории сложившейся в последнее время практике неадекватной работы государственного аппарата, а Д.Н. Козак не просто употребил этот термин, но и достаточно легко «навесил» на него предикат «*правовое*», посетовав при этом на «пренебрежительное отношение к огромному потенциалу, заложенному в *сильном правовом государстве*» [11].

Умеренно-критическую позицию занял академик В.С. Нерсисянц, который перевел (наверное, один из немногих) обсуждение в *юридическую* (а не политическую!) плоскость и в этой связи напомнил, что положение о сильном государстве выходит за рамки конституционных, что чревато утверждением *государства силы*, предложил сместить акценты и вести речь о становлении суверенной государственности в стране, верховенстве государственной власти и конституционно-правовой законности (Российское государство..., 2002). «Антитезой «государству силы» является «государство права» (правовое государство)», – пишет наиболее известный представитель либертарно-цивилитарного направления в отечественной юриспруденции [8].

Ясно одно – попытки одних «очистить» государство от права, а других – «отделить» право от государства, к большому сожалению, более заботят современных правоведов, чем обозначившиеся в последние годы у немногих авторов приоритеты в исследовании национальных основ государства и права, что и должно привести к формированию необходимого для осмысления различных феноменов (в том числе, и насилия) смыслового контекста.

Широкое распространение (в различных профессиональных сообществах и на обыденном уровне) представлений о «сильном государстве», равно как и укорененность преимущественно позитивистских схем в сфере научного и профессионального правопонимания, наверное, весьма поспешно объявлять ошибочными, случайными или «порочными» тенденциями в отечественной правовой и политической науке. Эти феномены просто не могут быть оторваны от конституирующих их социальных практик, поэтому и рассматривать их следует только в контексте доминирующего стиля юридического и политического мышления, способа политико-правовой деятельности и характера социальных отношений, а не с позиций каких бы то ни было, пусть даже самых благих и привлекательных ценностно-целевых абсолютов.

Вероятно и то, что подобный анализ привлекает не только своей телеологической ценностью, но и операциональностью, так как «связывает» концептуальные построения и эмпирически наблюдаемые правовые, политические и экономические явления (практики, события, процессы и др.), сообразует мысль о предмете и предмет мысли, придавая одинаковое значение этим сторонам научного исследования.

-
1. Любашин, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология, типология / В.Я. Любашин, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – М., 2013.
 2. Панарин, А.С. Процессы модернизации и менталитет: из материалов «круглого стола» «Российская ментальность» / А.С. Панарин // Вопросы философии. – 1994. – №1.
 3. Бачинин, В.А. Политология. Энциклопедический словарь / В.А. Бачинин. – СПб., 2005.
 4. Курскова, Г.Ю. Политический режим Российской Федерации. Теоретико-правовой аспект / Г.Ю. Курскова. – М., 2008.
 5. Кудрявцев, В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
 6. Кудрявцев, В.Н. Преступность и нравы переходного общества / В.Н. Кудрявцев. – М., 2002.
 7. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М., 1998.
 8. Нерсисянц, В.С. Постсоветское общество, право и государство: проблемы и тенденции развития / В.С. Нерсисянц // Государство и право на рубеже веков: материалы Всеросс. конф. – М., 2001.
 9. Пиджаков, А.Ю. Сущность и разновидности политического насилия / А.Ю. Пиджаков // Credo new. – 2002. – № 2.

10. Симон, Г. Мертвый хватает живого / Г. Симон // Цивилизации. – М., 1997.
11. Российское государство и право на рубеже тысячелетий: Всероссийская научная конференция // Государство и право. – 2000. – №7. – С. 5–8, 10.
12. Agamirov, A.R. Legal mindset as factor in the state in the XXI century / A.R. Agamirov, I.A. Sarychev, A.Y. Mordovcev, A.Y. Mamychev // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 36. – P. 235–240.
13. Baranov, P.P. The state authority constitutional legitimacy in modern Russia / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov, A.Y. Mamychev // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 5, S3. – P. 201–208.
14. Haltung, J. The Specific Contribution of Peace Research to the Study of Violence / J. Haltung // Violence and its Causes. Paris, UNESCO, 1981. – P. 87.
15. Lyubashits, V.Y. The social-cultural paradigm of state authority / V.Y. Lyubashits, A.Y. Mamychev, A.Y. Mordovcev, M.V. Vronskay // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 36. – P. 301–306.
16. Lyubashits, V.Y. State and algorithms of globalization / V.Y. Lyubashits, A.Y. Mordovcev, A.Y. Mamychev // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 36. – P. 277–282.
17. Mordovcev, A.Y. The convergence of law: the diversity of discourses / A.Y. Mordovcev, A.Y. Mamychev, T.V. Mordovceva // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 3. – P. 262–267.
18. Ovchinnikov, A. Sociocultural bases of state – legal development coding / A.Ovchinnikov, A. Mamychev, D. Mamycheva // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6, № 3, S4. – P. 67–74.

© А.Ю. Мордовцев, 2016

© А.Ю. Мамычев, 2016

© Т.А. Безматёрных, 2016

Для цитирования: Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Безматёрных Т.А. Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 18–26.

For citation: Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu., Bezmatyornih T.A. Force and power structure of political-legal reality in Russian Empire // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 18–26.

Дата поступления: 04.10.2016.

.....

Международные отношения

.....

УДК 378.4

А.С. Голобоков

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
Владивосток. Россия

Основные элементы стратегий региональных вузов КНР и критерии их оценки

Исследованы стратегии региональных вузов Китая, не являющихся лидерами глобальных рейтингов и не входящих в мировую элиту высшего образования. Предложенный подход состоит в сравнении основных элементов стратегий вузов образовательной системы КНР в контексте динамики их позиций в глобальных и национальных рейтингах. В исследовании определены характерные для большинства китайских вузов стратегические ориентиры. Изучены официальные документы, стратегии, планы и программы развития вузов, которые разделены в исследовании на несколько групп. Сделан вывод о том, что китайские университеты значительно проигрывают вузам США, Великобритании и т.д. по уровню образования и исследований, доле иностранных студентов и другим ключевым параметрам рейтинговой оценки.

Ключевые слова и словосочетания: образовательная стратегия, рейтинг высшего образования, исследовательская деятельность, конкурентоспособность, бенчмаркинг.

A.S. Golobokov

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Strategies of China regional universities' key features and its evaluation

Strategies of China's regional universities, which are not global rating leaders, don't participate in the world higher education elite are examined in the paper. Common strategic orientations and the elements of the strategies with dynamics of Chinese universities positions in global and national rankings defined as the background. The author's approach is to compare key elements of China's universities' successful strategies. Official documents, strategies, development plans and programs of different groups of universities examined. The research suggested that Chinese universities are significantly far behind U.S., Great Britain and so on universities concerning education, research, international students rate and other key parameters of rating evaluation.

Keywords: educational strategy, higher education ranking, research activity, competitiveness, benchmarking.

На фоне формирования отечественного регионального образовательного пространства Дальнего Востока России особую актуальность представляет изучение

Голобоков Андрей Сергеевич – канд. полит. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента; e-mail: golobokov_as@mail.ru.

институциональных структур и основных элементов стратегий региональных вузов стран АТР, а также выявление общих для российской и зарубежных систем высшего образования причин вхождения университетов в «группы риска». При этом немаловажным фактором влияния в условиях значительной регионализации рынка труда можно назвать использование метода бенчмаркинга в условиях международного сотрудничества с зарубежными вузами [1].

Анализ международных рейтингов THE, QS, RUR и т.д. показывает, что азиатские учебные заведения с каждым годом набирают обороты и стремятся составить конкуренцию мировым грандам из США и Европы. Согласно рейтинговым оценкам университетов ведущими мировыми рейтингами, наиболее востребованными и успешными являются университеты Японии, Сингапура, Китая, Гонконга и Южной Кореи. Так, в 2015 г. по таким показателям как уровень преподавания, научные исследования, академический обмен и международное сотрудничество, цитируемость и т.д., в первую тройку азиатских вузов вошли Токийский университет, Национальный университет Сингапура и университет Гонконга, а в пятерку лидеров – Пекинский университет и университет Циньхуа [6].

В сравнении с вузами России университеты Сингапура и Гонконга также занимают значительно более высокие позиции в рейтинге THE по параметру интернационализации (92–99%). При этом учитывается процентный состав международных студентов и преподавателей, а также научные публикации, выпущенные в соавторстве с учеными из других стран [4]. Однако ввиду близкого расположения друг к другу в рамках одной городской агломерации университеты Гонконга сложно оценить по параметрам влияния на регион.

Стоит отметить, что вузам российского Дальнего Востока в международном рейтинге QS близки позиции азиатских университетов Таиланда (Чиангмайский университет (551–600); Thammasat University (601–650) и Kasetsart University (651–700). При этом в рейтинге Вебометрикс тайские вузы значительно обгоняют российские, занимая 300–500-е места. Наиболее востребованными факультетами являются администрирование бизнеса; маркетинг и международный бизнес [11].

Лидером среди азиатских исследовательских вузов выступает Китай, где этот индекс (R&D) увеличивается в среднем на 18% в год, в то время как в США он медленно падает. Результат был незамедлительным: в 2015 году три новых китайских университета попали в рейтинг THE, по суммарному результату (18 вузов) Китай все ближе подступает к Японии, которая представлена в рейтинге 20 университетами [48].

В статье был использован один из популярных электронных рейтингов университетов КНР – «China University Rankings» [5], основанный на независимых интернет-интервью, оценках и опросах. В рейтинге гибкая система гиперссылок, а также возможность ранжирования профилей вузов по ТОП–10: MBA, инженерные, архитектурные, медицинские, языковые и т.д. До 2012 г. оценка вузов строилась на основе соответствия вузов критериям, взятым в соотношении к 100%: общая эффективность вуза (20%), возможности преподавания на разных языках (15%), сервис для иностранных студентов (15%) и их удовлетворенность обучением (20%),

международное влияние (10%) и перспективы работы (20%). В настоящее время рейтинг формируется из других показателей, каждый из которых оценивается от 0 до 100: инфраструктурные затраты, исследования и инновации, международная репутация, студенческая политика, обучение и образование.

Система высшего образования КНР построена на основе 13-го пятилетнего плана на 2016–2020 гг. В его основе – образовательная реформа от дошкольного до высшего образования, предполагающая смещение акцента с административного управления на обучение и исследования, уменьшение до одной трети доли государственного участия в принятии решений в образовательной политике. Министерством образования КНР предпринимается ряд мер, направленных на предоставление бесплатного 9-летнего образования студентам начиная со старших классов [7].

В свою очередь, система оценки высших учебных заведений КНР построена на нескольких стратегических проектах. Это, во-первых, Проект 211, разработанный Министерством образования КНР в 1995 г., согласно которому в КНР отобрано около 6% наиболее важных (ключевых) вузов для подготовки элитных специалистов для осуществления национальных проектов развития в экономической и социальной сферах [10]. В начале осуществления проекта (середина 1990-х гг.) включение университета в список означает соответствие международным требованиям и техническим стандартам подготовки специалистов (на момент запуска проекта 30 ведущих университетов Китая практически не соответствовали этим стандартам). На вузы, принимающие участие в проекте, приходится 4/5 докторов, 2/3 аспирантов, 1/2 иностранных студентов, 1/3 бакалавров. Кроме того, они готовят студентов по 85% всех специальностей, контролируют 96% лабораторий, на них приходится 70% бюджетных ассигнований [7]. Проект 211 считается сегодня малоэффективным, т.к. слишком укрупнил вузы и увеличил расходование на их содержание, деформировав пропорции на научные исследования.

Проект 985 направлен на развитие системы высшего образования и выведение на мировой уровень несколько ведущих университетов Китая при сотрудничестве с местными правительствами. Его суть заключается в совместном финансировании деятельности университетов Министерством образования КНР и правительствами провинций и городских агломераций. Например, Харбинский политехнический университет финансируется равными частями Министерством образования КНР, Комитетом по науке, технологии и промышленности при Министерстве обороны КНР и провинцией Хэйлуунцзян, а Научно-технический университет Китая – Министерством образования КНР и китайской академией наук. В первой фазе были отобраны 9 университетов, которые получили средства на развитие на период трёх лет [8].

Модель внедрения вышеуказанных проектов направлена на усиление ключевых дисциплин и системы качественного обеспечения массового высшего образования. С этой целью в институтах, не вошедших в проект, также выделено и адаптировано небольшое количество ключевых образовательных программ [12]. План предполагает повышение внимания к роли молодых преподавателей в возрасте до 45 лет, составляющих большинство ППС в китайских университетах. Частное образование

ставится во главу угла как фундаментальный принцип образовательной политики и направление общественного развития. Один из аспектов новой политики направлен на обучение преподавателей в сельских районах (Хунань, Сычуань, Тибет, Синьцзян) по работе с современной техникой.

В исследовании сравнивались стратегии китайских вузов, относящихся как к основным городским агломерациям (Пекин, Шанхай, Нанкин, Тяньцзинь), так и к категориям региональных; занимающие различные места в мировом рейтинге ТНЕ/национальном и участвующие/не участвующие в Проектах 201 и 985. Это Пекинский университет (42/2), Университет Циньхуа (47/1), Фуданьский университет (201–250/4); Шанхайский университет связи (301–350/3); Харбинский институт технологий (501–600/9); Нанкинский университет (7), а также ряд вузов находящихся в отдаленных от центра регионах (Тибет, Синьцзян, Ганьсу, Цинхай и Сычуань). Критерии стратегий этих вузов согласно выбранному методу отражены в таблице.

Таблица

Критерии стратегий ключевых (опорных) и региональных вузов Китая

Группа критериев	Ключевые вузы по подготовке элитных специалистов	Узконаправленные вузы, не вошедшие в проекты	Вузы отдаленных от центра регионов
1	2	3	4
Образовательная политика	Глобальная конкуренция вуза в мировом образовательном сообществе, более 50% абитуриентов-высокобалльников, приоритет – подготовка кадров высшей квалификации	Ориентация на инфраструктуру, обучение в малых группах, до 60% студентов – учащиеся вечернего отделения, совмещающие работу с учебой	Подготовка специалистов для ключевых отраслей региона, Обучение преподавателей по работе с современной техникой
Исследовательская деятельность и инновации	Большое количество исследовательских программ по новым методам преподавания, команды специалистов, получивших образование за границей	Прикладные исследования и разработки, выбор базовой дисциплины для региональных научных исследований	Исследования в приоритетных для каждого конкретного региона областях, включая приграничные
Молодежная политика	Субсидирование обучения за различные достижения, недорогое проживание на территории кампуса. Большое количество студенческих обществ	Ориентация на эмигрантов, студентов из Гонконга, Макао и иностранных студентов, подготовка китайских студентов к учебе за границей	Дотации выходцам из бедных семей, стипендиальные программы от Госсовета и местных властей

Окончание табл.

1	2	3	4
Связь с регионом	Сеть научных технопарков, прямые договоры о сотрудничестве, ориентация исследовательских центров на ПИО	Ориентация на международные организации, центры исследований и профильные университеты соседних стран	Обучение местным диалектам на всех ступенях образования, в т.ч. разработка ПО и бесплатные курсы
Предпринимательская политика	Обширная сеть вторичных учреждений по оказанию услуг на территории кампуса	Услуги по прохождению практики и проведению научных исследований, бизнес-планы на заказ	Креативные идеи студентов, создание в рамках вузов малых бизнес-предприятий

Метод определения общих факторов формирования эффективных стратегий региональных вузов отличается предварительным выделением групп критериев оценки стратегий региональных вузов, к числу которых относятся:

- образовательная политика;
- исследовательская деятельность и инновации;
- молодежная политика;
- связь с регионом;
- предпринимательская политика.

Образовательная политика. Стратегии вузов Китая в большинстве ориентируются на реализацию теории Дэн Сяопина об образовании и теории «тройного представительства» (акцент на реформе обучения и основной подготовительной структуре, занимающей приоритетное положение; модели профессиональной подготовки кадров). В Китае, как в США или Европе, выстроена трехуровневая система высшего образования: бакалавриат – магистратура – докторантура. Для удовлетворения требования развития международного сообщества в большинстве китайских вузов осуществляется принятая по западному образцу балльная система для обучающихся по программе бакалавриата, а также премиальная система студентов, срок обучения которых более 1 года.

При этом «сильное ядро» вузов (ТОП-10 национального рейтинга) включает крупные мультидисциплинарные и коллегиальные по структуре вузы. К примеру, Пекинский университет, ведущий вуз КНР в 2015 г., включает в себя 30 колледжей и 12 факультетов. Согласно стратегии вуза диверсификация направлена на повышение конкурентоспособности вуза в мировом образовательном сообществе. Ее обеспечивают 53 члена Китайской Академии наук, 14 членов Академии наук «третьего мира» (TWAS), а образовательные программы направлены на медицину, социальные и гуманитарные науки, менеджмент и образование. Фуданьский университет (5) реализует около 40 государственных программ Министерства образования КНР.

Другой крупный университет, Циньхуа (2), обращает внимание на развитие в комплексе профессиональных навыков студентов и активно реализует на практике план по развитию творческих и конструкторских способностей. Для этого

университет создал программу второй ученой степени бакалавра, в которой просматривается воспитание одаренных специалистов, которые имеют две ученых степени в сочетании естественно-технических, гуманитарно-естественных, технико-управленческих и технико-юридических специальностей. Приоритет имеют программы подготовки кадров высшей квалификации: в числе выпускников вуза два последних председателя КНР – Ху Цзиньтао и Си Цзиньпинь. Кроме того, до 30% сотрудников вуза составляет преподавательский состав и университет предоставляет работающим техникам и административным сотрудникам возможность непрерывного образования разного уровня и профиля для повышения квалификации [13].

Образовательная политика вузов, относящихся к числу региональных и находящихся в отдаленных от центра регионах (Тибет, Синьцзян, провинции Ганьсу, Цинхай и Сычуань), во многом опирается на подготовку специалистов для ключевых отраслей региона. Например, Синьцзянский университет (91), который входит в число национальных «ключевых университетов» по «Проекту 211», сосредоточен на реализации программ государственного управления, инженерии и правоведения. В университете работают 1 вузовская группа национального уровня, 3 – уровня автономного района, 20 – уровня автономного района по селективным курсам, 8 преподавателей субсидируются автономным районом. Кроме того, в университете – 5 «особых» специальностей национального уровня, а также 8 специальностей, по которым район испытывает постоянную нехватку кадров. На национальном уровне поддерживаются 3 учебные дисциплины (причем одна по подготовке специалистов), 7 – на уровне автономного района, 21 – на уровне вуза.

Сычуаньский университет иностранных языков (100) ориентируется на гуманитарные направления в соответствии со спецификой региона: юриспруденция, журналистика, китайский язык как иностранный, русский язык и литература, сопоставительная литература и мировая литература. Из 50 тысяч выпускников около 40% – слушатели краткосрочных курсов. Чанчуньский политехнический университет (79) ориентируется на семь научных школ: компьютерных технологий, оптоэлектронной инженерии, электроники и т.д. Не представленный в национальном рейтинге Тибетский университет получает значительные дотации правительства на социально-экономическое развитие автономного района, направленные на увеличение учебной и научно-исследовательской базы университета. Помимо традиционных технических и гуманитарных направлений в Тибетском университете готовят специалистов по тибетской медицине, музыке и языку.

Некоторые узкопрофильные китайские вузы в образовательной политике в большей степени ориентированы на инфраструктуру и обеспеченность специальностей. Так, Даляньский морской университет (122) в привлечении студентов ориентируется на совершенствование кампуса, лабораторные здания, вычислительный центр, мультимедийный инструкторский центр, исследовательский центр морских наук, навигационные учебные тренажеры, морские технические тренажеры и три океанских учебных судна водоизмещением более 10 000 тонн каждый. Особенностью некоторых вузов, находящихся за пределами первой сотни (Чунцинский

педагогический университет (142), является то, что более 60% студентов – учащиеся вечернего отделения, совмещающие работу с учебой.

Научно-исследовательская деятельность. Большинство исследовательских центров, существующих при китайских вузах, направлены на использование новых методов преподавания и исследовательских работ, а также объединение китайских экономистов, получивших образование за границей. Наиболее обширной исследовательской базой располагают ведущие китайские вузы, находящиеся в ТОП-10, а число исследовательских программ достигает 1500, из которых около 10% получают награды и гранты. К примеру, при Пекинском университете (1) действуют 216 исследовательских институтов, а два инженерных научных центра имеют статус общенациональных. Подчиненное подразделение – Китайский центр экономических исследований, проводит ежегодную конференцию совместно с американским Национальным бюро экономических исследований (NBER-CCER Annual Conference); организует ряд симпозиумов и семинаров и реализует ряд направлений подготовки специалистов, включая программу MBA совместно с Фордхэмским университетом (Нью-Йорк).

Восточно-китайский педагогический университет (30) имеет 6 ведущих дисциплин государственного значения, 1 базовую государственную лабораторию, 2 ведущих лаборатории, курируемые непосредственно Министерством образования КНР, 1 лабораторию открытого типа, 1 базовую лабораторию, курируемую мэрией Шанхая, 5 базовых пунктов исследования гуманитарно-общественных наук, курируемых Министерством образования КНР, 61 пункт докторантуры, 101 пункт аспирантуры. Чунцинский университет (30) разработал 10 программ научных исследований для обладателей степеней докторов наук на базе 5 ключевых национальных лабораторий и 93 лаборатории по разным специальностям.

Фуданьский университет (5) проводит исследования физико-математических, гуманитарных, социальных и медицинских наук. В состав университета входят 7 исследовательских центров социальных наук, 9 исследовательских центров фундаментальных наук и в общей сложности 77 исследовательских институтов, 112 междисциплинарных институтов и 5 научных лабораторий. Третий военно-медицинский университет (131) располагает 42 учебно-исследовательскими аудиториями, 7 медицинскими центрами, 4 крупными лабораториями, 2 клинико-фармакологическими базами.

Региональные вузы также проводят исследования в приоритетных для каждого конкретного региона областях. В Синьцзянском университете (91) исследования сосредоточены в основном в 8 областях знаний: экология засушливых почв, математическая теория, демография, культуры Центральной Азии, алтайские исследования и др. Для одного из наиболее востребованных направлений (экология засушливых почв) создан Международный центр по поддержке и устойчивому развитию регионов с засушливыми почвами и работают 7 «исследовательских станций» по посткандидатским исследованиям. Одна специальность (социогуманитарного блока) является базовой для региональных научных исследований и также поддерживается государством. Сычуаньский университет иностранных языков (100) осуществляет научные исследования в области общественных наук,

высшего образования, Северной Америки, туристской и эстетической культуры. Университет 50 раз был награжден министерством Китая, правительством провинции Сычуань и г. Чунцин за отличные научные исследования в области философско-общественных наук.

Молодежная политика. Крупные китайские вузы привлекают студентов значительным субсидированием обучения за различные достижения, недорогим проживанием на территории кампуса и предоставлением необходимой научно-исследовательской базы. Коренным отличием от западной системы образования в КНР является подход к изучению студентами китайского языка, на котором ведутся все основные образовательные программы вузов и который выступает в качестве инструмента молодежной политики [9]. Во многих странах мира существуют институты Конфуция, а на основе специальной стипендии правительство Китая привлекает в национальные университеты лучших выпускников со знанием китайского языка, ежегодно выделяя стипендий для студентов из других стран.

В то же время в процентном соотношении количество иностранных студентов в китайских вузах значительно ниже, чем в западных университетах. К примеру, Фуданьский вуз (5) располагает 11% студентов из стран мира, а Восточно-Китайский педагогический университет (30) только 10%. В этом аспекте континентальный Китай сильно проигрывает университетам Гонконга, процент иностранных студентов в которых составляет минимум 35–38% [56], показатель трудоустройства выпускников за 6 лет составил 99,7%, а программы ведутся в основном, на английском языке.

Ведущий вуз страны Пекинский университет располагает примерно 14% иностранных студентов, из них около 40% – представители Южной Кореи, а 60% состоят из граждан стран Европы, Северной Америки, Австралии и Азии. В этих условиях более узконаправленные региональные вузы из числа ТОП-100 (Чанчуньский политехнический университет (79) предлагают различные стипендии студентам: стипендия ШОС, стипендия института Конфуция, стипендия Министерства образования, правительства провинции Цзилинь и т.д.

Синьцзянский университет (91) предлагает своим абитуриентам стипендиальные программы - дотации от Госсовета «за особый вклад в науку» (молодые специалисты). Чунцинский педагогический университет (142) принимает китайских эмигрантов, студентов из Гонконга, Макао и иностранных студентов-практикантов, занимает по образовательным и проверочным центрам китайского языка для иностранцев одну из ведущих позиций среди университетов Китая. Сычуаньский университет иностранных языков (100) ориентируется на отделение аспирантов и иностранных студентов, изучающих китайский язык, и отделение подготовки китайских студентов, собирающихся поехать за границу на учебу, поддерживает тесную связь с 20 зарубежными вузами и является китайским юго-западным центром тестирования по программам TOEFL, IELTS. Тибетский университет выплачивает студентам техникумов – выходцам из бедных семей стипендию в размере около 250 долларов, притом обычная стипендия составляет около 150 долларов.

Связь с регионом и международная репутация. Ученые известного Глобального института Макинси в результате исследований неоднократно приходили

к выводу, что менеджеры по персоналу рассматривают только 10% китайских выпускников-инженеров в качестве потенциальных кандидатов на трудоустройство, в то время как для США данный показатель достигает 81%. В связи с этим региональные стратегии китайских вузов направлены, в первую очередь, на повышение конкурентоспособности своих выпускников на международной арене.

Ведущий исследовательский университет КНР Циньхуа (2) сотрудничает более чем с 120 зарубежными вузами, имеет прямые договоры о сотрудничестве с более 30 зарубежными объединениями и каждый год отправляет около 3000 преподавателей и аспирантов на стажировку, исследование и научный обмен за границу для чтения лекций, проведения кооперативных исследований, участия в научных конференциях и усовершенствования. Интерес предприятий региона обеспечивает научный технопарк в юго-восточной части университета площадью 100 квадратных километров [54]. Кроме того, для местного населения многофункциональным, открытым, эффективным, фундаментальным центром информации является электронная библиотека университета, объединяющая 24 тысячи компьютеров. По статистическим данным компании США число посещений популярных научных баз данных и EI достигает 130 тысяч в месяц. В этом плане Университет Цинхуа превышает наиболее успешные американские университеты, такие, как Массачусетский институт технологий (MIT).

В состав Фуданьского университета (5) входят 10 госпиталей, таких как Чжуншаньский и Хушаньский, которые предоставляют медицинские услуги населению и на базе которых одновременно ведется практическое обучение студентов медицинских специальностей университета. По схожему принципу построена стратегия Третьего военно-медицинского университета (131), имеющего 3 больницы с различными специализациями.

Восточно-китайский педагогический университет (30) поддерживает связь с более чем 80 ведущими университетами Европы, Америки, Азии и Австралии, в частности, с Парижским Педагогическим Университетом (Франция), Вирджинским Университетом (США), Университетом в городе Кобе (Япония), Мельбурнским Университетом (Австралия). Более 100 иностранных специалистов приглашаются для работы в университет в качестве почетных профессоров и профессоров консультантов. Кроме того, при университете действует Центр по изучению России, который специализируется на исследованиях в области истории, политики, экономики, культуры России и китайско-российских отношений. Этот Центр является одним из ведущих базовых пунктов общественных и гуманитарных наук государственного значения.

В стратегии Даляньского Морского Университета (122) важную роль в усовершенствовании стандартов управления и качества играют Международная морская организация (ИМО), Международная Морская Ассоциация Лекторов (IMLA), Международная ассоциация Морских Университетов (IAMU), Ассоциация Морского Образования и Союз Институтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АМЕТИАР), Международная Судоходная Федерация (ISF) и Международная ассоциация обществ классификаций (IACS). Как свидетельство принятых обязательств

к усовершенствованию образования, Университету было выдано свидетельство, выпущенное Норвежским обществом классификации судов (DNV) и китайской Морской Администрацией Безопасности для подготовки более 2 тысяч зарубежных специалистов по навигации для 30 стран. Кроме того, Даляньский морской университет имеет связь с 15 морскими университетами Российской Федерации, Японии, Кореи, Англии.

Тибетский университет ориентируется на развитие тибетского языка в районе как обязательного предмета на всех ступенях образования. В лабораториях Тибетского университета (ТАР) разработаны версии операционных систем Windows и Linux, а также программа изучения тибетского языка. Кроме того, ТАР открывает в других провинциях Китая тибетские курсы, которые готовят специалистов для этого автономного района. Слушатели курсов обеспечиваются бесплатными питанием и учебными пособиями, а по окончании приезжают работать в Тибет.

Предпринимательская деятельность. Министерство образования КНР делит китайские вузы на несколько категорий: 1) ТОП крупнейших вузов, 2) сильные центральные и региональные вузы среднего звена и 3) вузы, которые предполагается перевести в ранг высших учебных заведений профессионального образования [55]. Для китайских выпускников значение вуза, из которого они выпускаются, очень велико и влияет на стартовую зарплату. Высокая рейтинговая оценка вуза в Китае определяется в основном качественной научно-исследовательской базой, условиями обучения и проживания для студентов, гарантиями последующего трудоустройства.

Предпринимательские стратегии свойственны, как правило, узкопрофильным вузам: сельскохозяйственным, пищевым, коммерческим. Вузы предлагают свои услуги для прохождения практики и проведения научных исследований. Источником дохода является производство на рынок продукции. Также вузы разрабатывают бизнес-планы на заказ. К примеру, дополнительными источниками дохода Харбинского коммерческого университета являются сеть продуктов быстрого питания, ресторан, гостиница и т.д.

Кроме того, Министерство образования КНР поддерживает креативные идеи студентов и поощряет создание в рамках вузов малых бизнес-предприятий, а также предоставляет образовательные кредиты на развитие молодежного предпринимательства. С 1980-х гг. была актуальна схема «образования по контракту», когда предприятие направляло работника учиться в конкретный вуз. В то же время вузы не поощряют предпринимательскую деятельность преподавателей, как в других странах. Тем не менее, единого стандарта к определению предпринимательского уровня вуза нет, он определяется «креативным» подходом каждого университета к формированию своей предпринимательской стратегии.

Можно сделать вывод, что ключевые показатели китайских центральных и региональных вузов по ряду критериев совпадают с целевыми ориентирами реформирования российской системы высшего образования: исследования и инновации, международная репутация, студенческая политика, востребованность выпускников на рынке труда. Несмотря на то, что в образование в КНР вкладываются большие средства, на международной арене китайские университеты значительно проигры-

вают вузам США, Великобритании и т.д. по уровню образования и исследований, доле иностранных студентов и другим ключевым параметрам рейтинговой оценки.

1. Голобоков, А.С. О роли независимой оценки в формировании многофакторного национального рейтинга высших учебных заведений / А.С. Голобоков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – №3 (34). – С. 94–103.
2. Лучшие университеты Азии 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.language-travel.ru/01.01.04.01/578.aspx> (дата обращения 25.09.2016)
3. Региональный вуз: выбор пути / Г.И. Лазарев и др. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. – 228 с.
4. Список и рейтинг гонконгских университетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unipage.net/ru/universities_in_hong_kong (дата обращения: 25.09.2016).
5. 2016 China University Rankings [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.at0086.com/> (дата обращения 25.09.2016).
6. Asia Uni Rankings 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2015/regional-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank_label/sort_order/asc/cols/rank_only
7. Educational quality and equity tops national agenda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.moe.gov.cn/Specials/Specials_Spotlight/Spotlight_Opinions/201603/t20160314_233418.htm (дата обращения 25.09.2016).
8. International Rankings and Chinese Higher Education Reform [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wenr.wes.org/2006/10/wenr-october-2006-international-rankings-and-chinese-higher-education-reform/> (дата обращения 25.09.2016).
9. Ministry of education of the People's republic of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.moe.gov.cn/Specials/Specials_Spotlight/Spotlight_Opinions/201603/t20160314_233418.htm (дата обращения 25.09.2016).
10. Over 10 billion yuan to be invested in “211 Project” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.people.cn/90001/6381319.html> (дата обращения 26.09.2016).
11. Ranking Web 2016: Edition 2016.1.1 January [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webometrics.info/en/node/164> (дата обращения 5.09.2016).
12. The Overall Goals and Missions of Project 211 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.cn/20010101/21852.shtml> (дата обращения 26.09.2016).
13. Tsinghua university [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsinghua.edu.cn/publish/newthu/newthu_cnt/research/research-1.html (дата обращения 25.09.2016).

© А.С. Голобоков, 2016

Для цитирования: Голобоков А.С. Основные элементы стратегий региональных вузов КНР и критерии их оценки // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 27–37.

For citation: Golobokov A. S. Strategies of China regional universities' key features and its evaluation // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 27–37.

Дата поступления: 03.11.2016.

Ли Мэйхуа¹

Научно-технический университет Внутренней Монголии
Баотоу. КНР

А.П. Латкин²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Теоретические аспекты формирования эколого-социо-экономически согласованного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства в Приморском крае

Перспективной отраслью развития экономики Приморского края является сельское хозяйство. Существующий дефицит трудовых ресурсов, инвестиций, техники и технологий обуславливает необходимость создания в этой сфере российско-китайских совместных предприятий. В силу ряда причин китайская сторона предпочитает организацию своих сельскохозяйственных предприятий при получении земли в долгосрочную аренду. Такой вариант предпринимательства сопровождается рисками появления негативных экологических последствий, что требует принятия особых мер.

Ключевые слова и словосочетания: предпринимательство, российско-китайское сотрудничество, Приморский край, развитие, экономика, экология, сельскохозяйственные предприятия.

Li Meihua

Inner Mongolia University of Science&Technology
Baotou. China

A.P. Latkin

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Theoretical aspects of the formation of ecological, social and economic of the Russian-Chinese agriculture business in the Primorsky Territory

Promising sectors of the economy in the Primorsky Krai is agriculture. There are a labour force, investment, equipment and technologies have necessitated the creation in the field of Russian-Chinese joint business. For several reasons, China prefers to organize their agricultural enterprises in the preparation of the land in the long-term lease. Such an enterprise is accompanied by a risk of occurrence of negative environmental impacts, which requires the adoption of special measures.

Keywords: business, Russian-Chinese cooperation, Primorsky Krai, development, economy, ecology.

¹ Мэйхуа Ли – профессор; e-mail: nina.li.69@hotmail.com.

² Латкин Александр Павлович – д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации ВГУЭС; e-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru.

Одним из приоритетов российской экономической политики в условиях значительного снижения доли нефтегазового экспорта в национальном доходе является развитие сельскохозяйственного производства. Особенно это важно для дальневосточных регионов страны, где на протяжении длительного времени продовольственная безопасность обеспечивается импортом продуктов питания из Китая, Республики Кореи, Вьетнама и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Имеющиеся на российском Дальнем Востоке земельные ресурсы и климатические условия позволяют практически полностью обеспечить потребности проживающего здесь населения самой различной сельскохозяйственной продукцией с перспективой её экспорта на зарубежные рынки.

Данный вывод подтверждается практикой увеличения объёмов выращивания овощей, арбузов, картофеля, зерновых, прежде всего риса и сои, производства на этой основе мясной и молочной продукции в Приморском крае, где в последние годы формируются агропромышленные комплексы.

Следует признать, что достигнутые и тем более будущие результаты в реализации этого приоритетного направления во многом связаны с развитием российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства, особенно в приграничных районах. Необходимость такого сотрудничества двух стран обосновывается не только имеющимся в Приморском крае дефицитом квалифицированных трудовых ресурсов, но и возможностью заимствования технологий эффективного сельскохозяйственного производства.

Позитивно оценивая динамику развития взаимовыгодных российско-китайских отношений, нельзя не признать возникающие при этом проблемы эколого-социально-экономического согласования совместного использования природно-ресурсного потенциала Приморского края.

Теоретические основы эколого-экономического согласования сельскохозяйственной деятельности не нашли пока специального и целенаправленного целостного изложения в литературе. Принципиально формирование такого согласования основывается на анализе эколого-экономических взаимодействий.

В аспекте оценки эколого-экономических взаимодействий зарубежными и российскими учёными уже наработаны определённые результаты.

В российской литературе отмечается, что в методологическом аспекте концепция устойчивого развития должна отражать реальную эколого-социально-экономическую ситуацию в регионе и его специфику с глобальной точки зрения на устойчивое развитие. На основе решения этих двух задач определяются приоритетные направления устойчивого развития региона.

Модель устойчивого развития в первую очередь должна быть нацелена на отражение взаимодействий экономического и социального компонента. Социальные проблемы многообразны, но важно отобразить те, которые формируются экономическими и экологическими компонентами. Следует подчеркнуть, что социальные компоненты имеют значение таких элементов экономических компонентов, как налоговая система и бюджетная политика.

Обратное воздействие социальных компонентов на экономические выражается во влиянии социальной обстановки на формирование структуры материальных потребностей. Значимо и влияние социальных компонентов на экологические компоненты. Экологический компонент активно влияет на экономические и социальные процессы, что выражается в показателях экономического ущерба и истощения запасов природных ресурсов.

В работе Е.В. Рюминой отмечается, что необходимо рассматривать именно такое экономическое развитие, которое учитывает необходимость сохранения окружающей природной среды на основе соблюдения интересов природы – экологических интересов. В целом проблема может решаться лишь при комплексном анализе всей совокупности экономических и экологических процессов, который даёт возможность управлять самим процессом возникновения техногенного воздействия, его отраслевой и территориальной структурами. Поэтому предметом исследований последних лет становится разработка принципов комплексного анализа, направленного на согласование экономического развития с экологическими требованиями для достижения экономического роста с сохранением окружающей природной среды [1].

Экологические нарушения вызывают в экономике *дополнительные затраты*. Они связаны с необходимостью создания таких видов экономической деятельности, которые защищают общество от воздействия загрязнённой природной среды вследствие ликвидации и уничтожения производственных отходов. В российской литературе их называют экологическими издержками, а за рубежом – издержками, связанными с защитой окружающей среды.

Экологические издержки принято подразделять на природоохранные затраты и экономический ущерб от экологических нарушений. Первая часть – это затраты на мероприятия, предупреждающие экологические нарушения. Вторая часть – не имеет пока чёткого определения не только в части методов количественной оценки, но и на содержательном уровне.

Экологический аспект безопасности в сельском хозяйстве чрезвычайно важен. При производстве сельскохозяйственной продукции условия труда зачастую неблагоприятны для нормального функционирования организма человека: это сильная запыленность при выполнении механизированных работ в поле, ненормированный рабочий день, опасность заражения инфекциями и вирусными заболеваниями от животных. Широко распространены на сегодняшний день различные аллергические реакции, а также отравление от контакта с биологическими веществами.

В этой связи представляется вполне обоснованным включение в федеральные законы «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (№ 473 от 29.12.2014) и «О свободном порте Владивосток» (№ 212 от 13.07.2015) особых условий привлечения иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности.

Необходимость этого решения диктуется утвержденной председателем российского правительства 28 октября 2015 года Концепцией развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточ-

ного федерального округа. В данном документе отмечается, что в сельском хозяйстве этих территорий только за последние 5 лет численность трудовых ресурсов сократилась на 22%, тогда как относительное участие иностранных граждан не превышает 4% [2]. В Приморском крае этому во многом способствовали как благоприятные природно-климатические условия при значительном потенциале земельных ресурсов, так и обустройство в относительно короткие сроки 5 таможенных автомобильных и железнодорожных переходов на российско-китайской границе. Через них к 2000 году на российскую территорию въезжали ежегодно до 950 тысяч китайских граждан [3].

Практика организации российско-китайского сельскохозяйственного производства в Приморском крае показывает наряду с этими негативными явлениями также и экологические нарушения значительных территорий почвы, водоёмов, включая озеро Ханка, от чрезмерного использования химических удобрений.

Для исключения этих явлений разработан один международный стандарт на основе ISO 9001:2008 – это ISO 22006:2009 (Системы менеджмента качества – Руководящие указания по применению ISO 9001:2008 в растениеводстве) [4].

Иногда можно встретить указания, что этот стандарт относится только к производству зерновых культур, однако это не так. Текст самого стандарта дает пояснения области применения стандарта. Рекомендации ISO 22006:2009 могут применяться в растениеводстве в частности, при выращивании, обработке, сборе и пр. ежегодных посадках зерновых культур, культивируемых многолетних растений, диких растений, которые специально не выращиваются: садовых растений, включающих различные виды фруктов и овощей и декоративных растений, многолетних кустарников и деревьев, а также корнеплодов.

Кроме указанного выше международного стандарта в сельском хозяйстве широкое применение получил «стандарт» GAPs – хорошие сельскохозяйственные практики. GAPs – это набор рекомендаций, которые призваны улучшить качество и повысить безопасность выращиваемой продукции. Руководящие указания, которые даются в этом стандарте, могут быть адаптированы и применены к любым системам производства сельскохозяйственной продукции. GAP обращает внимание на четыре первичных компонента процесса производства сельскохозяйственной продукции – почва, вода, персонал, средства обработки и производства. Прямой связи со стандартом ISO 9001 этот стандарт не имеет, но позволяет построить систему качества и безопасности сельскохозяйственной продукции на альтернативных принципах [4].

В основе хороших сельскохозяйственных практик лежит выполнение ряда принципов, связанных с четырьмя базовыми элементами качественной и безопасной сельскохозяйственной продукции:

1. «Чистая почва» – предполагает, что производитель должен предпринимать шаги по снижению возможностей микробного загрязнения почвы.

2. «Чистая вода» – предполагает, что производитель должен предпринимать ряд действий по подготовке и очистке воды. Например, вода, используемая для помывки, приготовления или обработки, должна быть питьевого качества.

3. «Чистые руки» – реализация этих принципов требует от производителя, чтобы выполнялись меры по гигиене в ходе работы в полях и при обработке сельскохозяйственных культур в помещениях (например, после сбора выращенных культур).

4. «Чистые поверхности» – означает, что все упаковочные контейнеры, рабочие поверхности, места хранения, транспортные средства и т.п. должны тщательно и регулярно промываться и подвергаться санитарной обработке [5].

Выполнение принципов, входящих в каждый из этих элементов, позволяет сельхозпроизводителю организовать и построить систему управления качеством и безопасностью выращиваемой продукции.

Одним из факторов устойчивого развития сельского хозяйства как на Дальнем Востоке, так и в Приморском крае является стимулирование активной деятельности российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства. Усиление предпринимательской ориентации сельскохозяйственных предприятий является однозначно позитивное явление, которое способствует реальному формированию рыночной экономики. В силу высокой адаптивности к изменяющейся экономической среде, непосредственной близости к потребителю сельскохозяйственное предпринимательство позволит решать многочисленные проблемы сельских территорий, среди которых наиболее актуальными остаются обеспечение продовольственной безопасности на селе, использование местных ресурсов, новых технологий, обеспечение занятости населения, одновременно с повышением его уровня жизни [6].

Следует отметить, что в организации согласованного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства в приграничных территориях многие проблемы имеют лишь постановочный характер, что не может в полной мере удовлетворять реальную практику сельского хозяйствования. В частности, для принятия эффективных управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях весьма важно иметь методическое обеспечение для формирования согласованного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства обоснования территориально-отраслевых приоритетов создания совместных предприятий с учетом эколого-социально-экономического состояния влияния совместного сельскохозяйственного предпринимательства на деловую активность местного населения.

Для привлечения инвестиций в сельском хозяйстве целесообразно создать в Приморском крае свободную сельскохозяйственную экономическую зону с льготным налоговым режимом для российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства. Льготы должны предоставляться предпринимателям, готовым вкладывать средства в развитие сельскохозяйственное предпринимательство.

-
1. Жук, А.П. Управление инновационным развитием рыбохозяйственной деятельности в условиях Дальнего Востока России: дис. ... д-ра экон. наук / А.П. Жук. – Владивосток, 2009. – С. 151–155.

2. Латкин, А.П. Российский Дальний Восток: предпосылки и условия привлечения иностранных инвестиций: монография / А.П. Латкин, В.А. Казакова, Т.В. Евсеева; под общ. ред. проф. А.П. Латкина. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 240 с.
3. Латкин, А.П. Оценка динамики и качественных изменений российско-китайского экономического сотрудничества в приграничных северо-восточных регионах / А.П. Латкин, Сян Ицзюнь // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – №3. – С. 11–18.
4. ГОСТ 28708-2013. Средства малой механизации сельскохозяйственных работ. Требования безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tandartgost.ru/g/ГОСТ_28708-2013.
5. Кривошеин, Д.А. Экология и безопасность жизнедеятельности / Д.А. Кривошеин, Л.А. Муравей. – М.: Инфра-М, 2011.
6. Витковская, Г.С. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России / Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. – М.: Гендальф, 1999.

© Ли Мэйхуа, 2016

© А.П. Латкин, 2016

Для цитирования: Мэйхуа Ли, Латкин А.П. Теоретические аспекты формирования эколого-социо-экономически согласованного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 38–43.

For citation: Meihua Li, Latkin A.P. Theoretical aspects of the formation of ecological, social and economic of the Russian-Chinese agriculture business in the Primorsky Territory // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 38–43.

Дата поступления: 10.12.2016.

Б.А. Карменов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург. Россия.

Платежные системы Республики Казахстан: тенденции развития

Основы современной платежной системы Республики Казахстан были заложены 20 лет назад, что позволило создать свою национальную платежную систему, функционирование которой обеспечивает современный денежный оборот в интересах национальной экономики. В статье анализируются основные индикаторы развития платежных систем в республике и определены основные тенденции их развития.

Ключевые слова и словосочетания: платежная система, межбанковская система денежных переводов, система межбанковского клиринга, индикаторы рынка платежных услуг, тенденции развития платежных систем, риски платежных систем.

B.A. Karmenov

Saint-Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg. Russia

The Payment System of the Republic of Kazakhstan: trends of development

The foundations of the modern payment system of the Republic of Kazakhstan was formed 20 years ago, which helped to create a national payment system, which is operated by the modern money turnover is in interest of the national economy. The article presents the main indicators of development of payment systems in the Republic of Kazakhstan and the trends of their development.

Keywords: payment system, interbank money transfer system, interbank clearing system, indicator of the market of payment services, trend in the development of payment systems, risks in payment systems.

В современной практике стабильность экономических систем в значительной степени определяется сложившимися механизмами денежного обращения, в рамках которых ведущее место отводится платежным системам, которые позиционируются как безналичные денежные системы, или системы электронных денег. Платежная система представляет собой совокупность процедур, правил и инфраструктуры, выполняющих функцию перевода стоимости от одного участника экономических отношений другому. Процессы интеграции, глобализации национальных экономик в мировую экономическую систему, а также рост требований юридических

и физических лиц к обеспечению стабильности, своевременности и надежности обеспечения процедур купли-продажи (перехода права собственности) являются причиной дополнительных требований к развитию платежной системы.

Уникальность Республики Казахстан заключается, во-первых, в том, что только в 35 странах мира существуют национальные платежные системы, и Казахстан – одна из них, во-вторых, в том, что, если, например, в России национальная платежная система «Мир» начала функционировать в 2015 г., то в Казахстане основы национальной платежной системы были созданы в 1996 г. как Система крупных платежей, которая в 2000 г. была преобразована в Межбанковскую систему перевода денег (МСПД). Совершенствование системы МСПД осуществлялось в направлении реализации следующих принципов: окончательность расчетов; безотзывность расчетов, завершение платежей в режиме реального времени. Параллельно с Межбанковской системой перевода денег функционирует и вторая платежная национальная система – клиринговая. При этом еще в 1999 г. была прекращена деятельность клиринговых палат при областных филиалах Национального Банка, в результате чего клиринговая межбанковская деятельность осуществляется через Казахский Центр Межбанковских Расчетов (КЦМР), который в 1996 г. был преобразован из Алматинской клиринговой палаты, созданной в 1995 г. Система межбанковского клиринга (СМК) обслуживает розничные платежи на небольшие суммы. Важным этапом в развитии регулирования платежных систем на территории Казахстана явилось принятие Закона Республики Казахстан «О платежах и платежных системах» от 26 июля 2016 г. № 11-УІ, в котором определены основные требования к платежным системам, виды платежных систем и способы определения их значимости (системно значимая платежная система, значимая платежная система, иная платежная система), порядок регулирования платежных систем и надзор за ними, а также порядок регулирования рынка платежных услуг и контроль за ним [1]. При этом Закон определяет следующие понятия: *система денежных переводов*, *межбанковская система перевода денег*, *система межбанковского клиринга* как виды платежных систем [1. Ст. 1], но при этом строгого определения платежной системы в Законе не изложено.

Вместе с тем стабильно функционирующая платежная система, представляющая собой совокупность организационных форм, правил, платежных инструментов, технологических средств и процедур, обеспечивающих обращение денежных средств между субъектами расчетных отношений, служит основой для осуществления Национальным банком Республики Казахстан эффективной денежно-кредитной политики государства, от четкости и надежности функционирования расчетного механизма которой в решающей степени зависит финансово-экономическое положение как отдельных субъектов хозяйствования, так и страны в целом. Именно поэтому расчетно-платежные отношения являются важной составной частью денежно-кредитной политики государства [3] и анализ показателей развития платежных систем в Республике Казахстан актуален не столько в долгосрочном разрезе, сколько в краткосрочном аспекте в связи с высоким уровнем изменчивости основных факторов, влияющих на основные платежные индикаторы (табл. 1).

Таблица 1

**Основные показатели развития платежной системы
Республики Казахстан, 2015–2016 гг.**

Показатели	на 01.11.15	на 01.11.16
Количество карточек в обращении (тыс.), в т.ч.:	16 666,2	15 491,1
Локальные системы	1081,8	344
Международные системы, в т.ч.:	15 791,5	15 147,0
Visa International, из них:	12 693,5	11 153,8
- дебетовые	9521,4	8465,4
- кредитные	2465,7	2164,7
- дебетовые с кредитным лимитом и предоплаченные	706,5	523,7
MasterCard Worldwide, из них:	2437,7	2858,1
- дебетовые	2275,6	2599,6
- кредитные	70,4	190,5
- дебетовые с кредитным лимитом и предоплаченные	91,8	67,9
Кол-во держателей карточек (тыс. чел.), в т.ч.:	14 546,6	14 100,5
Локальные системы	847,2	291
Международные системы, в т.ч.:	13 789,1	13 809,5
Visa International	11 111,1	10 308,9
MasterCard Worldwide	2275,5	2656,1
Кол-во использованных карточек (тыс.), в т.ч.:	7332,5	8080,0
Локальные системы	697,1	213,9
Международные системы, в т.ч.:	6795,2	7866,1
Visa International, из них:	5194,4	5731,5
- дебетовые	4303,7	4450,9
- кредитные	359,5	950
- дебетовые с кредитным лимитом и предоплаченные	531,2	330,6
MasterCard Worldwide, из них:	1219,3	1484,9
- дебетовые	1130,1	1340,0
- кредитные	37,7	115,3
- дебетовые с кредитным лимитом и предоплаченные	51,6	29,6
Количество POS-терминалов (шт.), в т.ч.:	72 066	103 907
- у торговых предприятий	64 888	96 002
- в банках	7178	7905
Количество банкоматов (шт.), в т.ч.:	8945	9483
- с функцией выдачи наличных денег	7745	7970
- с функцией выдачи и приема наличных денег	1200	1513
Количество платежных терминалов (ед.)	13 857	14 433

Примечание: сост. по [2].

Анализ основных показателей развития платежных систем Республики Казахстан за период 2015–2016 гг. указывает на соответствие основным трендам развития, а именно увеличение количества POS-терминалов оплаты и банкоматов за анализируемый период на 44,2 и 6,0% соответственно, увеличение используемых

банковских карточек на 10,2%, а также их доли в общем количестве эмитированных банковских карточек с 44,0 до 52,2%, что указывает на активное развитие платежной системы в рамках национальной экономики, вовлечение физических и юридических лиц в платежную систему, увеличение кредитования за счет использования кредитных карт.

Кроме того, необходимым элементом анализа платежной системы Республики Казахстан является структура и содержание платежных инструментов (табл. 2). Развитие безналичных платежей, которые в рамках стран СНГ находятся на уровне 15–40% от общей суммы, является одним из основных индикаторов внедрения современных инструментов платежной системы, позволяющих ускорять и снижать стоимость (в том числе за счет уменьшения инкассации, затрат на выпуск наличных денег) обслуживания наличной массы. Как следует из данных табл. 2, платежные поручения, составляя в общем количестве 25,8% от общего числа транзакций, в суммарном количестве обеспечивают 95,8% денежного оборота, в то время как расчеты платежными карточками, составляя 73,8% проводимых операций, обслуживают только 4,1% денежного оборота.

Таблица 2

**Сведения об использовании платежных инструментов
за октябрь 2016 г.**

Платежный инструмент	Количество		Сумма	
	Абс.	в % от общего объема	Абс.	в % от общего объема
Платежные поручения	10 127,50	25,8%	21 169,50	95,8%
Платежные требования-поручения	145,9	0,4%	3,9	0,02%
Инкассовые распоряжения	33,5	0,1%	8,1	0,04%
Платежные карточки	28 956,8	73,8%	904,8	4,1%
в том числе:				
- операции по выдаче наличных	17 940,1	45,7%	756,1	3,4%
- безналичные платежи	11 016,7	28,1%	148,7	0,7%
Прочие инструменты	1	0,01%	5,2	0,02%
Общий итог	39 264,6	100,0%	22 091,50	100,00%

Примечание: сост. по [2]; К – количество, в тыс. тр.; С – сумма, в млрд тенге.

Одним из основных индикаторов развития национальной платежной системы являются объемы сделок (табл. 3), совершаемых в рамках Межбанковской системы перевода денег (МСПД) и Системы межбанковского клиринга (СМК), которые выполняют функцию обеспечения экономики страны ликвидностью и перетока капитала.

Таблица 3

Динамика платежей МСПД и СМК Республики Казахстан

Год	Октябрь		Всего (январь–октябрь)	
	Кол-во	Объем	Кол-во	Объем
2015	2893,6	26 281,5	29 136,1	190 077,7
2016	706,0	48 433,4	29 295,0	479 751,0
Изменение в %	-6,50%	84,30%	0,50%	в 2,5 раза

Примечание: сост. по [2]; ед. изм. в тыс. транзакций и млрд тг. соответственно.

Анализ совокупной динамики МСПБ и СМК за январь–октябрь 2016 г. и аналогичный период прошлого года указывает на существенный рост объемов сделок (на 152,3%), развитие банковского сектора, интеграцию банковского сектора в национальную экономику, развитие национальных платежных систем, а также на наличие кризисных явлений в казахской экономике в октябре 2016 г. (о чем свидетельствует снижение на 17% объемов платежей по сравнению с октябрем 2015 г.).

Отдельный интерес представляет анализ динамики платежей через Систему межбанковского клиринга в 2015–2016 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Динамика платежей СМК Республики Казахстан, 2015–2016 гг.

Год		Кол-во	Объем
2015	всего	18 040,4	4 490,3
	<i>в среднем за день</i>	88,4	22,0
2016	всего	17 759,5	4 811,1
	<i>в среднем за день</i>	87,1	23,6
Изменение, в %	всего	-1,6%	7,1%
	<i>в среднем за день</i>	-1,6%	7,1%

Примечание: сост. по [2]; ед. изм. в тыс. транзакций и млрд тг. соответственно.

Анализ данных табл. 4 позволяет сделать вывод о том, что при сокращении количества транзакций за указанный период объемы платежей выросли в 7,1%, что в целом совпадает с оценочным уровнем инфляции, которая прогнозируется Национальным Банком Казахстана на уровне 6–8% по итогам 2016 года.

Электронные платежные системы можно классифицировать на две категории:

1. Электронные платежные системы, использующие базы данных банков (дебет в рамках расчетной системы взаимосвязан с дебетом банковской карты): CyberPOS, Assist, Portmobe, JCB, PayPal, UnionPay, RBK Money.

2. Электронные платежные системы, использующие внутренние базы данных (дебет в рамках расчетной системы зависит от перевода денежных средств на него,

и не взаимосвязан с дебетом банковской карты): WebMoney Transfer, Qiwi, Quickpay, Paybox, E-Port, Factura, Cyber Check, Рапида, PayCash, ElPay.

Из основных тенденций развития платежных систем в Республике Казахстан можно выделить следующие:

- вытеснение международными платежными системами (Visa International, Master card) локальных национальных систем;

- снижение доли операций, совершаемых в рамках наличного обращения, увеличение доли объектов розничной торговли, подключенных к POS-терминалам, увеличение количества банкоматов;

- увеличение доли электронных платежных систем в совокупном объеме операций;

- увеличение рисков нарушения платежных операций ввиду кибер-угроз, взлома злоумышленниками платежных систем.

Проблема увеличения кибер-угроз является одной из существенных, поскольку она, с одной стороны, замедляет развитие платежных систем, а с другой – вызывает настороженность реального сектора экономики из-за высокой вероятности операционных рисков, рисков мошенничества, потери контроля над расчетными счетами, что в целом широко отражено в профессиональных печатных и электронных СМИ [4, 5].

Среди основных рекомендаций по снижению и контролю рисков в системах, основанных на неттинге, в международной практике применяется: по кредитному риску – введение лимитов по операциям и конкретным клиентам, а также требований к обеспечению, проведению мониторинга лимитов в режиме реального времени, а для рисков ликвидности – планирование графиков осуществления платежей, гибкое использование лимитов, покрытие прогнозируемых позиций ликвидности платежными обязательствами [6].

Таким образом, анализ текущего состояния и основных тенденций развития платежной системы Республики Казахстан указывает на ее широкую интеграцию в рамках сегментов физических и юридических лиц, внедрение и развитие межбанковской системы перевода денег и системы межбанковского клиринга. При этом увеличение рисков, связанных с развитием электронных платежных систем, требует дополнительного контроля и регулирования со стороны государства.

-
1. О платежах и платежных системах: Закон Республики Казахстан от 26.07.2016 № 11-УІ.
 2. Официальный сайт Национального банка РК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nationalbank.kz.
 3. Искендинова, С.К. Анализ расчетно-кассовых операций в банковской системе Республики Казахстан в разрезе платежных систем / С.К. Искендинова, Г.А. Рахимова // Вестник университета ТУРАН. – 2015. – №4 (68). – С. 122–126.

4. Угроза киберпреступности растет в Казахстане // Информационный портал 365INFO.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://365info.kz/2015/05/ugroza-kiberprestupnosti-rastet-v-kazaxstane>.
5. Телагисова, Ж. 12% компаний столкнулись с киберугрозой доступа к счетам / Ж. Телагисова // Курсив.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kursiv.kz/news/finansy/12_kazakhstanskikh_kompaniy_stolknulis_s_kiberugrozoy_dostupa_k_schetam/
6. Савинова, Н.Г. Управление рисками в платежных системах / Н.Г. Савинова, А.Б. Степанова // Вестн. Самарского государственного экономического университета. – 2015. – №1 (123). – С. 65–69.

© Б.А. Карменов, 2016

Для цитирования: Карменов Б.А. Платежные системы Республики Казахстан: тенденции развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 44–50.

For citation: Karmenov B.A. The Payment System of the Republic of Kazakhstan: trends of development // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 44–50.

Дата поступления: 19.12.2016.

Н.С. Мартышенко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Маркетинговый анализ международного туристского рынка стран Северо-Восточной Азии

В настоящее время в Приморском крае сложились благоприятные условия для значительного увеличения потока зарубежных туристов из стран Северо-Восточной Азии. Ведущие страны региона – Китай, Япония и Южная Корея – демонстрируют самые высокие показатели роста туристских путешествий в мире. В работе представлен анализ структуры туристских потоков стран Северо-Восточной Азии и оцениваются перспективы развития международного туристского рынка региона. Рассматриваются современные туристские объекты Приморского края, которые могут быть использованы для привлечения массового въездного потока из сопредельных государств, и перспективные направления развития въездного туризма в крае.

Ключевые слова и словосочетания: международный туристский рынок, конкурентоспособность туристского продукта, туристский объект, массовый туризм, продвижение туристского продукта.

N.S. Martyshenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Marketing analysis international tourist market of countries North-Eastern Asia

Currently in the Primorsky kray has created favorable conditions for a significant increase in the flow of foreign tourists from the countries of Northeast Asia. Leading countries in the region – China, Japan and Republic of Korea – shows one of the highest tourism growth rates in the world. The paper presents an analysis of the structure of tourist flow of the North-East Asia and assesses the prospects of the international tourist market in the region. We consider the modern tourist facilities of the Primorsky Territory, which can be used to attract the mass of incoming flow from neighboring countries and the prospects for development of tourism in the province.

Keywords: international tourist market, competitiveness of tourism product, tourist attraction, mass tourism, promotion of tourist product.

Введение

Туристы из стран АТР въезжают в Россию в основном через Приморский край. В последнее время правительством России предпринимаются беспрецедентные

меры для привлечения в Дальневосточный регион отечественных и иностранных инвестиций. В числе законов, способствующих улучшению в регионе инвестиционного климата, был принят отдельный закон, непосредственно для Приморского края, – закон о «порто-франко» или «О свободном порте Владивосток». Он вступил в силу в октябре 2015 года и еще не реализован в полном объеме. Кроме широких налоговых льгот для инвесторов, закон существенно упрощает таможенные процедуры и предусматривает упрощенный визовый режим, позволяющий иностранцам восемь дней пребывать на территории края без оформления визы. В сочетании с введенным во Владивостоке режимом «открытое небо» это может существенно повлиять на рост потока зарубежных туристов. Дополнительные возможности по развитию международного туризма в крае появились также после подписания «Программы о сотрудничестве государств-членов ШОС в сфере туризма» [8, 21].

В последний год постоянно ведутся переговоры с зарубежными партнерами об открытии новых предприятий на территории Приморского края. Менее чем за год действия закона о «порто-франко» уже одобрено более 90 заявок от резидентов, принявших решение развивать бизнес в рамках нового закона. Объем заявленных инвестиций составляет свыше 178 млрд рублей, что должно обеспечить свыше 20 тысяч новых рабочих мест. Сейчас во Владивостоке планируется открытие представительств зарубежных компаний, поездки бизнесменов из сопредельных государств выросли в разы.

Ожидается, что международные контакты по линии бизнеса в ближайшие годы будут только возрастать. Наиболее крупные проекты еще ожидают своего часа: для их проработки и обсуждения требуются более длительные сроки. Необходимо отметить, что крупные инвестиционные проекты, особенно направленные на развитие инфраструктуры, притягивают большое количество новых проектов, которые разрабатываются с учетом новых возможностей, обеспечиваемых более крупными проектами.

Таким образом, возможности для значительного увеличения потока зарубежных туристов складываются для Приморского края вполне благоприятно. Для развития въездного туризма в крае необходимо иметь представление о состоянии и возможностях развития международного туристского рынка ближайших к Приморскому краю стран Северо-Восточной Азии.

Мировой рынок туризма является одним из самых динамично развивающихся мировых рынков. Он очень живо откликается не только на экономические изменения, но и изменения в политической и санитарно-эпидемиологической обстановке. Последние годы к прочим факторам воздействия на туризм добавился фактор террористической угрозы. Статистические данные по изменению структуры мирового туристского рынка публикуются в сборниках и буклетах Всемирной туристской организации (United Nations world tourism organization – UNWTO). Так, по данным UNWTO, в 2015 году международный турпоток составил 1,18 млрд туристов, что превысило показатели 2014 года на 4,4% (рис. 1).

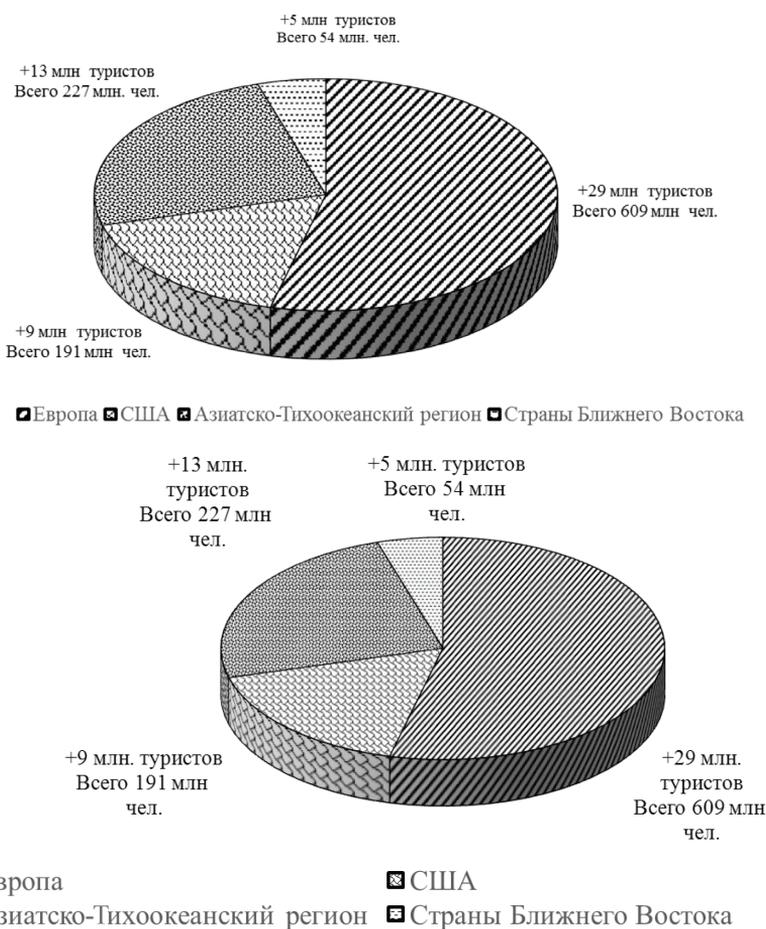

Рис. 1. Показатели роста мировых туристских потоков, млн чел.

Анализу состояния и тенденций развития мирового и российского туристских рынков посвящено немало работ отечественных авторов, среди которых [9, 24–26]. Анализ участников туристского рынка является основой для разработки туристских продуктов, конкурентоспособных в определенных сегментах мирового туристского рынка. Современные подходы к маркетинговому анализу оценки конкурентоспособности туристского предложения региона рассматриваются в работах [2, 7, 11, 18, 27].

В непосредственной близости к Приморью находится крупнейший международный туристский рынок, однако регион мало ощущает на себе его влияние. Одна из основных причин этого заключается в том, что туристские организации края не могут предложить конкурентоспособный туристский продукт на данном рынке в достаточном объеме. Подчеркнем, что возможность развития международного туризма в широком масштабе появилась в крае сравнительно недавно и связана с принятием новых законодательных актов. Новые возможности теперь необходимо подкрепить конкретными действиями.

Для привлечения туристов из сопредельных с Приморским краем государств необходимо понять приоритеты туристов при выборе туристских путешествий. Целью исследования является проведение маркетингового анализа международного туристского рынка стран Северо-Восточной Азии.

Теоретические основы анализа туристского рынка

При анализе туристского рынка необходимо опираться на систему принятых показателей оценок конкурентоспособности туристской индустрии страны и региона, которая определяет направления анализа туристского рынка. Важнейшим элементом исследования должно стать изучение системы туристских предпочтений потребителей из различных стран.

Зарубежные туристские фирмы при открытии новых туристских направлений часто ориентируются на оценки конкурентоспособности туризма страны. Ввиду огромного пространства и разнообразия туристских регионов России такой подход не совсем подходит для нашей страны. Однако исследователям, занимающимся проблемами продвижения регионального туристского продукта на внешний рынок, необходимо ориентироваться в таких оценках. Самой распространенной оценкой является «Индекс конкурентоспособности в области путешествий и туризма» (ИКПТ – The Travel and Tourism Competitiveness Index (ТТСИ)), разработанный в рамках исследований Всемирного экономического форума (ВЭФ) в 2007 году [1. С. 36]. Сегодня индекс конкурентоспособности в области путешествий и туризма охватывает 140 стран, в которых проживает более 90% населения мира и производится 98% мирового ВВП [6. С. 73]. При расчете ИКПТ учитывают 14 показателей, которые можно сгруппировать по четырем направлениям (рис. 2).

Со времени первых оценок в 2007 году и по 2013 год положение России в списке изменилось незначительно (68-е место в 2007 г. и 63 место в 2013 г.). А вот с 2013 года по 2015 год Россия поднялась сразу на 18 позиций и заняла 45-е место с ТТСИ=4,08. Место России по отдельным показателям в 2015 году указано на рис. 2 в скобках. В 2015 году наивысшие оценки получили три европейские страны: Испания (ТТСИ=5,31), Франция (ТТСИ=5,24) и Германия (ТТСИ=5,22). Ведущие страны Северо-Восточной Азии в 2015 году получили следующие оценки конкурентоспособности туризма: Япония 9-е место (ТТСИ=4,24), Китай 17-е место (ТТСИ=4,54), Южная Корея 29-е место (ТТСИ=4,37) [28].

Маркетинговый анализ конкурентоспособности туристского продукта целесообразно рассматривать в соответствии с логической схемой, представленной на рис. 3. При разработке конкурентоспособного туристского продукта необходимо учитывать множество факторов. Обычно выделяют четыре группы факторов: политические, экономические (в том числе, доходы населения), социально-культурные, технологические.

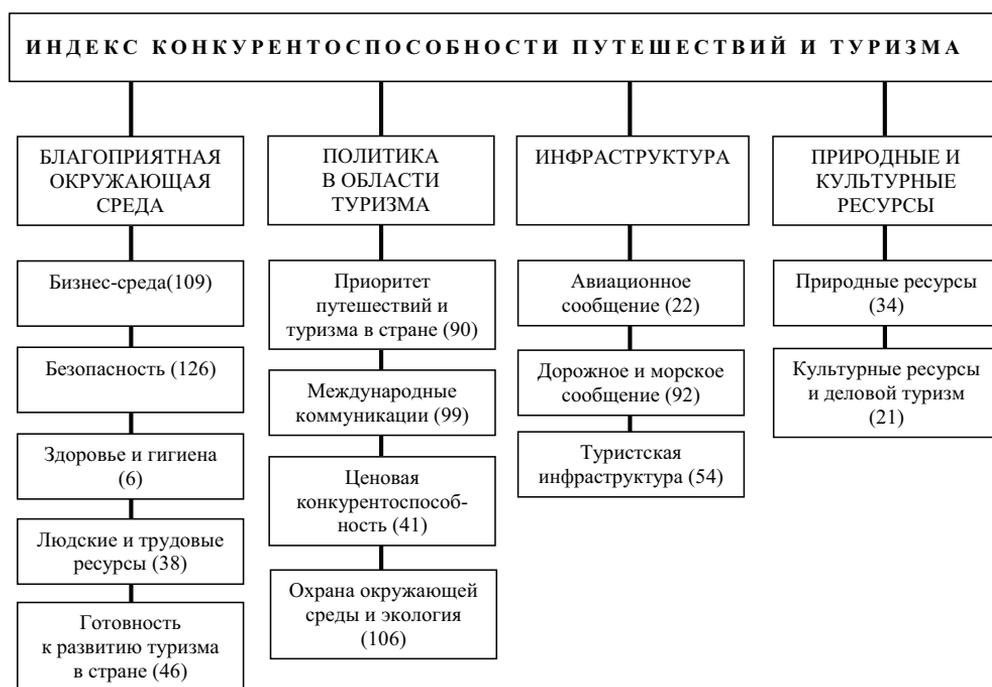

Рис. 2. Структура индекса конкурентоспособности путешествий и туризма

Рассмотрим состояние туристского рынка стран Северо-Восточной Азии. Из всех стран, входящих в список стран Северо-Восточной Азии, нас интересуют те, которые можно рассматривать в качестве потенциальных поставщиков туристов для Приморского края: Китай, Япония и Южная Корея. Остальные страны региона Северо-Восточной Азии не идут ни в какое сравнение ни по масштабам экономики, ни по численности населения. Указанные три страны занимают лидирующие позиции не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. Большая часть туристов из этих стран не выезжает за пределы «треугольника».

Объясняется это не только географической близостью и определенным сходством культур, страны имеют тесные экономические и транспортные связи, благоприятный визовый режим для туристских обменов. Они обладают мощной индустрией туризма с развитой инфраструктурой, рассчитанной на прием массового туристского потока. Развитие туристских обменов между странами пользуется активной поддержкой на государственном уровне во всех трех странах, которые в последние годы вкладывали огромные средства в развитие туризма. Налаживание туристских связей происходило в течение последнего десятилетия. Анализ развития туристской индустрии стран Северо-Восточной Азии посвящено немало публикаций дальневосточных ученых [16, 17]. Однако туристский рынок региона настолько быстро развивается, что для планирования политики продвижения отечественного туристского продукта необходимо учитывать современные тенденции, складывающиеся в последний период.

Рис. 3. Логическая схема маркетингового анализа при разработке конкурентоспособного туристского предложения региона на внешнем рынке

Оценка туристского рынка Китая

Китай необходимо рассматривать как наиболее важного партнера в области развития взаимных туристских обменов и не только потому, что эта страна лидирует на мировом туристском рынке, но и ввиду лояльности большей части населения КНР к нашей стране. У нас много общего в истории. Из трех рассматриваемых стран китайцы более других знакомы с культурой России.

Число туристов из материкового Китая (без Гонконга и Макао) в 2015 году достигло 120 млн человек, что составляет около 10% мирового количества туристов (рис. 4). По этому показателю Китай занимает лидирующую позицию с 2012 года. По прогнозам банка HSBC число китайских туристов, выезжающих за границу, к 2024 году достигнет 242 млн человек.

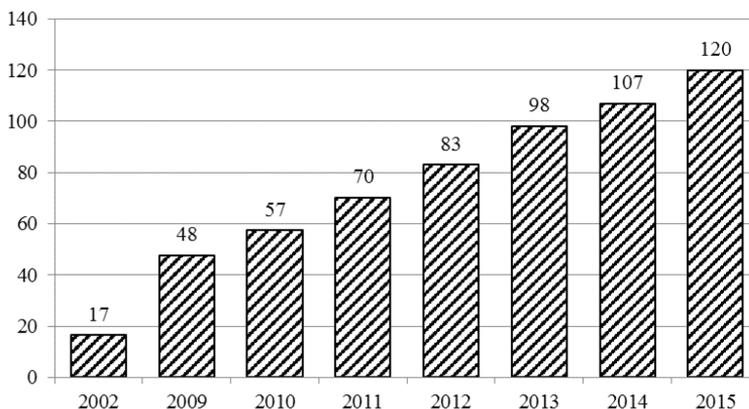

Рис. 4. Динамика выездного туристского потока из Китая, млн чел.

По данным управления туризма КНР, китайские туристы потратили во время зарубежных туристских поездок в 2015 году 215 млрд долларов, что на 53% больше, чем в 2014 году (рис. 5). При этом по всему миру туристские расходы выросли только на 3,1%. В докладе China Luxury Advisors и Fung Business Intelligence Centre делается прогноз, что расходы китайских туристов за рубежом к 2020 году достигнут 422 млрд долларов.

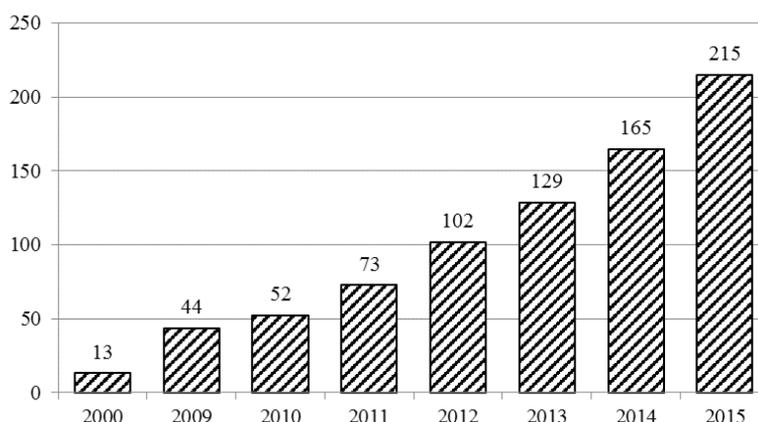

Рис. 5. Динамика изменения общих расходов китайских туристов за рубежом, млрд долл.

Китайские туристы являются лидерами по затратам туристов за рубежом (рис. 6). В целом в 2015 году китайская туристическая индустрия обеспечила седьмую часть от общего вклада туризма в мировую экономику (\$1,14 трлн из \$7,86 трлн) и около четверти от общего числа рабочих мест в данной сфере (79,11 млн из 284 млн).

Среди основных тенденций, которые наблюдались в 2015 году, отмечен резкий рост турпотока в Японию. Это связано с девальвацией йены и отменой ряда визовых ограничений. Китайские туристы совершили 5 миллионов поездок в Японию, что на 107% больше, чем в 2014 году. Китайцы составляют около 25% иностранных туристов в Японии. Таким образом, Китай стал главным источником доходов для туристской отрасли Японии. В среднем, каждый китаец в прошлом году потратил в Японии 2,26 тысячи долларов, из них 51% – на шоппинг. В Южной Корее доля китайских туристов в числе иностранных еще больше – 40%, в 2015 году китайцы совершили в эту страну более 6 миллионов поездок. Среди европейских стран самыми популярными у китайцев стали Италия, в которой побывали 2,3 млн туристов из КНР, и Франция – 1,7 млн. Третьей европейской страной по посещаемости стала Россия.

Из 26,9 зарубежных туристов, посетивших Россию в 2015 году, на долю китайских туристов приходится 1,1 млн. За 5 лет число туристов из Китая выросло в 3,5 раза. Китай сейчас занимает пятое место по числу туристских прибытий в страну. Однако в общем количестве китайских туристов, выезжающих за рубеж, доля России пока еще невысока. Увеличить долю туристов, предпочитающих посещение России, можно было бы за счет китайцев, пока еще предпочитающих

путешествовать по своей стране. В настоящее время на одного выезжающего за рубеж приходится до 33 «внутренних» туристов (при аналогичном соотношении в России 1:2).

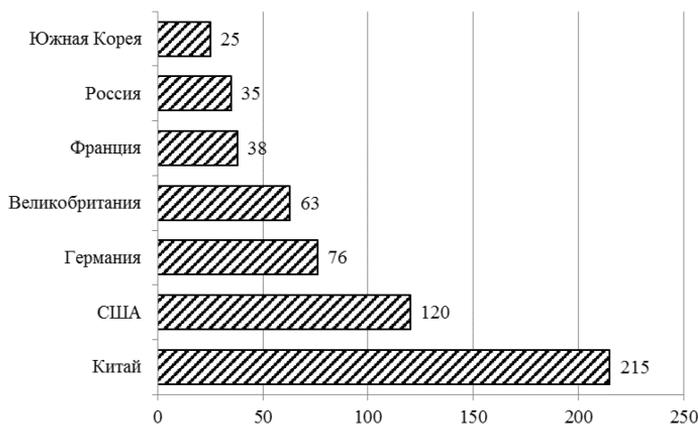

Рис. 6. Страны, лидирующие в мире по расходам на зарубежный туризм в 2015 г., млрд долл.

По уровню развития въездного туризма КНР также входит в группу лидеров. По информации Главного управления по делам туризма КНР, в 2015 году страну посетили 133 млн иностранных туристов, валютная выручка составила \$113,6 млрд (второй результат в мире). Самым крупным донором зарубежных туристов для Китая в настоящее время является Южная Корея. В 2015 году число туристов из этой страны, посетивших Китай, выросло более чем в 4 раза. Далее следует Япония: число посетивших Китай японцев в прошлом году увеличилось на 200%. До последнего кризиса российские туристы очень активно посещали Китай. Большую часть российского туристского потока составляли жители Дальнего Востока [12, 14, 15]. После резкого падения поток российских туристов начал показывать положительную динамику.

По оценке Всемирной туристской организации, к 2020 году Китай выйдет на первое место и по объему въездного туризма.

Общая выручка от реализации туристских услуг в 2015 году выросла на 13,4% до 4,13 трлн юаней (\$1 – 6,5 юаня). В 2015 году власти Китая увеличили инвестиции в туризм на 42% до 1,7 трлн юаней. Сейчас туризм обеспечивает 10,8% ВВП страны и 10,2% рабочих мест. По итогам января–марта 2016 года инвестиции в сферу туризма Китая достигли 117,55 млрд юаней (\$18,08 млрд). Это на 10,38% больше, чем за январь–март 2015 года.

Точками привлечения капиталов становятся новые бизнес-форматы. Наибольший прирост инвестиций наблюдается в сфере круизного и лесного туризма: по сравнению с прошлым годом он составил 142,7 и 103,6% соответственно. Более чем на 50% увеличился спрос на деревенский туризм, индустриальный, морской, маловысотный, спортивный и др. Рост круизного туризма в Китае в три раза превысил среднемировой. В общей сложности в 2015 году десять портов Китая приняли или отправили 629 круизных рейсов, что дало прирост за год в 35%. Участниками

круизов стали 2,48 млн туристов, из которых 2,22 млн составили граждане КНР. Среди всех состоявшихся круизов большая часть приходится на посещение портов трех стран «треугольника».

Оценка туристского рынка Японии

Япония привлекает туристов сочетанием многообразия памятников древней культуры и суперсовременных технологий [3, 4, 22]. В Японии культивируется особое отношение к природным памятникам: на ее территории создано около 30 национальных парков и заповедников, а в городах и даже плотно застроенных мегаполисах много парков и скверов. Большой популярностью у туристов пользуются многочисленные горячие источники, расположенные на территории страны. Кроме того, Япония является одной из самых безопасных стран в мире.

В 2015 году Японию посетили 19,73 млн туристов, что на 47,3% больше, чем в предыдущем году (рис. 7). Около 72% въездного потока обеспечивают четыре страны Северо-Восточной Азии: Китай (4,99 млн), Южная Корея (4 млн), Тайвань (3,68 млн), Гонконг (1,52 млн) (рис. 8).

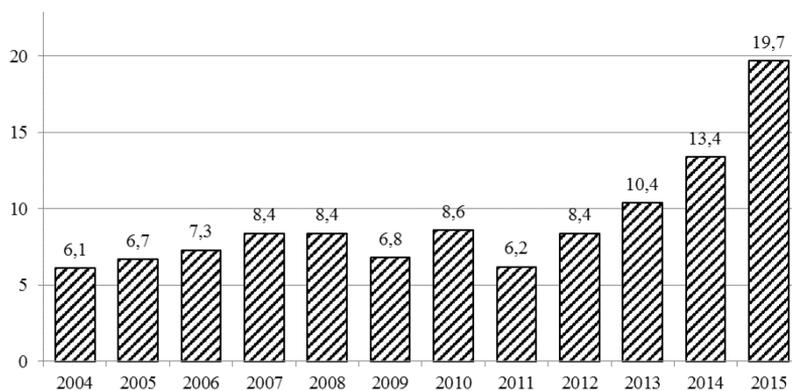

Рис. 7. Динамика въездного туризма в Японию, млн чел.

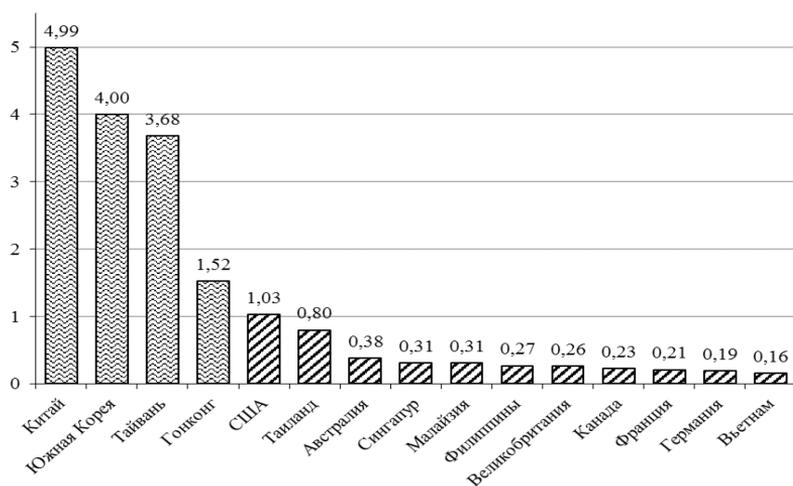

Рис. 8. Структура въездного потока в Японию по странам, млн чел.

Общие расходы иностранных туристов составили рекордную сумму – 3,48 трлн иен, что на 71,5% больше, чем годом ранее. На долю туристов из Китая приходится 40,8% общих доходов от въездного туризма, на долю туристов из Тайваня приходится 15%, а на туристов из Южной Кореи – 8,7%. Таким образом, большая часть расходов туристов приходится на граждан ближайших стран Восточной Азии. В структуре расходов туристов покупка товаров составляет 41,8%, гостиницы – 25,8%, еда – 18,5%. Доходы от туризма сравнимы с экспортом таких высокотехнологичных производств, как производство полупроводников (3,6 трлн иен) и автодеталей (3,4 трлн иен).

В первые два месяца 2016 года туристский поток показал очередной рост более чем на 40%. К 2020 году Япония планирует довести прием туристов до 40 млн человек в год, а к 2030 году – уже 60 млн туристов. Для достижения новых целей японские власти проводят масштабные реформы туристской отрасли страны, которые изменят облик не только въездного, но и внутреннего туризма в стране. Правительство Японии провозгласило лозунг «превратить страну в туристскую сверхдержаву».

Новая туристская стратегия правительства Японии включает шесть групп программных мероприятий:

- 1) продвижение туризма в рамках подготовки к Олимпийским и Паралимпийским играм в Токио 2020;
- 2) принятие мер по серьезному расширению внутреннего туризма;
- 3) упрощение путешествий по Японии посредством таких мер, как упрощение визовых требований;
- 4) развитие туристических регионов мирового класса;
- 5) создание дружелюбной к иностранным туристам атмосферы;
- 6) привлечение бизнес-туристов посредством рекламирования Японии как идеального места для международных встреч, групповых поездок, конференций и мероприятий (MICE-хостинг).

В соответствии с новой программой развития туризма правительство планирует полностью обновить туристскую отрасль, повысить ее конкурентоспособность на международном рынке. Предполагается более активное привлечение новых и развивающихся въездных рынков, смягчение визового режима, обеспечение полетов частных самолетов, коренные изменения в схеме финансирования и привлечения MICE мероприятий, а также восстановление старых курортных городов страны, наполнение их новым содержанием.

Одним из мощных механизмов привлечения туристов является участие туристов в многочисленных национальных праздниках и фестивалях. В стране существует 15 государственных праздников – «сюкудзицу». Кроме того, в каждом городе Японии празднуется множество традиционных праздников «мацури». Кроме традиционных национальных праздников в стране поощряется проведение всевозможных современных фестивалей.

Среди новых задач по развитию туризма в Японии является ориентация не только на количественные показатели притока туристов, но и на качественный

состав. Новый качественный уровень туристских услуг рассчитан на привлечение обеспеченных людей, чей экономический вклад будет более существенным, чем большое количество дешевых групповых туров.

Оценка туристского рынка Южной Кореи

Южная Корея стремится не отставать от своих соседей в области развития туризма. В ближайшее время въездной поток туристов должен превзойти 15-миллионный рубеж (рис. 9). Нетипичным по посещаемости туристами страны стал 2015 год, когда наблюдался даже спад туристского потока. Такая реакция туристов была вызвана вспышкой коронавирусной инфекции MERS.

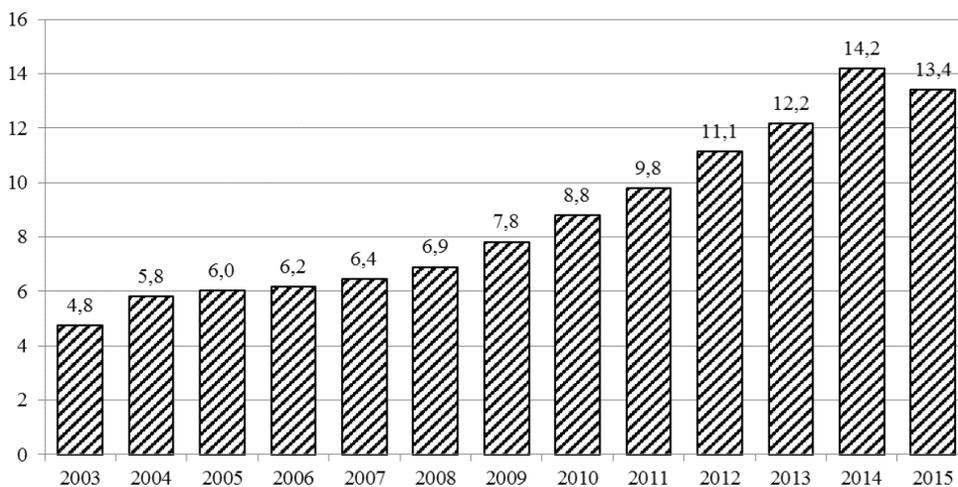

Рис. 9. Динамика туристского потока в Южную Корею, млн чел.

Обладая большим количеством исторических памятников, Южная Корея не может соперничать в этом направлении с Японией или Китаем. Поэтому Южная Корея делает основную ставку на другие виды туризма, в первую очередь, развивая развлекательный туризм. На массовое посещение туристами рассчитаны такие крупнейшие в мире развлекательные комплексы, как Lotte World, Seoul Land, Caribbean Bay, Everland. В настоящее время в Южной Корее разработан грандиозный инвестиционный проект нового развлекательного комплекса 8City, который расположится на островах Йогьи-Муи, рядом с портовым городом Инчхон, имеющим статус свободной экономической зоны. Город-казино будет иметь форму восьмерки. В Китае и Корее это число считается весьма удачным и привлекающим богатство. Площадь комплекса составит 80 км², стоимость проекта оценивается в 264 млрд долларов. По прогнозам разработчиков проекта 8City станет самым посещаемым местом в мире. С вводом нового комплекса, запланированного на 2030 год, Южная Корея рассчитывает увеличить поток иностранных туристов в несколько раз.

Особенно больших успехов Южная Корея достигла в области медицинского туризма и косметологии. Страна является мировым лидером по количеству пластических операций в соотношении к численности населения. Южная Корея

имеет самый высокий процент успешных операций различных видов рака. При этом стоимость лечения сложных заболеваний в несколько раз ниже, чем в США или европейских странах. Например, медицинские услуги по лечению артроза позвоночника в Южной Корее будут стоить \$17 350, в США \$100 000, коронарное шунтирование в Южной Корее – \$24 000, в США – \$144 000, рак желудка в Южной Корее – \$15 000, в США – \$48 000. Поэтому темпы роста медицинского туризма очень высоки (рис. 10). Хотя этот туризм является и не самым массовым, но он приносит значительно больше дохода, чем другие виды туризма.

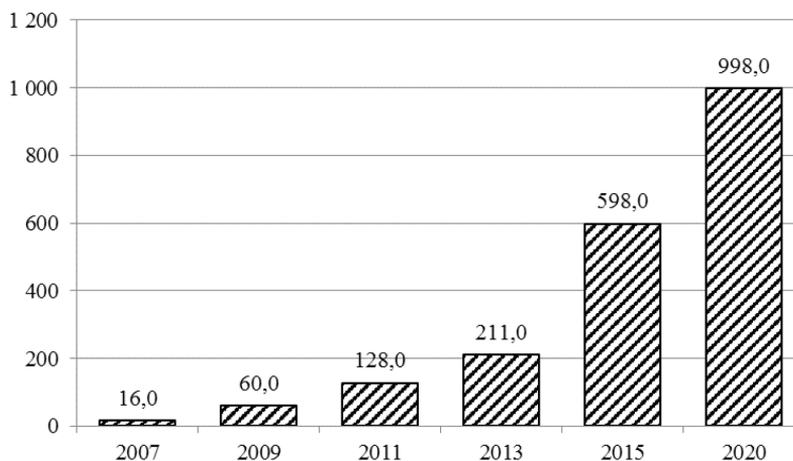

Рис. 10. Динамика роста медицинского туризма в Южной Корее, тыс. чел.

Статистика медицинского туризма в Южной Корее по странам представлена на рис. 11. Медицинский туризм в Южной Корее пользуется большим спросом и у россиян. Из 70 тысяч граждан России, воспользовавшихся услугами медицинского туризма за рубежом в 2015 году, 31,9 приходится на Южную Корею.

Южная Корея стремится занять лидирующую позицию в регионе по развитию горнолыжного туризма. Столица страны Сеул по праву считается лучшим в Азии городом для делового туризма: здесь находятся несколько выставочных центров мирового уровня и огромное количество отелей, где можно провести полноценную конференцию. Правительство страны к 2020 году планирует привлечь в город около 20 млн иностранных туристов, включая деловых путешественников. В рамках развития MICE-индустрии был разработан портал miceseoul.com, который способствует оперативной информированности бизнеса о грядущих деловых мероприятиях в столице и повышению комфорта потребления туристских услуг.

В целях популяризации въездного туризма Южная Корея начинает продвигать новый бренд, который получил название K-Wave. K-Wave – это волна увлечения южнокорейской культурой: начиная от музыки и кино и заканчивая внешним видом. Вслед за Японией Южная Корея стала привлекать туристов к участию в многочисленных праздниках и фестивалях, большинство из которых имеет современное звучание с элементами национальной культуры. Например, среди модных фестивалей – Международный джазовый фестиваль на острове Чарасом,

Фестиваль форели в ледяной стране Хвачхон, Фестиваль морской грязи в Порёне и многие другие. На 2016 год министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея отобрало 43 самых популярных и оригинальных фестивалей, которые будут продвигаться на международном туристском рынке.

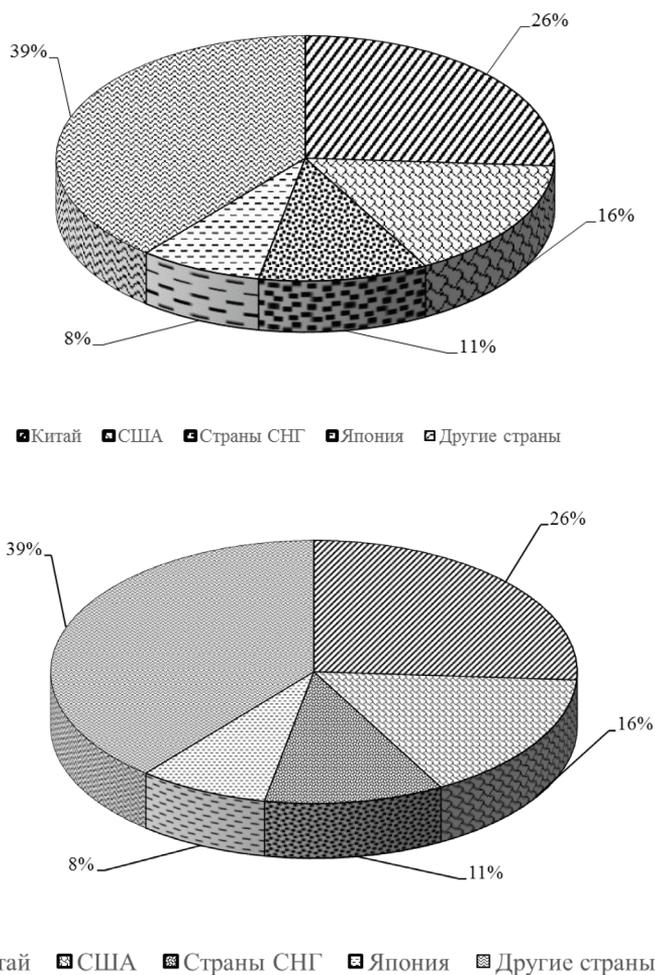

Рис. 11. Лидеры международного медицинского туризма в Южной Корее

Страна активно развивает новые направления туризма, среди которых такие виды туризма, как круизный и экологический. Последним трендом корейской туристической индустрии стала идея привлечения туристов из мусульманских стран (в основном, Малайзии и Индонезии). Начали создавать сервисы, ориентированные на мусульман. Согласно прогнозам количество туристов-мусульман в Южной Корее в 2016 году возрастет до 800 тысяч человек. Чтобы восстановить свои позиции в области привлечения туристов после провального 2015 года, страна объявила 2016–2018 годы годами посещения страны иностранцами.

Безусловно, Китай, Япония и Южная Корея являются странами-донорами для туристского рынка России в целом и Приморского края в частности. Однако, чтобы привлечь в Приморье туристов из этих трех стран, необходимо знать их предпочтения во время поездок.

По оценке японской фирмы Hot Pepper туристы из Северо-Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Гонконг и другие) имеют структуру предпочтений, в большой степени ориентированную «на красоту» и природу. На рисунке 12 представлены оценки приоритетов 10 наиболее интересных занятий, которым хотели бы посвятить свое время туристы во время своего путешествия по Японии. В опросе принимали участие 800 женщин от 20 до 49 лет. Конечно, в других странах у туристов из Северо-Восточной Азии могут быть несколько другие приоритеты, но по сути, принципиальных изменений ожидать не стоит. Поэтому в первом приближении можно ориентироваться на эти оценки приоритетов.

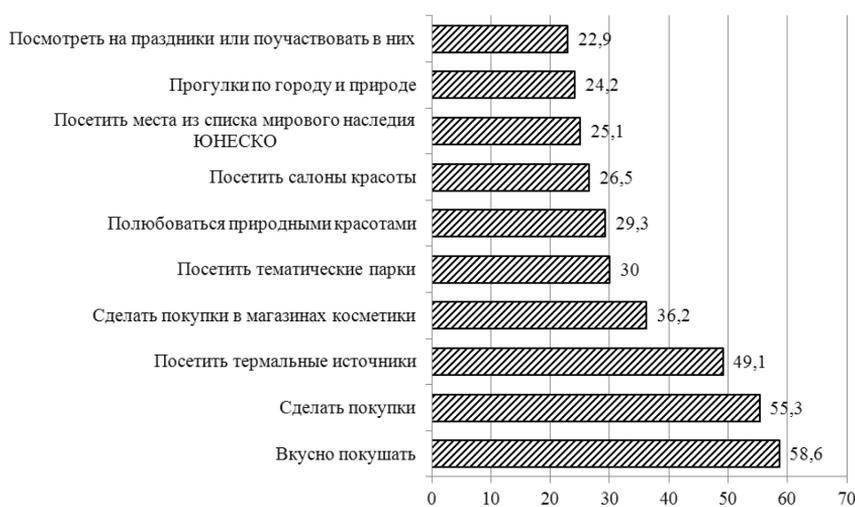

Рис. 12. Приоритеты туристов из стран АТР во время туристских путешествий по Японии

Что касается китайцев, то в настоящее время они пока больше предпочитают близкие по культуре страны: Гонконг – 12,9%, Таиланд – 10,3, Южная Корея – 9,5, Япония – 7,3, Тайвань – 5,7%. Исключение составляют США, куда в 2015 году совершили путешествие около 3 млн туристов (3,2%) из Китая. Это направление сейчас в Китае имеет самый высокий рост (до 20% в год). Такой рост наблюдается по нескольким причинам. Китайцы рассматривают США как страну для развития бизнеса или учебы. США очень сильно упростили визовый режим для граждан Китая.

Заключение

Новые экономические условия предоставляют Приморскому краю хорошие возможности для выхода на международный рынок туризма Северо-Восточной Азии. Для этого необходимо развивать туристские объекты, пользующиеся мас-

совым спросом у населения соседних стран, адаптируя инфраструктуру и сервис в соответствии с предпочтениями туристов из Северо-Восточной Азии.

В последние годы в крае появилось несколько объектов, которые могут быть использованы в массовом туризме, например, новый театр оперы и балета и океанариум. В ближайшие годы объектом массового туризма может стать интегрированная развлекательная зона «Приморье», первые ее объекты начали принимать зарубежных гостей. Среди развлекательных объектов обещает выйти на международный уровень проект многоцелевого спортивно-технического комплекса «Приморское Кольцо» (Priming). В настоящее время рассматривается перспектива строительства крупного аквапарка на острове Русском.

Зарубежные туристские фирмы проявляют большой интерес к сотрудничеству в области круизного туризма. Однако здесь требуются крупные инвестиции в развитие портовой инфраструктуры.

В настоящее время остаются совершенно не задействованными в массовом въездном туризме экологический туризм и природные заповедники края. Между тем, это направление очень востребовано у наших соседей. В этом плане можно было бы рассмотреть возможность реконструкции Ботанического сада или открытия крупного сафари-парка с широким представительством тигров и леопардов. Представители Южной Кореи высказывают интерес к возрождению санаторного комплекса края и развития реабилитационных центров с использованием бальнеологических ресурсов края. Реабилитационная медицина широко востребована во всем мире [20].

Большие возможности для Приморского края открывает развитие событийного туризма [5, 10, 13, 19, 23]. Необходимо больше включить в программы для зарубежных туристов посещение всевозможных праздников и фестивалей, которых в Приморском крае вполне достаточно.

В настоящее время Приморский край посещают в основном туристы из северных провинций Китая. Сейчас настало время для продвижения регионального туристского продукта в более богатые южные регионы Китая. В соответствии с этим необходимо создавать туристские объекты и сервисы, нацеленные на более обеспеченных туристов.

Приморскому краю сегодня нужно определиться с брендом для продвижения туризма на международном туристском рынке в Северо-Восточной Азии. Например, такими брендами могли бы стать «культурный туризм» и «экологический туризм». Невозможно продвигать на международном рынке отдельные частные туристские объекты. Необходимо сосредоточить внимание на объектах, которые могли бы стать центральными туристскими объектами (элементами) выбранных направлений. Все остальные объекты могут дополнять эти центральные элементы.

1. Бандурин, А.В. Индекс конкурентоспособности туристской дестинации / А.В. Бандурин, А.Н. Шилин // Транспортное дело России. – 2012. – № 6–1. – С. 72–74.

2. Бессонова, А.С. Теоретические основы формирования туристско-рекреационного кластера как инструмента повышения конкурентоспособности сферы туризма / А.С. Бессонова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 8. – С. 272–274.
3. Бессонова, Г.Б. Развитие международного туризма в Японии / Г.Б. Бессонова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2015. – № 5 (59). – С. 75–76.
4. Богданова, Л.П. Туризм в Японии: ресурсы и возможности / Л.П. Богданова, С.С. Дьяконов // Вестн. Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. – 2015. – № 2. – С. 113–124.
5. Винокурова, М.Н. Событийные мероприятия для развития туристского рынка региона / М.Н. Винокурова, А.Е. Тарасов // Инновационная наука. – 2015. – № 11–2. – С. 166–169.
6. Вязовская, В.В. Оценка конкурентоспособности России на мировом рынке туристских услуг / В.В. Вязовская, Н.Б. Изакова, Л.М. Капустина // Изв. Уральского государственного экономического университета. – 2014. – № 4 (54). – С. 35–43.
7. Закирова, О.В. Кросс-маркетинг в продвижении туристских услуг / О.В. Закирова, Т.В. Перова // Вестник Мининского университета. – 2015. – № 3 (11). – С. 6.
8. Козырев, Н.И. ШОС: новые контуры евразийской интеграции / Н.И. Козырев, Д.А. Сидоров // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 1 (283). – С. 65–77.
9. Коновалова, А.А. Современное состояние мирового рынка туристских услуг / А.А. Коновалова, А.С. Суворова // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2016. – № 1. – С. 221–224.
10. Леонидова, Е.Г. Событийный туризм как новое направление российского туристического рынка / Е.Г. Леонидова // Universum: экономика и юриспруденция. – 2015. – № 7 (18). – С. 3.
11. Мартышенко, Н.С. Маркетинговые исследования регионального рынка потребителей туристских услуг: монография / Н.С. Мартышенко. Владивосток: Дальнаука, 2007. – 258 с.
12. Мартышенко, Н.С. Туристские потоки из Приморского края в Китай / Н.С. Мартышенко // Регион: Экономика и Социология. – 2011. – №2. – С. 282–291.
13. Мартышенко, Н.С. Формирование Ивент-стратегии развития въездного туризма в Приморском крае / Н.С. Мартышенко // Event-маркетинг. – 2012. – №3. – С. 178–197.
14. Мартышенко, Н.С. Жители Приморского края выбирают Китай. Эволюция рынка туристских услуг выездного туризма из Приморского края в Китай / Н.С. Мартышенко, А.Е. Ильин // Российское предпринимательство. – 2011. – №2. – С. 153–159.
15. Мартышенко, Н.С. Методические подходы к оценке структуры потребления услуг в туристских поездках из Приморского края в Китай / Н.С. Мартышенко, А.Е. Ильин // Вестник национальной академии туризма – 2011. – №1 (17) – С. 34–37.
16. Мартышенко, Н.С. Позиционирование пляжно-купального туризма в Китае / Н.С. Мартышенко, А.Е. Ильин // Новый университет. – 2012. – №4. – С. 58–61.
17. Мирзеханова, Д.Г. Анализ выездного туризма стран Северо-Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея / Д.Г. Мирзеханова // Вестник Национальной академии туризма. – 2012. – № 3. – С. 50–53.

18. Овсянникова, А.В. Роль регионального маркетинга в повышении инвестиционной привлекательности региона / А.В. Овсянникова, И.С. Соколова // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 5 (30). – С. 72.
19. Романова, И.А. Событийный туризм как перспективное направление интеграции России в мировой туристский рынок / И.А. Романова, В.В. Анисимова, Т.А. Рововая // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 415–419.
20. Савельева, И.Е. Ребиалитация / И.Е. Савельева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 7. – С. 148–149.
21. Сидоров, Д.А. ШОС в многополюсном мире / Д.А. Сидоров, К.Е. Колтунов // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 2–5. – С. 155–158.
22. Стегниенко, А.С. Туристские образы префектур Японии: методика изучения и типология // Изв. Российской академии наук. Серия: Географическая. – 2014. – № 4. – С. 85–94.
23. Сулова, И.А. Событийный туризм: тенденции регионального развития / И.А. Сулова, Л.С. Морозова // Сервис в России и за рубежом. – 2016. – Т. 10, № 1 (62). – С. 94–104.
24. Тряскина, В.Ю. Применение современных методов продвижения для популяризации российского туризма / В.Ю. Тряскина, Т.А. Худякова // Общество и сервис: теоретические и практические инновации: студенческий ежегодник. Челябинск, 2014. – С. 4–6.
25. Худякова, Т.А. Влияние мирового кризиса на состояние туристической индустрии / Т.А. Худякова, Ю.А. Пешкова // Проблемы социально-экономического развития регионов: сб. – Уфа, 2015. – С. 166–167.
26. Чабанюк, О.В. Анализ динамики и тенденции развития туристского рынка в России / О.В. Чабанюк // Современные технологии управления. – 2015. – № 8 (56). – С. 41–47.
27. Швец, И.Ю. Управление конкурентоспособностью объектов туристского рынка / И.Ю. Швец, Г.М. Колпакова, Ю.В. Евдокимова // Актуальні проблеми економіки. – 2015. – № 5. – С. 250–257.
28. Index Results – The Travel & Tourism Competitiveness Index Ranking 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2015/index-results-the-travel-tourism-competitiveness-index-ranking-2015/> (дата обращения 16.09.2016).

© Н.С. Мартышенко, 2016

Для цитирования: Мартышенко Н.С. Маркетинговый анализ международного туристского рынка стран Северо-Восточной Азии // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 51–67.

For citation: Martysenko N.S. Marketing analysis international tourist market of countries North-Eastern Asia // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 51–67.

Дата поступления: 19.09.2016.

Т.А. Левченко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Кластерный подход к развитию экономики: отечественный и зарубежный опыт

Кластеры являются инструментом обеспечения устойчивого развития региональной и национальной экономики, что определяет их активное использование в большинстве стран мира. В статье проведен анализ подходов к определению кластеров, их классификации и отраслевой направленности, особенностей функционирования. Определены основные элементы государственной кластерной политики России и возможные направления ее совершенствования.

Ключевые слова и словосочетания: кластер, инновации, регион, кластерная политика.

T.A. Levchenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The cluster approach to the development of the economy: domestic and foreign experience

Clusters are a tool for sustainable development of the regional and national economy, which determines their extensive use in most countries of the world. The approaches to the definition of clusters, their classification and sectoral focus, especially the functioning are analyzed in this article. The main elements of the state cluster policy in Russia and possible ways of its improvement are identified.

Keywords: cluster, innovation, region, cluster policy.

В условиях глобализации и усиливающейся международной конкуренции устойчивость экономики каждой страны зависит от способности обеспечивать экономический рост и успешно конкурировать на мировом рынке, а это невозможно сделать без развитой промышленности и сферы услуг. Повышению эффективности нефинансового сектора экономики, усилению его конкурентоспособности способствует использование кластерных схем.

Широко известным термин «кластер» стал после публикации работ американского бизнес-экономиста М. Портера, основной темой которых являются исследования территориальной организации производительных сил и их связь с понятием конкурентоспособности [6]. М. Портер проанализировал более ста отраслей

Левченко Татьяна Александровна – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры международного бизнеса и финансов; e-mail: tatyana.levchenko@vvsu.ru.

в десяти странах и установил, что наиболее конкурентоспособные транснациональные компании не распределены бессистемно, а имеют тенденцию концентрироваться в одной стране или регионе. Это явление объясняется стремлением сгенерировать синергетический эффект за счет взаимодействия различных фирм и их структурных подразделений. Именно на такой основе и формируется кластер как совокупность фирм, отраслей, которые, взаимодействуя между собой, способствуют росту взаимной конкурентоспособности.

Структура кластера по М. Портеру включает (рис. 1):

- 1) «ядро» взаимоотношений ведущих участников сектора экономики или вида деятельности;
- 2) совокупность «дополняющих компаний» – объектов, деятельность которых напрямую обеспечивает функционирование «ядра»;
- 3) «обслуживающие» объекты, наличие которых обязательно, но их деятельность напрямую не связана с функционированием объектов «ядра»;
- 4) «вспомогательные» объекты, наличие которых желательно, но не обязательно для функционирования кластера.

Рис. 1. Структура кластера

При благоприятном стечении обстоятельств отдельные компоненты формируют кластер, в котором все элементы усиливают друг друга. Для экономики кластеры играют роль точек роста. За первым могут образовываться новые кластеры, и международная конкурентоспособность страны в целом увеличивается.

В настоящее время наиболее распространены два основных подхода к определению кластеров (рис. 2).

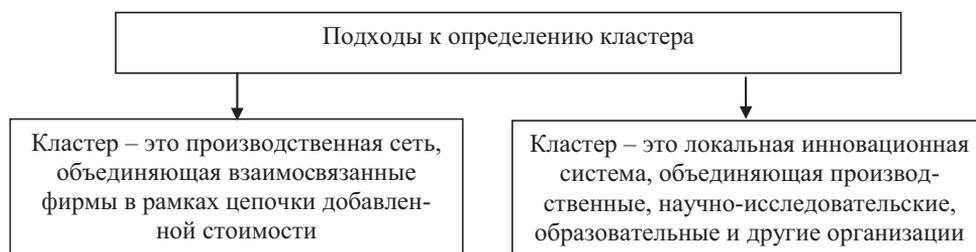

Рис. 2. Основные подходы к определению понятия «кластер»

Существуют различные типы кластеров в зависимости от уровня развития, вида деятельности и географического признака, характеристика наиболее распространенных из них представлена в табл. 1.

Таблица 1

Основные типы кластеров

Тип	Характеристика
По расположению в пространстве	
Территориальный	Участники кластера локализованы в одной географической зоне
Трансграничный	Участники кластера локализованы в приграничных территориях нескольких регионов, государств
Локальный	Участники кластера локализованы в одной географической зоне, ограниченной границами города или городской агломерацией
Внепространственный	Участники кластера связаны между собой производственными и торговыми взаимоотношениями; географический признак не имеет большой значимости
По уровню развития	
Трансформирующий	В структуре развитого кластера формируются новые агломерации, которые в перспективе могут сформировать другие кластеры
Сильный	Эффективная структура кластера, высокая конкуренция и активное взаимодействие между участниками создают устойчивое конкурентное преимущество
Устойчивый	Структура кластера стабильно развивается, но производственный потенциал недостаточен для синтеза значительных преимуществ от синергетического эффекта, создаваемого кластером
Зарождающийся	Не до конца налажено взаимодействие между отдельными элементами кластера, однако кластер развивается достаточно интенсивно
Прекластер	Кластер находится в начале своего развития, взаимодействие между отдельными элементами практически отсутствует
По отраслевому признаку	
Дискретный	Участники кластера производят продукты и услуги, являющиеся отдельными компонентами конечной продукции, и концентрируются вокруг сборочных производств
Процессный	Участники кластера относятся к процессным отраслям (химическая, целлюлозно-бумажная, металлургическая, пищевая промышленность, сельское хозяйство)
Инновационный	Развиваются преимущественно в высокотехнологичных отраслях, активно используют венчурный капитал, результаты научной исследовательской деятельности
Туристический	Развиваются в туристической сфере за счет использования соответствующих активов и рекреационных ресурсов
Транспортно-логистический	Развиваются на территориях с высоким потенциалом для развития транспортной инфраструктуры
Смешанного типа	Сочетают признаки нескольких типов кластеров

Примечание: сост. по [3].

Кластерный подход к развитию национальной и региональной экономики доказал свою эффективность, поэтому сегодня кластеризацией охвачены как развитые, так и развивающиеся страны (табл. 2). Кластеры действуют как в традиционных отраслях, так и в высокотехнологичных.

Таблица 2

Характеристика отдельных зарубежных кластеров

Страна	Название кластера	Основная деятельность кластера
Соединенные Штаты Америки	Кремниевая долина	Разработка и производство компьютеров, микросхем, программного обеспечения
Финляндия	Лесной кластер	Лесозаготовительная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная
	Кластер информационных и телекоммуникационных технологий	Разработка информационных и телекоммуникационных технологий
Дания	Сельскохозяйственный	Производство молочной продукции и оборудования для молочной промышленности
	Телекоммуникационный кластер «NorCOM»	Разработка и производство оборудования для связи (в том числе мобильной) и навигации, беспроводных устройств
Германия	«Силиконовая долина XXI века»	Разработка высоких технологий
	Автомобильный	Разработка и производство высокотехнологичной автомобильной продукции
Норвегия	Рыбопромышленный	Производство рыбной продукции высокой степени переработки, разработка и производство рыбопромыслового оборудования
	Судостроительный	Судостроение
Франция	Косметический и парфюмерный кластер «Cosmetic Valley»	Разработка и производство косметической и парфюмерной продукции
Китай	Автомобильный	Производство автомобильных комплектующих
	Научно-индустриальный парк – «Xinchu»	Разработка компьютерных технологий, производство полупроводников и телекоммуникаций
Южная Корея	«Kumi Electronic Industry Complex» (KEIC)	Разработка и производство электронной продукции
Япония	«Долина Саппоро»	Новые технологии, роботостроение, программное обеспечение

Примечание: сост. по [5].

Исходя из опыта зарубежных стран, кластер можно определить как ядро инновационно ориентированной и инвестиционно привлекательной экономики, проявление интеграционных тенденций. Причем кластеры инновационного типа характерны как для развитых, так и для активно развивающихся стран.

Мотивы создания кластерных объединений за рубежом сводятся к следующему:

- стремление повысить уровень и качество развития региональной экономики;
- создание условий для привлечения инвестиций, особенно в развитие высокотехнологичных отраслей;
- увеличение объемов и качественное улучшение структуры экспорта как национальной экономики в целом, так и ее отдельных территорий;
- развитие научных исследований и повышение качества образования.

Активное применение кластерного подхода не только оказывает положительное влияние на развитие промышленности и сферы услуг, но и способствует повышению уровня и качества жизни населения [7]. В России в настоящее время кластерные принципы организации производственного взаимодействия эффективно используются в Московской, Ленинградской, Нижегородской, Ульяновской областях, а также в ряде других регионов (табл. 3). Кластеры развиваются в перспективных отраслях инновационной направленности.

Таблица 3

Характеристика российских кластеров

Отраслевое направление	Пример кластера
1	2
Производство летательных и космических аппаратов, судостроение	Инновационный территориальный аэрокосмический кластер Самарской области; Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-Авиа»; Судостроительный инновационный территориальный кластер Архангельской области; Инновационный территориальный кластер ракетного двигателестроения технополис «Новый звездный» (Пермский край); Инновационный территориальный кластер авиастроения и судостроения Хабаровского края
Новые материалы	Кластер «Физтех XXI» (г. Долгопрудный, г. Химки, Московская область); Новые материалы, лазерные и радиационные технологии (г. Троицк, Московская область); Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением (Республика Мордовия); Титановый кластер Свердловской области
Ядерные и радиационные технологии	Кластер инновационных технологий ЗАТО г. Железногорск (Красноярский край); Инновационный территориальный кластер ядерно-физических и нанотехнологий (г. Дубна, Московская область); Ядерно-инновационный кластер г. Димитровграда Ульяновской области; Саровский инновационный кластер (Нижегородская область)

Окончание табл. 3

1	2
Химия и нефтехимия	Камский инновационный территориально-производственный кластер Республики Татарстан; Комплексная переработка угля и техногенных отходов в Кемеровской области; Нефтехимический территориальный кластер (Республика Башкортостан)
Информационные технологии и электроника; фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность	Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области; Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий (Ленинградская область); Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии Томской области
Фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность	Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (Калужская область); Алтайский биофармацевтический кластер; Биотехнологический инновационный территориальный кластер Пущино (Московская область)
Информационные технологии и электроника	Кластер «Зеленоград» (Московская область); Развитие информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций Санкт-Петербурга

Примечание: сост. по [2].

Основные характерные черты российского кластера представлены в табл. 4.

Таблица 4

Стандартный российский кластер

Характеристика	Содержание
Состав и количество участников	70 участников (промышленные, образовательные и научно-исследовательские организации, государственные структуры, бизнес-инкубаторы и технопарки)
Географическое расположение участников	Около 80% участников располагаются на расстоянии менее чем 150 км
Особенности деятельности управляющей компании	Управляющая компания начала работать с 2011 г., ее штат состоит из 6 человек. Около 70% бюджета управляющей компании финансируется за счет бюджетных средств, 30% – за счет частных источников. Менеджеры управляющей компании осуществляют в среднем 3 взаимодействия с каждым участником в течение года, направляют им 126 информационных писем, представляют 7 презентаций кластера на различных мероприятиях, организуют 24 коммуникационных мероприятия

Примечание: сост. по [1].

Стандартный отечественный инновационный территориальный кластер относится к категории зрелых согласно Европейскому стандарту кластерного превосходства: 90% его участников являются зарегистрированными, половина из них – коммерческие организации, работающие в отрасли, на которой кластер специализируется. В состав кластера входят образовательные и научно-исследовательские организации, а управляющая компания работает не менее двух лет, контактируя ежегодно не менее чем с 20% участников кластера, как минимум 15% которых взаимодействуют друг с другом. Российские кластеры имеют стратегии и программы развития, которые регулярно актуализируются.

Для успешного развития кластеров решающее значение имеют вопросы их развития и управления. По мнению экспертов, для оценки эффективности кластеров и построения соответствующих рейтингов оптимально использовать следующие показатели [1]:

- масштаб кластера (численность работников организаций-участников кластеров, число организаций-участников кластеров);

- интеграция кластера (доля участников кластера, вовлеченных в совместные проекты, число совместных научно-исследовательских и инновационных проектов, число совместных B2B-проектов);

- качество управления кластером (число дней, в течение которых были проведены тренинги персонала, вовлеченного в управление кластером, число мероприятий, направленных на поддержку коммуникации участников кластера с внутренними и внешними организациями по отношению к числу кластерных менеджеров).

Наиболее успешные российские кластеры, оцененные согласно этим критериям, представлены на рис. 3.

<i>По критерию масштаба:</i>	<i>По критерию интеграции:</i>	<i>По качеству управления:</i>
1. Камский инновационный кластер.	1. Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-Авиа».	1. Кластер Томской области.
2. Развитие информационных технологий, радиозлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций Санкт-Петербурга.	2. Кластер Томской области.	2. Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (Калужская область).
3. Инновационный кластер Новосибирской области.	3. Кластер «Зеленоград» (Московская область).	3. Ядерно-инновационный кластер г. Дмитровграда Ульяновской области.
4. Нефтехимический территориальный кластер (Республика Башкортостан).	4. Кластер Республики Мордовия.	4. Инновационный кластер Новосибирской области.
5. Инновационный кластер Самарской области	5. Инновационный территориальный кластер ядерно-физических и нанотехнологий (г. Дубна)	5. Инновационный кластер ракетного двигателестроения технополис «Новый звездный» (Пермский край)

Рис. 3. Наиболее эффективные кластеры РФ

Таким образом, среди лидеров по совокупности показателей – кластеры Томской и Новосибирской областей, Санкт-Петербурга.

Кластеризация для России – сравнительно новый, перспективный путь развития экономики, активно поддерживаемый государством уже сегодня. Основы кластерной политики заложены в ряде государственных документов стратегического характера.

Кластерная политика представляет собой систему взаимосвязанных действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, направленную на стимулирование и поддержку инициатив региональных и муниципальных органов власти и предпринимательских структур по созданию и развитию кластеров, реализующих сравнительные (конкурентные) преимущества данных территорий [4]. Основной целью реализации кластерной политики является создание условий для формирования и развития кластеров как основы реализации сравнительных (конкурентных) преимуществ территорий и повышения конкурентоспособности экономики страны в целом [8]. Особенности государственной кластерной политики России представлены на рис. 4.

Рис. 4. Государственная кластерная политика РФ

Однако, как и любой процесс, кластерная политика нуждается в постоянном совершенствовании. В связи с этим можно предложить следующие мероприятия:

- развитие международного сотрудничества (стимулирует активное участие кластера в изменении своей институциональной среды, способствует распространению прогрессивных идей и технологий);
 - совершенствование информационной среды кластера (стимулирует совместные научно-исследовательские проекты, в том числе с участием ведущих вузов и научно-исследовательских организаций, способствует повышению эффективности коммуникаций и взаимодействия в кластере).
-

1. Бортник, И.М. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки / И.М. Бортник, С.П. Земцов, О.В. Иванова, Е.С. Куценко, П.Н. Павлов, А.В. Сорокина // Инновации. – 2015. – № 7. – С. 26–36.
2. Все кластеры // Российская кластерная обсерватория / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cluster.hse.ru/clusters/>.
3. Лесовский, Б.Ф. Проблемы и перспективы кластеризации морехозяйственного комплекса Приморского края: монография / Б.Ф. Лесовский, М.А. Салтыков. – Владивосток: Изд-во Дальрыбвтуза, 2011. – 102 с.
4. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации: утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/.
5. Порваткина, М.В. Зарубежный опыт формирования и развития региональных кластеров в экономически развитых странах / М.В. Порваткина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 12. – С. 112 – 115.
6. Портер, М. Конкуренция. Обновленное и расширенное издание: учебное пособие / М. Портер. – М.: Изд-во Вильямс, 2010. – 456 с.
7. Химатов, Р.И. Международный опыт развития кластеров / Р.И. Химатов, А.А. Гараев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 1. – С. 125–134.
8. Черников, Е.А. Формирование кластеров в целях повышения конкурентоспособности регионов Российской Федерации в современных социально-экономических условиях / Е.А. Черников // Региональная экономика. – 2010. – № 133. – С. 28–32.

© Т.А. Левченко, 2016

Для цитирования: Левченко Т.А. Кластерный подход к развитию экономики: отечественный и зарубежный опыт // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 68–76.

For citation: Levchenko T.A. The cluster approach to the development of the economy: domestic and foreign experience // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 68–76.

Дата поступления: 10.11.2016.

О.Ю. Виничук¹
Т.В. Тилиндис²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Методический подход к процессу адаптации деятельности транснациональной корпорации к условиям регионального рынка на основе инструментов бенчмаркинга (на примере Приморского края)

В статье представлен механизм адаптации инструментов бенчмаркинга к деятельности корпорации с целью повышения ее конкурентоспособности в условиях регионального рынка фото- и аудиотехники Приморского края. Актуальность данной темы состоит в том, что в последнее время все больше внимания уделяется применению бенчмаркинга для повышения эффективности управления компанией на любом рынке. Конкурентоспособность и стабильная устойчивость корпорации на рынке заключаются в быстром реагировании на изменения окружающей среды, в том числе и покупательского спроса при обеспечении максимальной эффективности использования ресурсов и затрат.

Цель работы – формирование методического подхода к процессу применения внутреннего бенчмаркинга для подразделений корпорации, который стал бы одним из наиболее эффективных методов управления и разработки стратегии компаний для регионального рынка. Данный метод может помочь компаниям создать свои конкурентные преимущества за счет заимствования идей и стратегий для применения их в своем бизнесе. Интерес к данной проблеме проявляют как сами компании, так и органы власти, заинтересованные в повышении эффективности их деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: бенчмаркинг, корпорация, конкурентоспособность, региональный рынок, бизнес-процессы, корпоративное управление, Приморский край.

O.Yu. Vinichuk
T.V. Tilindis

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Methodological approach to the process of adaptation to the conditions of multinational regional market on the basis of benchmarking (on an example of Primorye Territory)

This article presents an adaptation mechanism for benchmarking tools to activities of the corporation in order to increase its competitiveness in the regional market of photo and audio equipment

¹ Виничук Оксана Юрьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры международного маркетинга и торговли; e-mail: kv_23@list.ru.

² Тилиндис Татьяна Витальевна – канд. техн. наук, доцент кафедры международного маркетинга и торговли; e-mail: tiltat@yandex.ru.

Primorye. The relevance of this topic is that in recent years more and more attention is paid to the use of benchmarking to improve the management of the company in any market. Competitiveness and sustainability of the corporation is stable on the market is the rapid response to changes in the environment, including customer demand while maximizing the efficiency of resource use and costs.

The purpose of the work – the formation of methodological approaches to the use of internal benchmarking for departments Corporation, which would become one of the best management practices and the development of company strategies for the regional market. This method can help companies create their competitive advantage by borrowing ideas and strategies, and apply them in your business. Interest in this issue show how the companies and governments interested in improving their performance.

Keywords: benchmarking, corporation, competitiveness, regional market, business processes, corporate governance, Primorsky Region.

Повышение конкурентоспособности предприятий является одним из главных векторов современной государственной политики в области развития предпринимательства. В свою очередь одним из эффективных методов совершенствования этой деятельности может стать бенчмаркинг. В настоящее время бенчмаркинг представляет собой широко используемую технологию поиска лучших примеров для изучения и внедрения в свой бизнес. Это процесс определения, понимания и адаптации имеющихся примеров эффективного функционирования компании с целью улучшения собственной деятельности [3].

Существует множество методологий, которые используются предприятиями при проведении бенчмаркинга, большинство из них являются, безусловно, эффективными инструментами повышения конкурентоспособности за счет синтеза процессов конкурентного анализа и внутреннего аудита с последующим сравнением полученных показателей. Однако на данный момент нет системного подхода для использования бенчмаркинга на предприятиях, занимающихся различными видами деятельности, а существующий алгоритм бенчмаркинга имеет общий характер и практически не учитывает специфику фирмы. Тогда использование алгоритма бенчмаркинга общего вида на конкретном предприятии может быть затруднено ввиду невозможности обеспечения процесса рассмотрения и учета его особенностей в разрезе отрасли, в связи с чем некоторые важные элементы исследования могут быть упущены, а некоторые этапы оказаться неэффективными, что, в свою очередь, неблагоприятно отразится на положении предприятия и его «встраиваемости» в региональный рынок.

В России процесс, аналогичный бенчмаркингу, существует довольно давно, однако само понятие «бенчмаркинг» вошло в отечественную практику сравнительно недавно. Впервые в России методология эталонного сопоставления данных на примере продукции была установлена в нормативном документе ГОСТ 2.116-76 «Карта технического уровня и качества продукции», в котором каждое изделие, подлежащее государственной аттестации по категориям качества, оценивалось по основным потребительским и функциональным показателям в сравнении с лучшими мировыми образцами. На сегодняшний день данная методология применяется и для оценки уровня безопасности товаров в рамках действующих Технических

регламентов Таможенного или Евразийского экономического союзов, анализа их требований с целью улучшения процессов адаптации предприятий к требованиям международных (региональных) рынков [9, 10, 11]. Очевидно, российским компаниям, независимо от статуса, размера и сферы деятельности, необходимо постоянно изучать и применять передовой мировой опыт во всех сферах деловой активности, перенимать все виды эффективных технологий и, в первую очередь, бенчмаркинга. Естественно, опыт зарубежных фирм в России должен быть эффективно адаптирован, приспособлен к условиям региональных рынков [12].

Несмотря на многообразие исследований, направленных на разработку методических подходов, средств и технологий совершенствования управления предприятиями, научную разработанность методологии бенчмаркинга нельзя признать достаточной. Необходим глубокий анализ особенностей и возможностей применения бенчмаркинга в целях повышения эффективности использования данного стратегического инструмента любыми предприятиями. Однако специфика российских предприятий создает трудности прямого заимствования и распространения опыта, технологизации и формализации процессов в силу сложности и разнородности предпринимательской деятельности, отсутствия методик и единых стандартов описания процессов для малых, средних и крупных компаний [4].

Важно отметить, что цель бенчмаркинга – повышение эффективности собственной деятельности и завоевание преимуществ в конкурентной борьбе. Предметом бенчмаркинга выступают технологии, производственные процессы, методы организации производства и сбыта продукции. Результаты бенчмаркинга для компании:

- 1) улучшение собственного бизнеса;
- 2) осознание сравнительного положения компании;
- 3) приобретение стратегического преимущества;
- 4) увеличение уровня организационного знания о компании.

Таким образом, актуальность изучения процесса бенчмаркинга обусловлена тем, что в условиях экономического спада как никогда остро стоит вопрос повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий, а бенчмаркинг является именно тем инструментом, который может в этом помочь. Отсутствие взаимодействия и недоступность информации – явные проблемы отечественных предприятий, поэтому изучение уже имеющихся практик его использования и возможностей для внедрения на предприятии является очевидным и необходимым.

Учитывая наличие обозначенной проблемы у российских предприятий, в данной статье представлен методический подход к процессу формирования алгоритма выбора определенного вида бенчмаркинга для компании, оценки эффективности применения отдельных его инструментов и их адаптации к условиям регионального рынка.

С точки зрения существующих подходов можно выделить два основных варианта применения бенчмаркинга в деятельности компаний с целью повышения их конкурентоспособности:

- 1) в условиях корпоративного управления и дифференциации ресурсов для решения оперативных проблем подразделений;

2) в условиях малого и среднего бизнеса (независимые формы управления) для достижения лучших результатов ведения бизнеса [12].

Проводимые авторами исследования по оценке основных тенденций развития бенчмаркинга в России показали, что, как правило, опыт использования инструментов бенчмаркинга в своей деятельности активно тиражируют пока только крупные корпорации в плане транспарентности информации о своем бизнесе. В связи с тем, что как международные, так и российские корпорации идут в регионы, они вынуждены изучать местный опыт ведения бизнеса, адаптировать свои корпоративные стандарты под требования регионального рынка. Общие тенденции использования корпорациями стратегий «слияний и поглощений» на рынках потребительских товаров заставляют малые и средние предприятия объединять свои усилия для достижения конкурентоспособности, что в свою очередь вынуждает их использовать опыт корпораций и их инструментарий как эталонный для данной отрасли.

Особенность организации корпорации состоит в том, что такая система содержит элементы управления, объединяемые подразделениями, и управленческие принципы, задаваемые свойствами новой системы. Заимствование международного передового опыта, равнение на корпорации-эталоны, внедрение передовой практики корпоративного управления обеспечивают его совершенствование и развитие. Поэтому существенным инструментом реализации целей корпорации в соответствии с требованиями рынка служит бенчмаркинг, который представляет механизм сравнительного анализа эффективности работы одной компании с показателями других, более успешных, способствующий повышению конкурентоспособности корпорации в целом [7]. В связи с этим бенчмаркинг способствует развитию бизнеса любого формата и повышению его рыночной стоимости.

Поскольку формирование и реализация бенчмаркинга представляют собой отдельный процесс, то в данной работе целесообразно разработать алгоритм, который системно и последовательно рассматривает все его этапы и дает четкое представление об используемых методах оценки эффективности каждого бизнес-процесса. Следовательно, в основе проведения бенчмаркинга находится комплекс методов оценки конкурентоспособности, дополненный другими методами управления [9]. Внедрение данной концепции на предприятии строится на постоянной работе проектных команд, которые формируются по уровням управления. Безусловно, методология проведения бенчмаркинга напрямую зависит от целей, которые ставит перед собой компания. Основными целями являются улучшение позиций по отношению к конкурентам и снижение собственных затрат. Определенная на сегодняшний день методология проведения бенчмаркинга носит общий характер и представляет собой универсальный инструмент повышения конкурентоспособности предприятия, не имея при этом версии, адаптированной для применения на конкретном предприятии, в частности для корпорации.

Таким образом, в настоящее время использование бенчмаркинга на уровне российских корпораций является весьма актуальным процессом, что связано с развитием их бизнеса в регионах. На примере Приморского края и этапов формирования Программы его развития становится очевидным, что многие корпорации

сталкиваются с проблемами адаптации бизнеса к региональным условиям и поиска наиболее адекватных форм ведения бизнес-процессов с учетом региональной специфики [1]. Необходимо отметить, что выбор оптимального вида бенчмаркинга и компании-партнера определяется множеством факторов, важными из которых является уровень сотрудничества партнеров по бенчмаркингу и значимость информации. Транснациональные корпорации активно используют внутренний бенчмаркинг. Специалисты считают, что рынки некоторых регионов имеют много сходных черт. Международные компании, выходя на новый рынок, учитывают сходство между регионами и используют приемы, уже опробованные ими в других странах. Данное обстоятельство позволило выбрать для целей исследований внутренний вид бенчмаркинга, являющийся особенно эффективным для крупных компаний с большим количеством филиалов, занимающихся одной и той же работой в разных географических точках, обеспечивающий быстрый и легкий доступ к внутренней информации, минимизацию времени и ресурсов по сравнению с другими видами бенчмаркинга. Следует также подчеркнуть, что необходимо учитывать специфику проведения бенчмаркинга в России, что связано со слабым распространением последнего даже в российских крупных компаниях. Качественно разработанная пошаговая программа бенчмаркинга, наличие профессиональной группы штатных работников и внешних консультантов по ее внедрению обеспечат положительный результат для компании, позволят реально повысить как коммерческий, так и социальный эффект [5, 6].

В работе обоснованы целесообразность и возможность применения внутреннего бенчмаркинга в подразделениях крупнейшей японской транснациональной корпорации, которая специализируется на производстве фототехники и оптики, а также высококачественного оптического оборудования для проведения медико-биологических исследований и иных технических решений с учетом региональной специфики ее функционирования (на примере подразделения, расположенного в Приморском крае). Компания существует на российском рынке с 1993 г., а в 2009 г. в России было создано русское представительство компании, которое занималось логистикой и дистрибуцией аудио- и фотопродукции корпорации. В 2012 г. наблюдались наиболее высокие основные показатели финансово-хозяйственной деятельности компании, деловой активности и рентабельности продаж. Резкое снижение вышеприведенных показателей в 2013 г. объясняется тем, что в этот период была приостановлена программа госзакупок импортного медицинского оборудования для медицинских учреждений. Дальнейшее снижение основных показателей финансово-хозяйственной деятельности компании и рентабельности продаж в 2014 г. объясняется началом валютного кризиса в России. В последние два года компания борется за премиальность собственного продукта (так как ушла из сегмента дешевых цифровых фотоаппаратов и продвигает только системные камеры с высококачественной оптикой, высокой производительностью, качественным программным обеспечением) [13].

На сегодняшний день в целях решения обозначенной проблемы российское представительство корпорации отдает предпочтение индивидуальному маркетингу,

распространенному в Японии, который позволяет учитывать советы клиентов компании с помощью отлично налаженной обратной связи [5]. Вследствие этого данный процесс был взят за основу при проведении исследований. Для данной корпорации на основе проведенного исследования был разработан алгоритм внедрения основных инструментов внутреннего бенчмаркинга с целью оценки эффективности основных маркетинговых процессов и его методического обоснования. В общем виде алгоритм проведения бенчмаркинга для данного предприятия должен состоять из четырех этапов: планирование, внутренний аудит, анализ и реализация изменений. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что бенчмаркинг – это гибкий процесс, не имеющий конкретно указанной последовательности операций, алгоритм его проведения формируется в зависимости от многих факторов, как внутренних, так и внешних, но в первую очередь – в зависимости от целей, которые преследует предприятие. Для проведения внутреннего бенчмаркинга в работе для объекта исследования представлен следующий алгоритм, с методическим обеспечением каждого этапа (табл. 1).

В таблице 1 представлены основные этапы алгоритма внутреннего бенчмаркинга корпорации, полученного в процессе исследования, с учетом распределения зон ответственности и определением задач, реализация которых направлена на оптимизацию процессов предприятия и повышение его конкурентоспособности путем применения лучшего опыта подразделений корпорации (внутренний бенчмаркинг процесса). Далее представлена характеристика результатов проведенного исследования по ключевым моментам.

Таблица 1

**Методический подход по применению внутреннего бенчмаркинга
для региональных подразделений корпорации**

Этап	Задачи	Мероприятия	Результат	Методы
1	2	3	4	5
1. Планирование	Установление области исследования	Выявление целей и задач исследования, локальный аудит	Определены основные и дополнительные области и темы исследования, определены цели исследования	1. SWOT-анализ. 2. PEST-анализ.
	Выбор группы бенчмаркинга	Организация командной работы и деятельности малых групп	Определена группа бенчмаркинга, назначены конкретные сотрудники, распределены зоны ответственности	3. Анализ уровня конкуренции по модели «Пять сил конкуренции» М. Портера.
	Выбор типа бенчмаркинга	Изучение существующих типов бенчмаркинга, выбор подходящего в зависимости от области исследования	Выбран тип бенчмаркинга, выбранный тип является наиболее оптимальным и обеспечивает достижение поставленных целей	4. Модель организационной самооценки Тито Конти

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
2. Внутренний аудит	Выбор субъектов исследования	Самооценка	Определены специалисты, ответственные за проведение внутреннего аудита компании; зоны ответственности за проведение внутреннего аудита распределены	Метод ранжирования объектов сравнения по приоритетам
	Установление регламента проведения аудита	Определение длительности и частоты проведения аудита, определение информационной базы, установление сроков предоставления отчетов	Определены длительность и частота проведения аудита, определена информационная база, определены форматы документации, установлены сроки предоставления отчетов	
	Определение формы проведения аудита	Показатели, анализ отзывов клиентов и предложений на интернет-портале, анализ официальных документов	Выбрана форма проведения аудита, выбранная форма проведения соответствует возможностям предоставленной информационной базы и типа бенчмаркинга	
	Определение формы предоставления результатов	Изучение существующих форм предоставления результатов внутреннего аудита, выбор наиболее подходящей формы в зависимости от типа бенчмаркинга	Определена форма предоставления результатов, выбранная форма является доступной для понимания, обеспечивает точное изложение полученных данных, выбранная форма обеспечивает достижение поставленных целей	
	Разработка технологий	Вспомогательный этап, включающий изучение и использование технологий, разработанных внутри компании	Использование технологий, разработанных внутри компании, как стратегического преимущества	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
3. Анализ	Поиск партнера по бенчмаркингу	Сравнение кандидатов и выбор одного или нескольких лучших в определенной ранее области	Партнер или партнеры по бенчмаркингу определены, выбранные партнеры являются лучшими в определенной ранее области, опыт партнера применим к собственной компании, использование опыта партнера обеспечивает достижение поставленных целей, контакт установлен, партнер готов к сотрудничеству	1. Метод поиска партнера по бенчмаркингу. 2. Метод оценки конкурентного статуса. 3. Составление контрольного листа для бенчмаркинга.
	Выбор методов сбора информации	Определение оптимального метода	Методы сбора информации определены, информация доступна, методы сбора информации не противоречат договоренности между партнерами по бенчмаркингу, выбранный метод обеспечивает получение достоверной информации	4. Метод «дерева целей». 5. Метод «мозговой атаки». 6. Метод управления по целям.
	Анализ результатов и подготовка рекомендаций по улучшению	Анализ полученных данных, разработки технологий, основываясь на лучшем опыте партнеров по бенчмаркингу, сопоставление полученных рекомендаций по улучшению с заявленными целями исследования	Разработаны и оформлены в соответствии с выбранной формой предоставления результатов рекомендации по улучшению, ожидаемый результат реализации рекомендаций соответствует поставленным целям исследования	7. Программно-целевой метод. 8. Сбалансированная система показателей. 9. Метод синтеза.
4. Реализация изменений	Анализ результатов и подготовка рекомендаций по улучшению	Управление качеством, снижение расходов, повышение производительности	Организована командная работа и деятельность малых групп, существующие процессы усовершенствованы, созданы благоприятные условия для самосовершенствования	Оценка экономической и социальной эффективности бенчмаркинг-преобразований Цикл PDCA
	Мониторинг процесса	Постоянный контроль изменений	Положительная динамика зафиксирована, несовершенства в реализации изменений определены и своевременно устранены, определен период повторного проведения бенчмаркинга	

Примечание: сост. по [2, 12, 13].

На первом этапе для оценки внешней и внутренней среды корпорации и определения сегментов (элементов) для улучшений в рамках маркетингового процесса был проведен SWOT-анализ, по результатам которого было установлено, что основными направлениями совершенствования деятельности регионального представительства корпорации в условиях рынка Приморского края на основе инструментов бенчмаркинга являются:

- 1) продвижение на рынке Приморского края за счет улучшения предоставляемого покупателям сервиса;
- 2) увеличение вовлечённости компании в социальную среду;
- 3) обучение консультантов в сетевых магазинах.

В качестве идеального партнера для проведения бенчмаркинга была выбрана компания – подразделение данной корпорации, занимающееся продажей всех продуктовых линеек торговой марки на территории Германии. В связи с выявленной проблемой в качестве оценочных элементов были выбраны основные направления маркетинговых коммуникаций, используемые в корпорации: стимулирование сбыта, связи с общественностью, реклама и программы лояльности. В рамках использования методики выбора инструментов внутреннего бенчмаркинга рассматриваемой корпорации разработан контрольный лист бенчмаркинга (табл. 2).

Стоит отметить, что с технической точки зрения товары торговой марки корпорации являются высококачественными и конкурентоспособными. Поэтому в данной работе для внедрения инструментов внутреннего бенчмаркинга в маркетинговую деятельность регионального представительства корпорации в Приморском крае были выбраны следующие направления:

- 1) проведение тренингов для консультантов в розничных магазинах;
- 2) прямое взаимодействие с лидерами мнений (предоставление продукции для тестирования).

Региональное представительство корпорации столкнулось со следующей проблемой: в магазинах, специализирующихся на продаже фототехники, объем продаж брендовых фотокамер выше, чем в сетевых магазинах. После проведенного опроса выяснилось, что продавцы-консультанты недостаточно хорошо знают продаваемую корпорацией фото- и аудиотехнику. Это объясняется тем, что в сетевых магазинах представлен широкий ассортимент, а товар является технически-сложным. Эталонная компания для решения этой проблемы проводит различные мастер-классы с фотохудожниками в сетевых магазинах (в основном немецкой сети магазинов Media Markt – лидера в Европе по продаже электроники и бытовой техники) или ставит в них собственных консультантов. Для этого компания при помощи рекламных агентств осуществляет поиск будущих консультантов и проводит их обучение. Региональная компания с целью повышения объема продаж может перенять данный опыт. Предварительно проведенный сравнительный анализ работы подразделений корпорации в других регионах показал, что после внедрения тренинга эффективность работы продавцов-консультантов возросла почти в два раза. Из этого можно сделать вывод об эффективности предложенных мероприятий и возможности их дальнейшего распространения в крупных городах на территории Сибири и Дальнего Востока [13].

Таблица 2

Контрольный лист внутреннего бенчмаркинга для регионального представительства корпорации в Приморском крае, март–апрель 2016 г.

Оценочный элемент	Анализ эталонной компании	Сравнение со своей компанией	Объекты для эталонного сопоставления	Ограничение по реализации идеи в своей компании
1	2	3	4	5
Стимулирование сбыта	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стимулирование сотрудников (например, ежегодные премии за перевыполнение плана по объемам продаж). 2. Проведение тренингов для консультантов в розничных магазинах. 3. Предоставление сервисного обслуживания. 4. Проведение творческих фотоконкурсов. 5. Предоставление продукции для тестирования по программе Try&Buy. 6. Предоставление скидок и бонусных акций на официальном сайте. 7. Бесплатная доставка по Германии при заказе с официального сайта на сумму более 100 евро 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стимулирование сотрудников (например, ежегодные премии за перевыполнение плана по объемам продаж). 2. Бонусирование дилеров и дистрибьюторов. 3. Предоставление сервисного обслуживания. 4. Предоставление подарочных сертификатов. 5. Предоставление скидок и акций на официальном сайте. 6. Бесплатная доставка по России при заказе с официального сайта на сумму более 5 000 руб. 	Проведение тренингов для консультантов в розничных магазинах	Существенных ограничений по внедрению нет
Реклама	<ol style="list-style-type: none"> 1. Печатная реклама в журналах. 2. Телевизионная реклама. 3. Интернет-реклама: <ul style="list-style-type: none"> - рекламные ролики на YouTube; - вирусная реклама; - реклама в соц. сетях; - баннеры; - контекстная реклама и т.д. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Интернет-реклама на официальном сайте. 2. Интернет-реклама в социальных сетях. 3. Печатная реклама в профессиональных журналах о фототехнике, глянцевого журналов и т.д. 	Проведение эффективной рекламной кампании для увеличения узнаваемости бренда	Небольшой маркетинговый бюджет компании

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Связи с общественностью	1. Проведение пресс-конференций. 2. Участие в выставках, фотофорумах и т.д. (например, ежегодная международная фотовыставка Photokina). 3. Прямое взаимодействие со СМИ, блогерами, фотографами и др.; 4. Публикации в профессиональных журналах о фототехнике и фотографии (например, Fotocult Magazin). 5. Проведение семинаров Touch&Try с фотохудожниками и т.д.	1. Публикации в журналах информации о новинках. 2. Проведение пресс-конференций. 3. Участие в ежегодных международных фотовыставках. 4. Участие в ежегодном фотофоруме в выставочном павильоне «Крокус Экспо».	Проведение семинаров Touch&Try с фотографами	Сложность оценки эффективности
			Прямое взаимодействие с лидерами мнений (предоставление продукции для тестирования)	Существенных ограничений по внедрению нет
Программы лояльности	–	Начисление бонусных баллов при совершении покупки на официальном сайте (10% от суммы заказа)	–	–

Примечание: сост. по [13].

В рамках второго мероприятия необходимо отметить, что зарубежные подразделения корпорации, в том числе и эталонное подразделение, на данный момент продвигают свою продукцию большей частью при помощи BTL-рекламы, которая позволяет ненавязчиво заинтересовать аудиторию, привлечь ее внимание к продукции, и контент-маркетинга, который способствует привлечению клиентов с помощью создания и распространения полезной для потребителя информации. В результате, для внедрения было выбрано такое направление, как работа с лидерами мнений (в нашем случае – с профессионалами, которые делают обзоры на фото- и аудиотехнику и создают полезный контент по искусству фотографии), позволяющая экономить на каналах продвижения, но в то же время способствующая большей вовлеченности компании в социальную среду и предоставляющая возможность выйти на целевую аудиторию.

Проведенные исследования анализа объема продаж на примере фотоаппарата марки OM-D E-M5 Mark II Kit показали, что после внедрения данных мероприятий через 3 месяца были достигнуты следующие результаты:

- на основе анкетирования выявлено увеличение объема продаж на 20%,
- клиентам было предложено брать технику на тест-драйв в течение 10 дней, по истечении срока которых можно приобрести тестируемую технику со скидкой (для минимизации рисков компании (например, порча и утеря товара) клиентам

предлагается внести залог с помощью банковской карты, который будет составлять 50% от стоимости отправленной техники).

Таким образом, общая сумма аренды за 10 дней с отправкой 20 лидерам мнений фотоаппарата марки OM-D E-M5 Mark II Kit стоимостью 99 990 р. на тест-драйв будет составлять 199 980 руб. Также для стимулирования потребителей можно предложить, например, преподнести товар, присланный на обзор, в подарок при условии написания лидером мнений полноценного отзыва на технику (описание особенностей, технических характеристик, дизайна и эргономики, интерфейса, функциональных возможностей, прикрепление примеров фотографий, снятых на данную модель, сравнение с аналогичными моделями конкурентов и т.д.). Чтобы лидер мнений имел возможность получить тестируемую технику в подарок, его обзор предлагается оценивать по наличию следующих основных критериев:

- а) посещаемость блога (количество просмотров);
- б) количество «реальных» подписчиков (читателей);
- в) наличие комментариев по обзору, обсуждения среди подписчиков;
- г) описание в обзоре особенностей, технических характеристик, дизайна, интерфейса, функциональных возможностей и т.д.;
- д) примеры фотографий, сделанных на тестируемую технику;
- е) общее впечатление от тестируемой продукции, ее плюсы и минусы.

Следует отметить, что региональному представительству корпорации необходимо периодически проводить мониторинг хода выполнения работ и оценку конечных результатов, которые в дальнейшем будут формировать пакет информации для повторной самооценки и анализа улучшений. Оценка экономической эффективности предложенных мероприятий представлена в табл. 3.

Таблица 3

Оценка экономической эффективности предложенных мероприятий для регионального представительства корпорации в Приморском крае, 2016 г.

Предложенное мероприятие	Сумма затрат на предложенное мероприятие, руб.	Ожидаемый эффект от предложенных мероприятий
1	2	3
1. Консультанты в розничных магазинах в т.ч.: максимальная заработная плата комиссия рекламного агентства	603 750 525 000 78 750	Увеличение объема продаж в выбранных магазинах на 50% (более 2300 тыс. руб.)
2. Отправка фототехники на обзор в т.ч.: доставка продукции подарок за качественный обзор	599 950 100 000 499 950	Увеличение объема продаж компании по отдельным позициям на 10–15%

Примечание: сост. по [13].

Таким образом, в данной работе при анализе эффективности внедрения выбранных маркетинговых коммуникаций для регионального представительства корпорации была проведена оценка окупаемости инвестиций.

Ожидаемый эффект от предложенных мероприятий: увеличение объема продаж в выбранных магазинах на 50% (более, чем на 2300 тыс. руб.) и рост объема продаж компании по отдельным товарным позициям на 10–15% (в случаях работы с консультантами и лидерами мнений соответственно). Для дальнейшей оценки эффективности работы лидера мнений предлагается также ввести анкетирование клиентов при покупке техники в розничном магазине или онлайн на официальном сайте магазина корпорации. В ходе изучения и сравнения деятельности регионального представительства корпорации в Приморском крае и эталонной компании (подразделения корпорации в Германии), выявления направлений совершенствования, можно говорить о целесообразности их внедрения для большей вовлеченности корпорации в социальную среду, а полученные методические рекомендации были рассмотрены в разрезе определения возможностей для внедрения на предприятии. Проведя внутренний аудит данного предприятия и определив имеющиеся слабые стороны, сформированный методический подход по применению бенчмаркинга на предприятии был поэтапно рассмотрен с учетом особенностей работы конкретного представительства.

В результате проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сформированный в данной работе методический подход применим для российских предприятий и обеспечивает достижение их основных на данный момент целей – повышение конкурентоспособности за счет использования лучшего опыта. Важно отметить, что бенчмаркинг, действительно, позволяет развивать общий уровень бизнеса в целом по региону, стране и даже в мировом масштабе. Освоение передового опыта мировых лидеров позволяет руководителям компаний поднять общий уровень развития экономики в макроэкономическом масштабе, повышая конкурентоспособность собственных компаний, что, в конечном счете, положительно отражается на качестве итоговой продукции, работ и услуг, и удовлетворении потребностей покупателя. Реализация плана постоянного совершенствования помогает повысить эффективность внедряемого процесса или метода, а в случае успешного осуществления проекта и достижения запланированных результатов позволяет перейти к поиску новых возможностей для бенчмаркинга. В связи с этими тенденциями предлагаемый в работе методический подход к реализации концепции внутреннего бенчмаркинга (в частности, на примере оценки его внедрения в деятельность регионального представительства зарубежной корпорации) в условиях регионального рынка позволит расширить сферу его практического применения для различных форматов предприятий Приморского края.

-
1. Андреев, В.А. Трансграничная кластерная интеграция как фактор повышения конкурентоспособности Приморского края / В.А. Андреев // Территория новых воз-

- можностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 1 (28). – С. 7–11.
2. Баурина, С.Б. Методология использования технологии бенчмаркинга / С.Б. Баурина // Бюллетень науки и практики. – 2015. – № 1. – С. 5–8.
 3. Горелова, А.А. Бенчмаркинг. Конкуренция или сотрудничество / А.А. Горелова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 2. – С. 377–380.
 4. Драгилева, Л.Ю. Развитие предпринимательства в розничной торговле Дальневосточного региона / Л.Ю. Драгилева, Е.В. Масленникова, С.К. Худякова // Научно-практический межотраслевой журнал «Интеграл». – 2013. – №3 (71). – С. 128–129.
 5. Козлов, Л.Е. Возможности и перспективы участия японского бизнеса в развитии Дальнего Востока России / Л.Е. Козлов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 1 (28). – С. 12–19.
 6. Овакимян, Г.С. Современные методы повышения конкурентоспособности предприятия: бенчмаркинг и аутсорсинг / Г.С. Овакимян, М.А. Шибина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – № 7. – С. 119–123.
 7. Пилипенко, А.И. Бенчмаркинг как современный инструмент стратегического планирования / А.И. Пилипенко // Ученые записки Международного банковского института. – 2014. – № 9. – С. 105–109.
 8. Полякова, А.В. Бенчмаркинг как элемент стратегии повышения конкурентоспособности предприятия / А.В. Полякова // Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления. – 2012. – № 1. – С. 273–276.
 9. Тилиндис, Т.В. Анализ формирования технических требований к продукции как фактор, влияющий на её конкурентоспособность / Т.В. Тилиндис, О.Ю. Виничук, Ю.А. Мирвода // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 3 (Ч. 2). – С. 637–643.
 10. Тилиндис, Т.В. Анализ технического регламента как элемент устойчивости предприятия в условиях реформы технического регулирования / Т.В. Тилиндис, В.В. Макарова // Риски и инновации в управлении стран АТР: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2010. – С. 182–184.
 11. Тилиндис, Т.В. Формирование системной методики анализа Технических регламентов Таможенного союза и ЕврАзЭС / Т.В. Тилиндис // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 3 (30). – С. 7–10.
 12. Тилиндис, Т.В. Адаптация деятельности предприятий малого и среднего бизнеса к социально-экономическим условиям развития Приморского края на основе бенчмаркинга / Т.В. Тилиндис, О.Ю. Виничук // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 2 (33). – С. 47–58.

13. Хорольская, М.С. Использование технологий бенчмаркинга в предпринимательской деятельности предприятий / М.С. Хорольская // Материалы студенческой научно-практической конференции, 12 мая 2016 г. / Дальневост. федерал. университет, Школа экономики и менеджмента; под общ. ред. Е.А. Тюриной, А.Б. Косолапова. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 276–283.

© О.Ю. Виничук, 2016

© Т.В. Тилиндис, 2016

Для цитирования: Виничук О.Ю., Тилиндис Т.В. Методический подход к процессу адаптации деятельности транснациональной корпорации к условиям регионального рынка на основе инструментов бенчмаркинга (на примере Приморского края) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 77–91.

For citation: Vinichuk O.Yu., Tilindis T.V. Methodological approach to the process of adaptation to the conditions of multinational regional market on the basis of benchmarking (on an example of Primorye Territory) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 77–91.

Дата поступления: 06.10.2016.

Г.А. Гомилевская¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

В.С. Сакун²

Акционерное общество «Граница»
Благовещенск, Россия

Возможности государственно-частного партнерства при создании и развитии приграничных кластеров на примере кластера «Джалинда» в Амурской области

Проведен анализ сущности и видов государственно-частного партнерства. Выявлена специфика государственно-частного партнерства при формировании приграничного кластера. Представлена принципиальная модель концессии как одной из форм государственно-частного партнерства. Рассмотрен мировой и отечественный опыт реализации проектов транспортно-логистических комплексов на приграничных территориях. Обосновано создание приграничного кластера «Джалинда». На основании комплексного анализа отобраны перспективные направления деятельности в рамках проектируемого кластера «Джалинда» в Амурской области. Предложены варианты государственно-частного партнерства для направлений приграничного кластера. Проведен расчет предпринимательской и социально-экономической эффективности кластера, разработана модель управления приграничным кластером «Джалинда» на основе механизма государственно-частного партнерства.

Ключевые слова и словосочетания: приграничный кластер, государственно-частное партнерство, территориальное планирование, трансграничное сотрудничество.

G.A. Gomilevskaya

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

V.S. Sakun

Joint-stock company «Granitsa»
Blagoveshchensk, Russia

Opportunities for public-private partnership to create and development of cross-border clusters on the example of cluster “Dzhalinda” in the Amur region

The article analyzed the nature and types of public-private partnership. Specificity of a public-private partnership in the formation of cross-border clusters identified. A schematic model of a concession, as a form of public-private partnership presented. The world and domestic experience

¹ Гомилевская Галина Александровна – канд. экон. наук, зав. кафедрой туризма и экологии; e-mail: galina.gomilevskaya@vvsu.ru.

² Сакун Владимир Сергеевич – генеральный директор АО «Джалинда»; e-mail: vmirs@mail.ru.

in the implementation of transport and logistics complex projects in border areas considered. Presented study on the development of cross-border clusters. Based on a comprehensive analysis of selected promising areas of activity within the projected cluster Dzhalinda in the Amur region. The variants of public-private partnerships for cross-border cluster areas. The calculation of entrepreneurial and socio-economic efficiency of the cluster management model designed cross-border clusters Dzhalinda through public-private partnership mechanism.

Keywords: cross-border clusters, state-private partnership, spatial planning, cross-border cooperation.

Вопросы развития национальной экономики, как отмечают многие исследователи (М.В. Балашова [1], А.А. Гатауллина [2], Ф.И. Мирзабалаева [3], И.И. Савченко [4] и др.), требуют решения с использованием механизма государственной поддержки на основе государственно-частного партнерства (далее ГЧП), привлечения финансовых ресурсов из различных источников.

В специальной литературе отсутствует единство мнений по поводу сущности и содержания государственно-частного партнерства. Поскольку государственно-частное партнерство представляет собой общественно-экономический институт взаимодействия бизнеса и власти, целесообразно, прежде всего, обратиться к определению, данному федеральным законом. Так, закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [5] определяет ГЧП как форму соглашения между публичным и частным партнерами в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества на основе объединения ресурсов и распределения рисков. При этом под соглашением понимается гражданско-правовой договор между публичным и частным партнерами, заключенный на срок не менее, чем три года.

Другими исследователями [3, 4, 6] подчеркивается и дополняется сущность ГЧП в следующих аспектах:

- с позиции общественной значимости проектов;
- с позиции взаимовыгодных условий;
- в рамках среднесрочных и долгосрочных проектов;
- как механизм любого взаимодействия государства и бизнеса в процессе реализации социально значимых проектов;
- как форма кооперации финансовых, организационных и материальных ресурсов.

Таким образом, на наш взгляд, государственно-частное партнерство может трактоваться как механизм взаимодействия государства и негосударственных предпринимательских структур, направленный на эффективное использование объектов государственной собственности и ресурсов посредством совместного финансирования социально-значимых проектов.

Необходимо подчеркнуть, что развитие инженерной и транспортной инфраструктуры на региональном и муниципальном уровнях с учетом ее адресной привязки к отдельным предпринимательским проектам является приоритетной стратегической не только экономической, но и социальной задачей. При этом

использование механизма ГЧП представляется наиболее прозрачной и экономически оправданной формой привлечения бюджетных инвестиций в сопутствующую для коммерческого проекта инфраструктуру при вложении частных инвестиций в объекты производственно-коммерческой деятельности.

По справедливому мнению А.А. Козлова, определение ГЧП с двух позиций: как особого механизма, с одной стороны, и социально-экономического института – с другой, позволяет снять определенные противоречия в трактовке данной категории. На наш взгляд, основной проблемой в современной России является институционализация механизма ГЧП с использованием прозрачных и ясных методов.

Так, одной из главных форм институционального инструмента ГЧП является концессия. Профессор Н. Бекетов [9] этот важный инструмент определяет как кооперативное соглашение при организации кооперативных процессов между хозяйственным и государственным секторами, определении форм совместного инвестирования и раздела полученного результата. Но если кооперативное соглашение никак не определено российским законодательством, то концессионные отношения регулируются законами Российской Федерации: № 225-ФЗ от 30.12.1995 «О соглашениях о разделе продукции», №115-ФЗ от 21.07.2005 «О концессионных соглашениях» (в ред. 30.12.2015) и п. 1 ст. 1027 ГК РФ «Договор коммерческой концессии».

Концессионное соглашение, прежде всего, преследует цель эффективного финансового управления объектами, находящимися в государственной собственности, что немаловажно при создании и развитии инфраструктурных проектов как социальной, так и коммерческой направленности.

В международной практике различают несколько типов концессионных соглашений [7]:

ВОТ (Build – Operate – Transfer) – «Строительство – управление – передача». Концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, затем передает объект государству.

ВТО (Build – Transfer – Operate) – «Строительство – передача – управление». Концессионер строит объект, передает его государству (концеденту) в собственность сразу после завершения, затем он передается в эксплуатацию концессионера.

ВОО (Build – Own – Operate) – «Строительство – владение – управление». Концессионер строит объект и осуществляет последующую эксплуатацию, владея им на праве собственности, срок действия которого не ограничивается.

ВООТ (Build – Own – Operate – Transfer) – «Строительство – владение – управление – передача» – владение и пользование построенным объектом на праве частной собственности в течение определённого срока, по истечении которого объект переходит в собственность государства.

ВВО (Buy – Build – Operate) – «Покупка – строительство – управление» – форма продажи, которая включает восстановление или расширение существующего объекта. Государство продаёт объект частному сектору, который делает необходимые усовершенствования для эффективного управления.

Согласно предложенной нами принципиальной модели концессии, которая опирается на закон «О концессионных соглашениях» [8], управление концессией осуществляется на принципах государственно-частного партнерства (рис. 1).

Рис. 1. Модель концессии в государственно-частном партнерстве на региональном уровне

Опираясь на мировой опыт, Россия предпринимает в последнее время активные шаги по институционализации концессий. В стране прошли заседания Правительства РФ и Совета по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве, посвященные становлению концессий в транспортном комплексе [11]. В качестве приоритетных направлений применения концессий должны рассматриваться объекты производственной инфраструктуры при условии сохранения их в государственной собственности и создания системы регулирования и контроля со стороны органов государственной власти за деятельностью частных компаний: автомобильные и железные дороги, порты, аэропорты, электростанции, коммунальные системы.

Помимо концессии, как одной из форм государственно-частного партнерства, необходимо отметить широкое разнообразие других методов, которые используются при взаимодействии государства и бизнеса в рамках ГЧП. На основе исследовательских материалов авторами были выявлены наиболее полные системы классификации. Так, исследователь А.А. Козлов [7], на наш взгляд, совершенно оправданно выделил основополагающие классификационные признаки:

- отрасль экономики или социальной сферы (ГЧП по отраслям);
- множественность субъектов частного бизнеса (единственный субъект со стороны частного бизнеса, множество субъектов, основные и дополнительные субъекты);
- уровень государственной (муниципальной) власти (федеральный, региональный, муниципальный, смешанный);

- роль государства в осуществлении ГЧП (пассивная, паритетная, ключевая роли государства);
- организация взаимоотношений власти и бизнеса в рамках ГЧП (кооперация, концессия, лизинг);
- объем передаваемых частному партнеру правомочий и последовательность стадий ГЧП (проектирование, финансирование, строительство, эксплуатация, управление, владение, обслуживание, передача);
- вещное право, на основе которого реализуется ГЧП (на праве собственности, на арендном праве, на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, на основе трансформации вещных прав на объект ГЧП во времени);
- срок реализации ГЧП (со строгим сроком, до достижения определенных задач, условно-бессрочное);
- инновационная составляющая (с прямым инновационным эффектом, с вторичным инновационным эффектом, неинновационная (традиционная) форма).

Среди наиболее часто используемых механизмов для осуществления проектов ГЧП в России, по мнению директора Центра социально-трудовых и экономических исследований А.Л. Евдокимовича [12], можно выделить следующие: соглашения, арендные отношения, договор управления, особые экономические зоны, концессии, совместные предприятия. В число наиболее используемых источников финансирования проектов ГЧП входят: средства федерального и регионального бюджетов, средства Инвестиционного фонда и госкорпораций, банковские структуры.

Для целей нашего исследования принципиально важным представляется помимо отраслевых проектов государственно-частного партнерства выделение межотраслевой формы государственно-частного партнерства. При этом данная форма имеет тесную связь с понятием кластера. Территориальную и отраслевую ориентацию к применению кластеров на уровне региона впервые применил М. Портер [10], который определил кластер как совокупность взаимосвязанных однородных элементов в виде самостоятельной единицы с определенными свойствами. Применительно к экономическому межотраслевому кластеру, на наш взгляд, его необходимо рассматривать как единый территориальный комплекс на основе объединения взаимодополняющих объектов и производств, обладающий единством управления.

Очевидно, что модели кластерной политики напрямую связаны с общеэкономической политикой государства. Применительно к российской практике с учетом многообразия характеристик кластеров адаптация зарубежного опыта должна зависеть от ресурсного потенциала, целевых установок, уровня экономического развития региона и т.п. При этом государство, обеспечивая условия и меры государственной поддержки, должно учитывать риски при создании региональных кластеров.

Создание и развитие кластеров – крайне ресурсоёмкий проект, в связи с чем наиболее острой является проблема финансового обеспечения кластеров. Именно поэтому к финансированию подобных проектов одновременно должны привлекаться различные источники инвестирования на основе государственно-частного

партнерства, которые в совокупности будут создавать оптимальные условия для обеспечения функционирования кластеров.

Одним из примеров межотраслевой формы кооперации является возможность развития туристско-рекреационных кластеров в рамках Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 годы». Для решения указанной задачи предполагается использовать механизм прямого финансирования капитального строительства и модернизации объектов обеспечивающей инфраструктуры создаваемых туристских объектов и субсидирования процентных ставок по кредитам и займам, привлеченным в российских кредитных организациях инвесторами объектов туристско-рекреационного использования с длительным сроком окупаемости. Предполагаемая оценочная стоимость каждого инвестиционного проекта может составлять от 3 до 5 млрд рублей с учетом софинансирования за счет средств федерального бюджета в пределах 20–25%.

Организационное взаимодействие государственных заказчиков с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в рамках реализации данной программы осуществляется на основе заключенных соглашений с потенциальными инвесторами в рамках государственно-частного партнерства.

Примечательно, что проблемам развития туристских кластеров в приграничных территориях посвящен целый ряд исследований [13, 14], при этом в научной литературе недостаточно изучен вопрос, связанный с пониманием самой природы приграничных кластеров, механизмов их формирования, в том числе с использованием государственно-частного партнерства. На наш взгляд, такая ситуация связана с тем, что исследователи при изучении приграничных туристских кластеров опираются на представленный в федеральной целевой программе механизм финансирования, а сама специфика и видовое разнообразие туристских кластеров носят универсальный характер независимо от их принадлежности к той или иной территории. Иначе говоря, представленные авторами структура и система функционирования туристского приграничного кластера обусловлены тенденциями рыночного спроса в сегменте международного туризма, а также имеющимися рекреационными ресурсами, но никак не технологической спецификой организации пограничного и приграничного перемещения, организации обслуживания туристов, сотрудничества между приграничными территориями России и соседних стран.

В нашем понимании межотраслевой приграничный кластер должен рассматриваться через социально-экономическое взаимодействие предприятий, расположенных в приграничной территории, с транспортно-логистической системой, обеспечивающей перемещение грузов и физических лиц через границу. Помимо прямых производителей и поставщиков продукции внешнеэкономической деятельности, в кластер, в частности, могут входить все заинтересованные во взаимовыгодном сотрудничестве фирмы [15], технологические предприятия, предприятия сферы обслуживания и логистики, дизайнерские и PR-фирмы, научно-исследовательские и консультационные организации.

Одной из форм приграничного кластера является трансграничный кластер, объединяющий приграничные кластеры сопредельных территорий. Безусловно, формирование трансграничных кластеров является одновременно прямым следствием приграничного сотрудничества, синхронного и взаимоувязанного процесса кластеризации приграничных территорий и необходимым условием для создания и развития приграничных кластеров для каждой из сторон. К основным причинам создания трансграничных кластеров можно отнести [16]: стремление к укреплению конкурентных позиций на мировом рынке; более легкий доступ к целевым рынкам, ноу-хау и технологиям, не доступным в пределах собственного кластера; обмен информацией и опытом.

Нельзя не признать, что помимо международной специфики приграничных кластеров принципиальным отличием от других типов кластеров является высокая доля транспортной составляющей в структуре кластера. Как правило, в мировой практике транспортная инфраструктура является наиболее емким объектом государственно-частного партнерства. Самый большой объем операций ГЧП приходится на транспортный сектор 2,9 млрд евро, что составляет 49% всего рынка ГЧП [17]. Успешными примерами применения партнерских взаимодействий государства и частного сектора стали транспортные проекты:

- Великобритания – туннель Rail Link, отдельные линии метрополитена в Лондоне;
- Нидерланды – высокоскоростная магистраль HSL Zuid, расширение самого крупного европейского порта Входа Мира в Роттердаме;
- Франция – высокоскоростная железная дорога Наймс-Монтпелье, здания Paris' Tribunal de Grande Instance (Франция), Дижонский гибридный автобусный проект; высокоскоростная железнодорожная магистраль Ним-Монтпелье; железнодорожная линия Перпиньян-Фигейрос;
- Дания–Швеция – железнодорожная линия Oresund;
- Австралия – Сиднейский портовый туннель;
- Канада – мост Конфедерации;
- Германия-Польша – аэропорты в Гамбурге и Варшаве;
- Бельгия – Гентская дорога R4 и др.

При этом лидерами в использовании механизма ГЧП в транспортной отрасли признаются Франция и Великобритания, имеющие наиболее высокие объемы инвестирования на условиях ГЧП. В этих странах исследователи находят прямую зависимость между состоянием транспортной системы и экономическим развитием этих стран, что, на наш взгляд, подтверждает тезис взаимосвязи условий и институционального уровня развития государственно-частного партнерства с комплексным территориальным развитием.

В мировой практике накоплен большой опыт развития транспортных и сервисных комплексов в структуре приграничных кластеров и пунктов пропуска через государственную границу. Примерами двух моделей ГЧП в данной сфере могут служить логистический и торговый центры в Финляндии вблизи пункта пропуска Ваалимаа (Финляндия) – «Торфяновка» (Россия), комплекс с гостиницей, магазином

беспошлинной торговли и помещениями для таможенников и пограничников на границе Турции и Ирана, которые были построены за счет частных инвесторов. Таких примеров можно привести множество, но основной вопрос заключается в преимуществах подобного партнерства.

В Российской Федерации с 2016 года вопросами развития пунктов пропуска и обустройством государственной границы занимается Министерство транспорта после ликвидации Росграницы. По материалам заседания Государственной пограничной комиссии, прошедшего в августе 2016 года, затраты на модернизацию пунктов пропуска оцениваются в 250 млрд руб. «Из 314 действующих пунктов пропуска не более 20% соответствуют нормативным требованиям по техническому оснащению и обустройству для осуществления госконтроля, а также по санитарно-бытовым условиям для лиц, пересекающих границу. В основном это касается автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска. Порядка 200–250 пунктов сегодня требуют капиталовложений на реконструкцию и модернизацию» [18].

Снижение финансирования в ближайшие годы Федеральной целевой программы «Государственная граница Российской Федерации» за 2017–2019 годы ежегодно в среднем составляет 63%, что привело к замораживанию или значительному сокращению проектов строительства и развития пунктов пропуска дальневосточных портов Петропавловска-Камчатского, Ванино, Шахтерск, Невельск, Холмск, Находка. Как альтернативный источник дохода на строительство, реконструкцию и содержание пунктов пропуска Министерство транспорта предлагает использовать механизм государственно-частного партнерства.

В настоящий момент институт ГЧП развития транспортно-логистической инфраструктуры при обустройстве государственной границы только прорабатывается. В частности, актуальность развития государственно-частного партнерства в таможенно-логистической сфере в России заложена в Стратегию развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2575-р) [1], составной частью которой является Концепция таможенного оформления и таможенного контроля товаров в местах, приближенных к государственной границе РФ.

Экспертами и государственными чиновниками рассматривается одновременно несколько схем ГЧП в сфере комплексного управления государственной границей (табл. 1).

Таблица 1

Предложения по развитию системы развития транспортно-логистической инфраструктуры пунктов пропуска с использованием ГЧП

Инструмент ГЧП	Краткая характеристика
1	2
Строительство пунктов пропуска через государственную границу РФ за счет частных инвестиций	Согласно законопроекту предполагается предоставление права частным компаниям строительства пунктов пропуска с последующей безвозмездной их передачей государству

Окончание табл. 1

1	2
Строительство и эксплуатация транспортно-логистических комплексов в непосредственной близости к пунктам пропуска	Разделение функций государства и бизнеса. Государство обеспечивает пограничный и таможенный контроль. Бизнес предоставляет коммерческие услуги по транспортному и таможенному сопровождению грузов. Деятельность ТЛК осуществляется на условиях концессионного соглашения
Введение платы за пересечение государственными автомобилями и грузовыми поездами с целью обустройство пограничных пунктов пропуска	Плата производится аналогично системе «Платон», при этом пункты пропуска остаются в собственности государства

Следует отметить, что представленный в таблице инструментальный безвозмездной передачи построенного пункта пропуска за счет частных инвестиций требует урегулирования на законодательном уровне, при этом, как отмечают представители Министерства транспорта Российской Федерации и частные инвесторы, заинтересованность в использовании этого инструмента весьма высокая.

Как правило, основной упор в этой области делается на применение инструмента концессионных соглашений при создании в непосредственной близости к пункту пропуска транспортно-логистических комплексов (ТЛК), на которых оборудована инфраструктура, обеспечивающая организованный прием, размещение, складирование транспорта и груза для ожидания пересечения государственной границы, выпуск транспорта на пункт пропуска по электронной очереди, а также оказание различных сопутствующих услуг. Очевидно, что конечные интересы государства и бизнеса в вопросе создания и обеспечения работы АЛН разные, но при этом обе стороны заинтересованы в том, чтобы пункт пропуска работал бесперебойно, с максимальной нагрузкой и скоростью.

Также рассматривается еще один механизм приграничного государственно-частного партнерства. Министерство транспорта России по итогам заседания Государственной пограничной комиссии, прошедшего в августе 2016 года, предлагает внедрить плату за пересечение государственной границы автомобилями и грузовыми поездами по аналогии с системой «Платон» для компенсации расходов на реконструкцию.

Параллельно изысканию новых и развитию действующих схем государственно-частного партнерства Министерством транспорта России совместно с представителями бизнеса прорабатываются варианты развития территорий, прилегающих к пунктам пропуска «Троебортное» (Брянский филиал), «Гусев», «Советск», «Мамоново-2», «Чернышевское» (Калининградский филиал), «Бугристовое», «Воскресенское», «Петухово», ДАПП «Звериноголовское» (Уральский филиал), «Джалинда» (Благовещенский филиал) и др.

По мнению экспертов, сложность развития ГЧП при развитии инфраструктуры государственной границы и создании приграничных кластеров заключается,

прежде всего, в несовершенстве нормативно-правовой базы, отсутствии четкого регламента практического использования существующих законов.

С одной стороны, уже есть успешно реализованные проекты. Например, в Псковской области реализуется восемь проектов по строительству таможенно-логистических комплексов, частные инвестиции в каждый терминал составили от 300 до 500 млн руб. [1]. В то же время «в целях совершенствования структуры таможенных органов» был закрыт терминал «Писаревский», построенный на частные инвестиции в общей сумме 52 млн долл. США по современным технологиям, после чего владельцу терминала потребовались дополнительные средства на репрофилирование.

Таким образом, нельзя не признать, что одним из основных вопросов использования ГЧП при развитии пограничной и приграничной инфраструктуры с инновационной составляющей является вопрос управления государственными рисками и страхования инвестиционных проектов бизнеса на срок не менее 15 лет на взаимовыгодных условиях.

Рассматривая возможность создания приграничного кластера смешанного грузо-пассажирского пункта пропуска «Джалинда», расположенного в Сковородинском районе Амурской области, следует отметить, что главной предпосылкой такой возможности являются проекты, реализуемые сегодня на Дальнем Востоке, в частности, создание ТОР, которые в скором времени значительно увеличат нагрузку на действующие пункты пропуска.

Приграничные районы Дальнего Востока и Байкальского региона, соседствующие с развитыми и динамично развивающимися странами АТР, а также имеющие транспортные выходы с помощью Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, Северного морского пути на мировой рынок, обладают высоким потенциалом активной внешнеэкономической деятельности. Согласно исследованиям Г.Г. Ткаченко [19], по степени благоприятности интеграционного экономико-географического потенциала: самый благоприятный потенциал имеют Приморский край, Еврейская автономная область, Амурская область; благоприятный потенциал – Хабаровский край, Республика Саха, Сахалинская область; наименее благоприятный потенциал – Магаданская область, Камчатский край и Чукотский автономный округ.

Новая модель ускорения социально-экономического развития региона предполагает стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем, направленное на совместное решение комплекса задач, связанных с созданием ряда трансграничных транспортно-логистических коридоров, развитием промышленных, финансовых и торговых проектов.

Стратегия взаимодействия России и Китая реализуется как напрямую через двусторонние соглашения, так и через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), в рамках которой согласована программа создания экономического коридора между странами, нацеленная на активизацию приграничных связей за счет запуска более чем 30 трехсторонних инвестиционных проектов [20, 21].

В 2015 году по итогам встреч российского и китайского лидеров был подписан ряд соглашений, связанных с созданием логистического хаба для транспортировки российских товаров в Китай [22], финансированием российско-китайских внешнеторговых операций, совместным строительством канатной дороги через реку Амур на участке российско-китайской государственной границы между городами Благовещенск (РФ) и Хэйхэ (КНР).

Высокий потенциал сотрудничества заложен также в стратегии «Экономический пояс Великого Шелкового пути», формирующей основы для политики Китая во взаимоотношениях с внешним миром. Логика транспортной стратегии КНР предусматривает также альтернативный способ грузоперевозок посредством использования Северного морского пути (далее СМП), который представляет собой самый короткий путь из Европы на Дальний Восток, Восточную Азию. СМП формирует единую транспортную систему, обслуживающую основные промышленные комплексы арктических и субарктических регионов, и может стать конкурентоспособным транспортным коридором по перевозке видов грузов в страны Восточной Азии.

Эксперты отмечают, что вовлечение в систему СМП пункта пропуска «Джалинда», расположенного вблизи пересечения Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, и строительство на его основе транспортно-логистического комплекса обеспечат более короткий международный транспортный коридор под рабочим названием «Северный транзит». Участок «Мохэ (Китай) – Джалинда – Сквородино – Тында – Нерюнгри – Якутск» позволит связать КНР с Северным морским путем через Амурскую область и Якутию.

Формирование транспортного коридора «Северный транзит» будет способствовать ряду позитивных изменений: активному развитию внешнеэкономических отношений между КНР и территориями, попадающими в зону влияния приграничного кластера «Джалинда» (Амурская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край); освоению минерально-сырьевой базы Дальневосточного региона; загрузке транзитными потоками Северного морского пути; инфраструктурному развитию узловых точек в рамках МТК; включению российских магистралей (Транссиб, БАМ) в мировую транспортную систему.

Особо следует отметить эффект от экономии транспортных затрат, связанных с сокращением транспортного плеча при использовании пункта пропуска «Джалинда» при перевозке грузов из Республики Саха (Якутия), который, согласно нашим расчетам, составит порядка 2 млрд руб.

При исследовании возможности создания приграничного кластера «Джалинда» была проведена комплексная социально-экономическая оценка сопредельных территорий: Амурской области, Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и уезда Мохэ китайской провинции Хэйлунцзян. Был установлен высокий уровень ресурсного и торгового потенциала, ключевыми видами экономической деятельности являются «транспорт и связь», «добыча полезных ископаемых» и «строительство» (в совокупности около 50% ВРП Амурской области, 71% ВРП Республики Саха (Якутия)). Ввиду особенностей географического положения, внешнеэкономическая

деятельность Амурской области и Забайкальского края ориентирована преимущественно на Китай, Забайкальский край также на Монголию, Республика Саха (Якутия) имеет внешнеторговые контакты с более чем 50 странами мира, из них экспорт осуществляется в 25 стран.

В регионе формируется ряд проектов, нацеленных на комплексное развитие территории, создание мощных социально-экономических предпосылок для динамичного развития (табл. 2).

Таблица 2

Проекты развития субъектов ДФО

Амурская область	Забайкальский край	Республика Саха (Якутия)
ТОР* «Приамурская»	Промышленный парк «Краснокаменск»	Таежный ГОК**
ТОР «Белогорск»	ГОК «Быстринский»	ГОК «Инаглинский»
Космодром «Восточный»	Освоение Апсатского угольного месторождения	Освоение россыпного месторождения олова «Ручей Тирехтах»
ГОК «Петропавловск»	Освоение Зашуланского каменноугольного месторождения	Горно-химический комплекс «Селигдарский»
Сугодино-Огоджинское угольное месторождение	Освоение Удоканского месторождения меди	ГОК на серебряно-свинцово-цинковом месторождении Верхне-Менкече
ГОК «Дармаканский»	Освоение Нойон-Тологойского месторождения полиметаллов	
Участок магистрального газопровода «Сила Сибири»	ЦПК «Полярная»	Промышленное освоение Западно-Анабарского лицензионного участка недр
	Освоение месторождений Каларского района	

Примечания: *ТОР – территория опережающего развития; **ГОК – горно-обогатительный комбинат.

Только на четырех якутских месторождениях общий объем запасов железной руды составляет почти 2 млрд тонн. Кроме того, к 2025 году прогнозный объем добычи угля составит 45 млн тонн. Также в дальневосточных субъектах сосредоточено 43% земель лесного фонда РФ и 25% всех российских запасов древесины, имеются свободные леса с возможным объемом изъятия древесины 6,2 млн куб. метров. В связи с этим планируется значительный рост объемов грузопотоков из регионов России, в том числе в КНР.

Непосредственно в зону влияния кластера попадает уезд Мохэ провинции Хэйлунцзян. Главным экспортом уезда является продукция глубокой переработки леса. Инфраструктура уезда (транспортная, связь, энергетика, индустрия гостеприимства) показывает высокие темпы развития. В рамках стратегий развития северных территорий КНР в настоящее время на территории уезда Мохэ реализуется 19 инвестиционных проектов на общую сумму 1,33 млрд юаней.

Анкетный опрос предпринимателей, осуществляющих ВЭД в субъектах, попадающих в зону влияния проектируемого приграничного кластера, в том числе китайских предпринимателей, показал высокий интерес к пункту пропуска «Джалинда» (рис. 2).

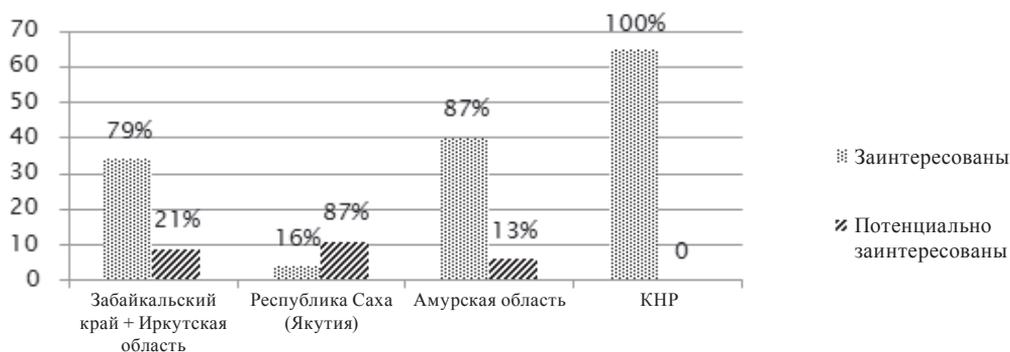

Рис. 2. Сравнительные показатели заинтересованности компаний в пункте пропуска «Джалинда»

На основании комплексного анализа в качестве стратегической цели проекта кластера «Джалинда» определено социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации в зоне влияния пункта пропуска посредством реализации перспективных инвестиционных проектов на условиях государственно-частного партнерства. Ключевыми задачами признаны: создание международного транспортного коридора круглогодичного действия, объединяющего транспортные системы России и КНР; формирование транспортно-логистического комплекса, позволяющего осуществлять перевалку и распределение грузов по маршрутам: КНР – Амурская область – Республика Саха (Якутия), КНР – Забайкальский край; создание предпосылок для формирования территории опережающего развития в районе реконструкции пункта пропуска «Джалинда».

В рамках продуктовой специализации приграничного кластера выбраны следующие направления: транспортно-логистическое, лесопромышленное; туристско-рекреационное (табл. 3).

Таблица 3

Инструменты государственно-частного партнерства при реализации направлений приграничного кластера «Джалинда»

Наименование проекта	Общее назначение	Инструменты ГЧП	Объем инвестиций, млн руб.
1	2	3	4
Транспортно-логистическое направление			
Реконструкция пункта пропуска «Джалинда»	Реконструкция пункта пропуска	Финансирование проектирования и строительства объекта частным инвестором с последующей передачей объектов пункта пропуска Минтрансу	1950,4

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Транспортная сопутствующая инфраструктура	Автомобильный и железнодорожный мосты, двухпутная железная дорога, 4-полосная автомобильная дорога, малый ж/д вокзал, инженерная инфраструктура	За счет бюджетных средств через механизм ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», ГП «Развитие транспортной системы Амурской области на 2014–2020 годы»	17 679,6
Создание транспортно-логистического центра	Транспортировка, хранение, таможенное оформление товаров, оказание сервисных услуг	Проект осуществляется за счет внебюджетных средств	3146,0
Лесопромышленное направление			
Строительство деревообрабатывающего производства	Производство продукции: пиловочник хвойный; баланс хвойный; технологическое сырье	Проект осуществляется за счет внебюджетных средств	917,1
Туристско-рекреационное направление			
Создание туристско-рекреационного комплекса «Русская деревня на Амуре»	Услуги проживания, питания и развлекательно-экскурсионной программы	Проект осуществляется за счет внебюджетных средств	975,1
Агротуристский комплекс	Производство сельскохозяйственной продукции для обеспечения потребностей туристов	Проект осуществляется за счет внебюджетных средств	90,8
Итого			24 759,0

Максимальный объем грузопотока составляет 2000 тонн, пассажиропотока – 1000 человек. Предполагаемый объем грузопотока в первый год деятельности пункта пропуска составляет 1500 тонн в сутки, пассажиропотока – 300 человек и достигнет к 2022 году 627 тыс. тонн в год, и 182 тыс. человек.

По результатам сводного анализа финансовой деятельности коммерческих объектов приграничного кластера «Джалинда» общий объем инвестиций составляет 7079,4 млн руб, чистый приведенный доход на конец 2030 года – 2992,9 млн руб., индекс прибыльности равен 1,75. Простой срок окупаемости по проекту 88 месяцев (7,3 года).

Финансовая модель проекта построена в двух вариантах: по общей системе налогообложения (ОСНО) и при условии создания на территории кластера территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). При включении объектов обеспечивающей инфраструктуры в финансовую модель общая потребность в инвестициях составит 24759 млн руб. При использовании ОСНО простой период окупаемости составил 137 месяцев, в условиях создания ТОСЭР

срок окупаемости снижается до 125 месяцев. С учетом предпринимательских и региональных рисков срок окупаемости проекта увеличивается до 185 месяцев, что дополнительно требует использования ГЧП.

Финансирование проекта на основе ГЧП подразумевает привлечение бюджетных и внебюджетных источников, при этом возможны два варианта схем:

- 1) полное финансирование инфраструктуры за счет бюджетных средств;
- 2) частичное финансирование инфраструктуры за счет внебюджетных средств.

При первом варианте соотношение объемов финансирования внебюджетных и бюджетных средств составляет 29 к 72%, при втором варианте – 49 к 51%.

Как уже отмечалось ранее, одним из способов решения значимых проблем развития крупных инфраструктурных территориальных проектов, к разряду которых можно отнести приграничный кластер «Джалинда», являются федеральные целевые и государственные программы. Государственная поддержка в рамках создания приграничного кластера возможна по следующим направлениям:

- развитие транспортной инфраструктуры (ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», ГП «Развитие транспортной системы Амурской области на 2014–2020 годы»);

- развитие лесного хозяйства (ГП «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы);

- развитие туризма (ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на 2011–2018 годы»);

- развитие сельского хозяйства (ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»);

- развитие инновационной экономики и привлечение инвестиций (ГП «Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области на 2014–2020 годы»).

Задачи создания нового транспортного коридора на основе реконструкции пункта пропуска «Джалинда» закреплены в следующих документах:

- строительство железнодорожного моста через реку Амур между селом Джалинда и Мохэ и замена дорожной одежды переходного типа на капитальный включены в Государственную программу РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» от 29 марта 2013 г. № 466-рв;

- представителями Амурской области, Республики Саха (Якутия) и провинции Хэйлуцзян подписано соглашение о создании единого транспортного коридора Мохэ – Джалинда – Якутия (2006 год);

- формирование международного транспортного коридора Якутия – Амурская область (Джалинда, Благовещенск) – КНР (Мохэ, Хэйхэ), обустройство пункта пропуска «Джалинда» включены в Программу социально-экономического развития Амурской области на 2013–2017 гг.;

- реконструкция пункта пропуска «Джалинда» согласована с Федеральными органами исполнительной власти, Аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в ДФО, Правительством Амурской области, в рамках исполнения следующих документов: протокола Государственной пограничной

комиссии от 26.06.2008 №2; распоряжения Правительства Российской Федерации от 20.11.2008 № 1724-р.

Проект реконструкции осуществляется в соответствии с приказом Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ №250-01 от 14.10.2015. Во исполнение поручений правительства Российской Федерации Минтранс России поручено ускорить работу по реконструкции смешанного пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Безусловно, одним из ключевых факторов успеха для создания и развития кластера является координация деятельности его участников, цель которой – консолидация усилий всех компаний кластера для достижения общих целей развития на условиях государственно-частного партнерства (рис. 3).

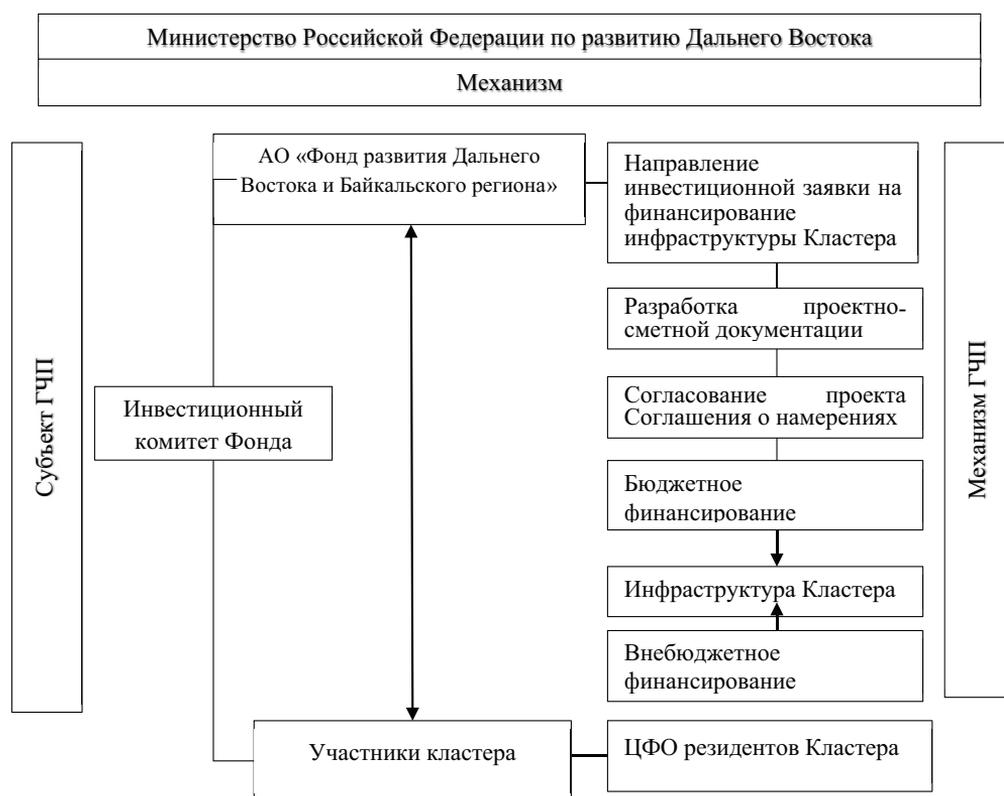

Рис. 3. Модель управления приграничным кластером «Джалинда»

Примечание: разработано авт.

Суть этой деятельности сводится к эффективному согласованию интересов всех участников кластера, созданию условий и непосредственному объединению фрагментов различных отраслей для оказания конкурентоспособных комплексных товаров, работ и услуг.

Таким образом, активизация государственно-частного партнерства в направлении создания приграничного кластера «Джалинда» будет способствовать при-

влечению инвестиций в приграничную территорию, росту и упорядочению грузопассажирского потока через государственную границу, ускоренному развитию транспортной инфраструктуры, диверсификации структуры экономики региона, сокращению транспортных издержек при перевозке грузов через границу Российской Федерации, в целом росту социально-экономического развития территории.

1. Балашова, М.В. Развитие государственно-частного партнерства в таможенно-логистической сфере / М.В. Балашова, Л.И. Воронина // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – №2. – С. 337–341.
2. Гатауллина, А.А. Государственно-частное партнерство: теоретические основы / А.А. Гатауллина // *Молодой ученый*. – 2013. – №9. – С. 160–163.
3. Мирзабалаева, Ф.И. Государственно-частное партнерство как инструмент регионального развития / Ф.И. Мирзабалаева, З.А.Тунаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №9. – С. 160–164.
4. Савченко, И.И. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития / И.И. Савченко и др. // *Изв. Дальневосточного федерального университета. – Экономика и управление*. – 2015. – №1 (73). – С. 99–112.
5. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
6. Варнавский, В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы методологии / В.Г. Варнавский // *Вест. Института Экономики РАН*. – 2009. – №3. – С. 1–13.
7. Козлов, А.А. Государственно-частное партнерство: сущность, классификация / А.А. Козлов // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. – 2012. – №2. – С. 1–6.
8. О концессионных соглашениях: федер. закон от 21.07.2005 №115-ФЗ (с доп. и изм.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
9. Бекетов, Н.В. Государственная политика инноваций / Н.В. Бекетов // *Экономист*. – 2004. – № 9. – С. 64–70.
10. Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. И. Минервина. – М.: «Альпина Паблишер», 2011. – 454 с.
11. Бондарь, Н.Н. Опыт государственно-частного партнерства в транспортной отрасли: достижения и неудачи // *Юридический портал «Аркон»*, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arkon-group.ru>
12. Евдокимович, А.Л. Государственно-частное партнерство как инструмент развития приграничного сотрудничества // *Сайт Российского института стратегических исследований [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://riss.ru/evrazijstvo/evrazijstvo-analysis/4127/>.
13. Морозова, Л.С. Классификация приграничных туристских кластеров / Л.С. Морозова, А.И. Большакова // *Сервис в России и за рубежом*. – 2012. – №11. – С. 33–40.

14. Морозова, В.С. Формирование приграничных социокультурных кластеров России и Китая как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития Дальнего Востока и Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР / В.С. Морозова // Россия и Китай: История и перспективы развития: IV междунар. науч.-практ. конф. 14–19 мая 2014 г. – Благовещенск, 2014.
15. Андреев, В.А. Предпосылки формирования трансграничных экономических кластеров на Дальнем Востоке России / В.А. Андреев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №3. – С. 40–44.
16. Михайлов, А.С. О возможностях российского участия в формировании трансграничных инновационных кластеров на Балтике / А.С. Михайлов, А.А. Михайлова // Экономика, управление, финансы: II междунар. науч. конф., декабрь 2012 г. – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 171–178.
17. Бондарь, Н.Н. Место государственно-частного партнерства в инвестиционном обеспечении развития отраслей экономики / Н.Н. Бондарь // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. – 2012. – №4. – С. 80–86.
18. Скоробогатко, Д. Обустройство пропускных пунктов перешло к Минтрансу // Коммерсантъ. – 2016. – 12 октября.
19. Суржигов, В.И. Экономико-географические особенности приграничного положения субъектов Дальнего Востока // Теория и практика современной науки: VII междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2012. – С. 110–116.
20. Путин, Элбэгдорж и Си Цзиньпин договорились создать экономический коридор // LENTA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/06/23/corridor/>
21. Путин и Си Цзиньпин подписали совместное заявление на встрече в Пекине // Сайт ТВЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/95147>
22. Меморандумы и соглашения РФ-КНР // China Logist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/book/articles/analitika/memorandumy-i-soglasheniya-rf-krn>

© Г.А. Гомилевская, 2016

© В.С. Сакун, 2016

Для цитирования: Гомилевская Г.А., Сакун В.С. Возможности государственно-частного партнерства при создании и развитии приграничных кластеров на примере кластера «Джалинда» в Амурской области // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 92–109.

For citation: Gomilevskaya G.A., Sakun V.S. Opportunities for public-private partnership to create and development of cross-border clusters on the example of cluster «Dzhalinda» in the Amur region // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 92–109.

Дата поступления: 21.11.2016.

О.В. Корнейко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Сценарные варианты развития рыбохозяйственной деятельности Приморского края как основы национальной продовольственной безопасности

Развитие рыбохозяйственной деятельности (РХД) Приморского края должно быть взаимосвязано и подчинено единым стратегическим целям в масштабах всего государства. В статье разработаны инерционный и базовый сценарии развития РХД в Приморском крае. Результаты свидетельствуют, что в случае снижения инвестиционных затрат на развитие РХД произойдет планомерное отставание количественных и качественных показателей деятельности рыбохозяйственных предприятий Приморского края, что создаст угрозу продовольственной безопасности в стране.

Ключевые слова и словосочетания: рыбохозяйственная деятельность, Россия, Приморский край, продовольственная безопасность, базовый и инерционный сценарии развития.

O.V. Korneyko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Scenarios for the development of fisheries activities in Primorsky Region as the basis for national food security

Development of fisheries Primorsky Territory should be interconnected and subordinated to one strategic goals throughout the State shall. The article developed the inertial and basic scenarios of RHD When in Maritime Territory. The results show that in the case of reduction of investment costs for the development of fisheries will lag systematic quantitative and quality-performance-governmental fishery enterprises of Primorye, which would create a threat to food security in the country.

Keywords: fishing, food security, Russia, Primorsky Territory, food security, basic and inertial development scenario.

Предпринимательство в рыбохозяйственной деятельности (РХД) Приморского края не только выполняет функцию системообразующего элемента для экономики края, но и во многом определяет успех решения задачи национального масштаба – обеспечение продовольственной безопасности, и не только для макрорегиона Дальнего Востока, т. е. региона, где базируются основные производственные мощности,

Корнейко Ольга Валентиновна – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры международного бизнеса и финансов; e-mail: olga30300@mail.ru.

имеется достаточный запас ресурсов и профессиональных кадров. В связи с тем, что приморские рыбохозяйственные предприятия формируют порядка 20% вылова и до четверти переработанной рыбной продукции, развитие РХД Приморского края должно быть подчинено единым стратегическим целям в масштабах всего государства.

Обращаясь к термину «продовольственная безопасность», отметим, что она является неотъемлемым элементом национальной безопасности государства в целом. В Российской Федерации дискуссии по вопросу определения критериев и методов обеспечения национальной безопасности в различных сферах жизнедеятельности начались в 1990-х гг. [1]. Их острота снижалась постепенно с выработкой и утверждением соответствующих актов президента Российской Федерации, которые сегодня формируют общее понимание безопасности и механизмов ее обеспечения в разных областях. В данной работе автор опирался на положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, и Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. №120.

Как записано в Доктрине, «продовольственная безопасность Российской Федерации является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» [2].

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. национальные интересы государства на долгосрочную перспективу заключаются в повышении конкурентоспособности национальной экономики, превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

На государственном уровне признается, что «стратегической целью продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Гарантией ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов» [2].

Задачами обеспечения продовольственной безопасности, независимо от изменения внешних и внутренних условий, являются:

- своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий за счет системы обеспечения граждан пищевыми продуктами, формирования стратегических запасов пищевых продуктов;
- устойчивое развитие отечественного производства продовольствия и сырья, достаточное для обеспечения продовольственной независимости страны;

- достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина страны безопасных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни;

- обеспечение безопасности пищевых продуктов.

Видно, что достижение национальной безопасности в продовольственной сфере напрямую сопряжено с достижениями экономического характера (стабильное устойчивое производство, конкурентоспособность национальной экономики).

Для оценки состояния продовольственной безопасности в качестве критерия определяется удельный вес отечественной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов (с учетом переходящих запасов) внутреннего рынка соответствующих продуктов, имеющий пороговые значения. В частности, в отношении рыбной продукции пороговое значение определено как «не менее 80%». В настоящее время никаких угроз невыполнения заданного критерия не существует, т.е. в России отсутствует импортозависимость по данному продукту. Но относительный показатель поставок отечественной и импортной рыбопродукции на российский товарный рынок не отражает действительный уровень обеспечения качественного, стабильного, бесперебойного и достаточного снабжения рыбопродукцией всего населения, проживающего на территории Российской Федерации [3]. Для предпринимательских структур Приморского края в настоящее время не освоенными можно считать рынки Поволжского, Южного и Сибирского федерального округов, Крыма и Севастополя, где наблюдается самый низкий, отстающий от среднероссийского показателя на 10–15 % уровень потребления рыбы – 10,5 кг, 10,8 кг и 12,5 кг на человека соответственно (см. табл.) [3].

Среднедушевое потребление рыбы, кг

Регион	1990	2000	2008	2015
Россия	20	10	13,9	18,1
ДФФО	35	19
Приморский край	52	24	28	28

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Расширение географии поставок вызвано не только необходимостью повышения уровня обеспеченности рыбопродукцией, но и потребностью решения задач импортозамещения в сложившейся внешнеполитической ситуации в России.

Необходимо понять, насколько развитие приморского предпринимательства в РХД соответствует долгосрочным и среднесрочным планам развития.

В качестве документа, задающего общие направления стратегического развития РХД России и Приморского края как субъекта РФ, следует рассматривать «Стратегию развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденную приказом Росрыболовства от 30 марта 2009 г. №246 (далее – Стратегия).

В целом Стратегией рассматриваются два варианта развития – инерционный и инновационный. Если темпы развития рыбного хозяйства будут соответствовать

текущему положению, то увеличение улова к 2020 г. прогнозируется до 4,9 млн т (с 3,4 млн т в 2007 г.), т. е. в 1,4 раза. В случае же успешной реализации мер Стратегии и перехода на инновационный сценарий развития уловы в России увеличатся в 1,9 раз и составят к 2020 г. 6,6 млн т, объем производства товарной пищевой рыбной продукции возрастет к 2020 г. до 5255 тыс. т, или в 1,4 раза к 2007 г. Среднедушевое потребление рыбных товаров по итогам окончания срока реализации Стратегии достигнет 28 кг.

В качественном измерении показатели инвестиционных вложений в развитие предпринимательства в РХД планируется довести до 30–37 млрд рублей в 2015–2020 гг. с 6,4 млрд рублей в 2007 г. Производительность труда к 2020 г. по сравнению с 2007 г. увеличится в 1,7 раз.

При формировании сценариев развития РХД Приморского края будем исходить из следующих параметров:

- увеличение производительности труда в РХД;
- увеличение доли технологических разработок в структуре научных разработок отраслевых научных институтов и организаций;
- увеличение товарной рыбной продукции;
- увеличение показателей прибыли и рентабельности предприятий рыбного хозяйства;
- повышение доли отечественной пищевой рыбной продукции на внутреннем рынке.

Ниже предпринята попытка сформировать два сценария развития РХК – инерционный и базовый.

Инерционный сценарий основывается на прогнозе динамики экономических и социальных процессов в регионе с учетом продолжения реализации существующих документов, но в условиях бюджетных ограничений и без осуществления мер, направленных на обеспечение опережающего экономического роста.

Базовый сценарий предполагает реализацию Стратегии при наиболее благоприятном развитии региональной, внутрirosсийской и международной ситуации. При этом предполагается, что в рамках данного сценария будут реализованы все инвестиционные проекты, осуществление которых признано целесообразным для достижения целей продовольственной безопасности страны и Приморского края. В этом сценарии должен проявиться весь существующий потенциал региона с учетом объективных ограничений (сроки строительства, объем запасов и т.п.), но без учета каких-либо бюджетных ограничений. Главный критерий отбора проектов – экономическая целесообразность и физическая возможность их реализации.

В рамках разработки полномасштабной региональной стратегии развития РХД в последующем может быть также разработан оптимальный сценарий, который является корректировкой базового сценария с учетом предполагаемых бюджетных ограничений, вызванных явлениями мирового финансово-экономического кризиса, но с сохранением основных мероприятий технологического перевооружения.

В случае преодоления существующих на сегодняшний день нормативных, ценовых и потребительских, инфраструктурных ограничений, а также требований

международного характера развития РХД Приморского края основными результатами базового сценария станут (рис. 1):

- увеличение доли готовой к употреблению рыбной продукции к 2020 г. до 37,8% в общем объеме товарной рыбной продукции;
- увеличение производительности труда с 28,43 до 48,3 тыс. руб. на одного занятого в отрасли.

Рис. 1. Реализация базового сценария развития РХД Приморского края

Источник: рассчитано на основе комплексного сравнительного анализа параметров долгосрочных прогнозов.

Прогноз выполнен на основе принципов, применяемых при поисковом прогнозировании. Поисковый прогноз – это прогноз, показывающий, к каким состояниям придет прогнозируемый объект в заданное время при определенных начальных условиях. Заданное время (2017–2020 гг.) включается во время реализации стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации.

Начальные условия:

- объем бюджетных расходов в РХД Приморского края;
- объем инвестиций в основной капитал по РХД Приморского края;
- темпы роста ВРП Приморского края;
- темпы роста доходов населения Приморского края;
- экспертные оценки развития конъюнктуры на основных рынках сбыта рыбной продукции.

Каждая позиция влияет на развитие РХД (объем вылова, производства и реализации рыбной продукции).

Модели прогнозов построены с помощью операционных систем Microsoft Excel, были использованы функции «РОСТ» для продолжения линии экспоненциально-го тренда на основе имеющихся статистических данных о состоянии указанных выше показателей.

Резкий подъем показателя динамики инвестиций в развитие отрасли объясняется тем, что именно в 2010 г. произошел максимальный прирост к текущему уровню инвестирования, обусловленный началом работ по реализации сразу ряда

стратегических и программно-плановых документов российского рыбохозяйственного комплекса.

Расчет прогноза по инерционному сценарию показал, что отставание по показателю «Доля готовой к употреблению рыбной продукции в общем объеме товарной продукции РКХ составит не менее 14% (рис. 2).

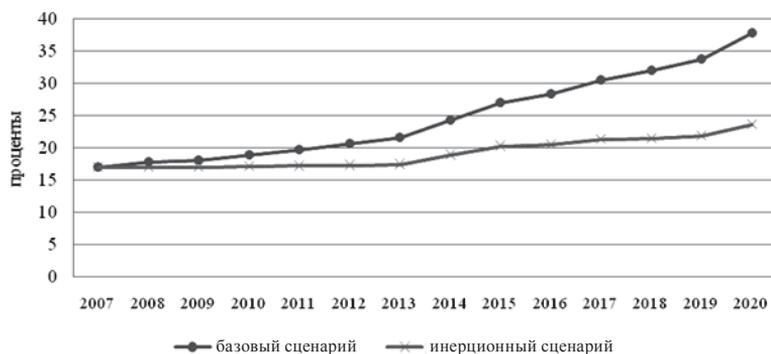

Рис. 2. Сравнение показателя по сценариям «Доля готовой к употреблению продукции РКХ в общем объеме продукции РКХ»

Источник: рассчитано на основе комплексного сравнительного анализа параметров долгосрочных прогнозов.

Прогноз производительности труда работников рыбохозяйственной деятельности строился на допущениях низкого роста выпуска технологичной продукции и замедления динамики коэффициента обновления основных фондов (рис. 3).

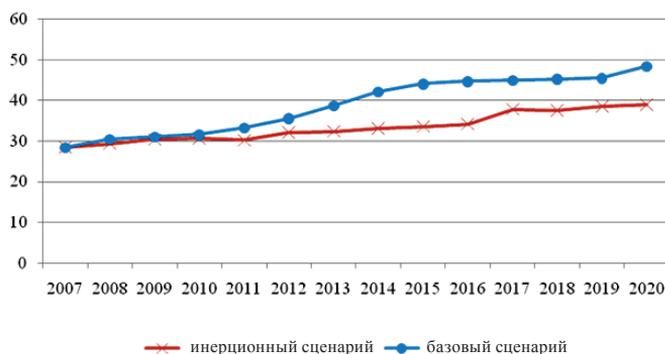

Рис. 3. Сравнение показателя «Производительность труда»

Источник: рассчитано на основе комплексного сравнительного анализа параметров долгосрочных прогнозов.

Результаты сравнения свидетельствуют, что в случае снижения инвестиционных затрат на развитие РКХ произойдет планомерное отставание количественных и качественных показателей деятельности рыбохозяйственных предприятий Приморского края. Краевые предприятия могут потерять существенную долю внутреннего рынка рыбной продукции. В случае если предпринимательские структуры в РКХ Северо-Западного и Южного федеральных округов не смогут восполнить

недостаток рыбной продукции, поставляемой на внутренний рынок Приморским краем, целевой критерий развития РХД в контексте задачи обеспечения продовольственной безопасности может быть не достигнут и максимально составит 68,2%.

1. Латкин, А.П. Особенности государственного регулирования предпринимательства в рыбохозяйственной деятельности / А.П. Латкин, О.В. Корнейко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – 171 с.
2. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ №120 [Принят Президентом Российской Федерации 30.01.2010 г.].
3. Корнейко, О.В. Свободный порт Владивосток как инструмент инвестиционной политики в рыбной логистике региона / О.В. Корнейко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 9 (342). – С. 89–99.
4. Итоги работы Росрыболовства в 2015 году и задачи на 2016 год: материалы к заседанию Коллегии Федерального агентства по рыболовству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fish.gov.ru/ob-agentstve/kollegiya-rosrybolovstva>.
5. Приказ Росрыболовства от 30.03.2009 №246 «Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/otraslevaya_deyatelnost/ekonomika_otrasli/koncepciya_razvitiya/Strategiya_prikaz_246.TIF.

© О.В. Корнейко, 2016

Для цитирования: Корнейко О.В. Сценарные варианты развития рыбохозяйственной деятельности Приморского края как основы национальной продовольственной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 110–116.

For citation: Korneyko O.V. Scenarios for the development of fisheries activities in Primorsky Region as the basis for national food security // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 110–116.

Дата поступления: 10.11.2016.

В.В. Мясоедова¹
С.В. Кривошапова²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Оценка финансовой устойчивости коммерческих банков Приморского края

В статье рассматривается существующая проблема оценки финансовой устойчивости коммерческого банка. Изложены результаты оценки финансовой устойчивости коммерческих банков Приморского края, таких, как ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк», ПАО «Дальневосточный банк», ПАО АКБ «Приморье», на примере методики Банка России с применением усовершенствованного апробированного метода, позволяющего проранжировать кредитные организации Приморского края по величине их финансовой устойчивости. По результатам оценки финансовой устойчивости кредитных организаций Приморского края предложены варианты управленческих решений.

Ключевые слова и словосочетания: коммерческий банк, финансовая устойчивость, методика Банка России, интегральный показатель.

V.V. Myasoedova
S.V. Krivoshapova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Financial stability estimation of Primorye region's commercial banks

The existing problem of commercial bank's financial stability estimation is considered in the article. The results of financial stability estimation of commercial banks in Primorsky region, such as PJS SCBP «Primsotsbank», PJS Far Eastern Bank, PJSCB Primorye are presented on the base of Bank of Russia methodology. The advanced approved method application allows to range credit organizations of Primorsky region in size of an integrated indicator of financial stability. The variants of management solutions are offered on the base of financial stability estimation of credit organizations in Primorsky region.

Keywords: commercial bank, financial stability, technique of the Bank of Russia, integrated indicator.

На данном этапе общественного развития проблема обеспечения финансовой устойчивости кредитных организаций, в том числе коммерческих банков,

¹ Мясоедова Валерия Викторовна – магистрант кафедры международного бизнеса и финансов; e-mail: valeria_suhanova@mail.ru.

² Кривошапова Светлана Валерьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры международного бизнеса и экономики; e-mail: czu1965@mail.ru.

приобретает ключевое значение. Трудное финансовое положение кредитных организаций, с одной стороны, и необходимость расширения инвестиций в экономику – с другой, в известной степени обостряют проблему, превращая её в один из наиболее актуальных теоретических и практических вопросов национальной экономики.

Современное состояние банковской системы России требует принятия комплекса мер по укрупнению банков как ее основных элементов, поддержанию их финансовой устойчивости, снижению системного риска [3].

Снижение степени устойчивости коммерческих банков, усиление конкурентной борьбы, возникновение кризисных явлений в банковской сфере, постоянное изменение внешних условий, в которых осуществляют деятельность коммерческие банки, требуют соответствующей реакции со стороны коммерческих банков – глубокой оценки их финансовой устойчивости, изыскания способов ее повышения [7].

Однако финансовая устойчивость кредитных организаций определяется не только их развитием, но и функционированием других экономических субъектов. Практика показывает, что финансовая устойчивость банков оказывает существенное влияние на устойчивость развития экономики в целом. Правительство Российской Федерации неоднократно подчеркивало необходимость развития банковского сектора, продолжения усилий по повышению устойчивости и обеспечению динамичного роста совокупных показателей его функционирования.

Вопросам оценки финансовой устойчивости кредитных организаций посвящены труды таких ведущих экономистов, как Л.Н. Александрова, М.А. Воронина, Т.Д. Завального, В.Н. Живалова, М.А. Журба [2], О.И. Лаврушина, И.Д. Мамонова, Е.А. Малыгина, Т.А. Полещук [4], Г.Г. Фетисова, Б.В. Созыкина, Ю.М. Скларовой [5], В.А. Трошина, М.Х. Халиловой [10], С.Ю. Шамрина, Т.В. Сребцова [7] и др.

Быстрое развитие финансовой системы оказывает влияние на то, что имеющиеся подходы и методы оценки финансовой устойчивости устаревают. Поэтому в современный период актуальным является формирование новых подходов к определению финансовой устойчивости как в целом в банковской системе, так и в коммерческих банках в частности.

Оценка финансовой устойчивости кредитных организаций РФ осуществляется в соответствии с Указанием Центрального банка РФ от 11 июня 2014 г. № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов» [8] и Указанием Центрального банка РФ от 30 апреля 2008 г. № 2005-У «Об оценке экономического положения банков» [9].

Оценка финансовой устойчивости коммерческих банков по методике Банка России реализуется согласно следующему алгоритму, который включает в себя: 1) расчет показателей собственных средств (капитала) и определение обобщающего результата; 2) расчет показателей активов и определение обобщающего результата; 3) расчет показателей доходности и определение обобщающего результата; 4) расчет показателей ликвидности и определение обобщающего результата; 5) расчет показателей качества управления банком и определение обобщающего результата;

б) расчет показателей прозрачности структуры собственности и определение обобщающего результата; 7) оценка финансовой устойчивости коммерческого банка.

Для осуществления оценки финансовой устойчивости использовались показатели трех региональных кредитных организаций, занимающих наиболее сильные конкурентные позиции на рынке банковских продуктов и услуг в Приморском крае: ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк», ПАО «Дальневосточный банк» и ПАО АКБ «Приморье».

В результате проведенной оценки были получены результаты, которые представлены ниже.

Расчет показателей собственных средств (капитала) и определение обобщающего результата кредитных организаций Приморского края представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели собственных средств (капитала) и определение обобщающего результата кредитных организаций Приморского края

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
Показатель достаточности собственных средств (капитала) ПК1	18,72	20,78	13,02	14,01	12,34	12,39
Показатель качества капитала ПК2	16,80	17,30	12,78	8,87	13,11	12,24
Обобщающий результат по группе показателей собственных средств (капитала) РГК	1	1	2	1	2	2
Состояние капитала	Хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Хорошее	Удовлетворительное	Удовлетворительное
Финансовая устойчивость по группе показателей	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная

Примечание: сост. по [6, 8, 9].

Согласно данным табл. 1, оценка состояния капитала ПАО «Дальневосточный банк» характеризуется как хорошая и на начало, и на конец периода. Данная методика позволяет увидеть, что хорошее состояние капитала и удовлетворительная финансовая устойчивость в динамике повышаются за счет роста показателя достаточности собственных средств (капитала) с 18,72 до 20,78% и повышения показателя качества капитала с 16,80 до 17,30%. Оценка состояния капитала ПАО АКБ «Приморье» на начало 2015 года была удовлетворительной за счет низкого значения показателя достаточности собственных средств (капитала). На начало 2016 года значение показателя повысилось, и состояние капитала можно охарактеризовать как «хорошее». Показатель достаточности собственных средств для ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» за 2015 год незначительно повысился, однако значение

показателя качества капитала снизилось. В результате состояние капитала данного банка, согласно методике Банка России, оценивается как «удовлетворительное», при этом финансовая устойчивость по данной группе показателей также является удовлетворительной.

В таблице 2 представлены расчет показателей активов и определение обобщающего результата по кредитным организациям Приморского края.

Таблица 2

Показатели активов и определение обобщающего результата кредитных организаций Приморского края

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
Показатель качества ссуд ПА1	2,7	2,7	4,1	3,8	4,2	4,3
Показатель риска потерь ПА2	3,9	4	5,7	5,4	7,3	6,9
Показатель доли просроченных ссуд ПА3	6,8	7,6	7,9	7,1	3,6	4
Показатель полноты сформированных резервов на возможные потери ПА4	12,16	12,09	12,16	5,62	7,16	5,32
Показатель концентрации крупных кредитных рисков ПА5	137,95	118,14	371,2	330,3	81,9	126,7
Показатель концентрации кредитных рисков на акционеров (участников) ПА6	0	0	0	0	0	0
Показатель концентрации кредитных рисков на инсайдеров ПА7	0,5	0,5	0,6	0,7	2,1	1,6
Обобщающий результат по группе показателей активов РГА	1,28	1,28	1,72	1,39	1,50	1,39
Состояние активов	Хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Удовлетворительное	Удовлетворительное	Удовлетворительное
Финансовая устойчивость по группе показателей	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная

Примечание: сост. по [6, 8, 9].

Согласно данным табл. 2, наиболее высокие показатели качества активов имеет ПАО «Дальневосточный банк», однако в динамике показатели финансовой устойчивости по группе показателей активов для данного банка ухудшаются: показатель риска потерь повышается с 3,9 до 4%, показатель доли просроченных ссуд увели-

чился с 6,8 до 7,6%, показатель полноты сформированных резервов на возможные потери снизился с 12,16 до 12,09%. Единственным положительным изменением для ПАО «Дальневосточный банк» по данной группе показателей является сокращение показателя концентрации крупных кредитных рисков с 137,95 до 118,14%. В целом состояние активов ПАО «Дальневосточный банк» оценивается по методике Банка России как хорошее (РГА близок к 1), а финансовая устойчивость по группе показателей активов – как удовлетворительная (РГА меньше или равен 2).

Большинство показателей, характеризующих активы ПАО АКБ «Приморье», имеют положительную динамику, за исключением показателя качества ссуд, который за год снизился на 0,3%, и показателя полноты сформированных резервов на возможные потери, который за год снизился на 6,54%. В то же время показатель риска кредитных потерь за год снизился на 0,3%, показатель доли просроченных ссуд – на 0,8%, показатель концентрации крупных кредитных рисков – на 40,9%. В целом, состояние активов ПАО АКБ «Приморье» согласно методике Банка России является удовлетворительным как на начало, так и на конец периода, финансовая устойчивость также имеет удовлетворительный уровень.

Показатели активов ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» также имеют неоднозначную динамику: наряду с повышением качества ссуд увеличивается риск потерь и доля просроченных ссуд, сокращаются резервы на возможные потери. Все это говорит о некоторой нестабильности финансового положения банка в отношении управления активами. Тем не менее, состояние активов согласно методике Банка России является удовлетворительным, финансовая устойчивость по данной группе показателей также имеет удовлетворительную оценку. Финансовая устойчивость всех трех кредитных организаций по данной группе показателей характеризуется как удовлетворительная.

В таблице 3 представлены результаты расчета показателей доходности и определение обобщающего результата по кредитным организациям Приморского края.

Таблица 3

Показатели доходности и определение обобщающего результата кредитных организаций Приморского края

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
1	2	3	4	5	6	7
Показатель прибыльности активов ПД1 ₀	2,43	3,03	2,56	-2,19	2,02	1,82
Показатель прибыльности капитала ПД2 ₀	17,13	18,72	15,85	-21,88	17,06	16,09
Показатель структуры расходов ПД4	69,63	61,63	66,02	196,62	68,74	72,83

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Показатель чистой процентной маржи ПД5	4,58	5,64	1,25	4,37	5,85	5,50
Показатель структуры чистого спреда от кредитных операций ПД6	11,62	12,30	10,56	3,10	12,76	11,42
Обобщающий результат по группе показателей доходности РГД	1,45	1,18	1,64	3,64	1,18	1,27
Состояние доходности	Удовлетворительное	Хорошее	Удовлетворительное	Неудовлетворительное	Хорошее	Хорошее
Финансовая устойчивость по группе показателей	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Неудовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная

Примечание: сост. по [6, 8, 9].

Согласно данным табл. 3 в период с 01.01.2015 по 01.01.2016 произошло повышение доходности ПАО «Дальневосточный банк», что выражается в росте показателя прибыльности с 2,43 до 3,03%, повышении прибыльности капитала с 17,13 до 18,72%, чистой процентной маржи с 4,58 до 5,64%. В результате значение обобщающего показателя по группе показателей доходности приблизилось к 1 и составило 1,18, что свидетельствует об улучшении финансового состояния банка по группе показателей доходности.

Согласно произведенным расчетам в результате превышения доходов над расходами ПАО АКБ «Приморье» по состоянию на 1.01.2016 г. имело неудовлетворительное состояние доходности и неудовлетворительную финансовую устойчивость.

Показатели доходности ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» в динамике незначительно снизились, однако состояние доходности не ухудшилось, а уровень финансовой устойчивости остался удовлетворительным.

В таблице 4 представлены результаты расчета показателей ликвидности и определение обобщающего результата по кредитным организациям Приморского края.

Таблица 4

Показатели ликвидности и определение обобщающего результата кредитных организаций Приморского края

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
1	2	3	4	5	6	7
Показатель общей краткосрочной ликвидности ПЛ1	43,11	47,60	30,95	28,61	40,67	44,18

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
Показатель мгновенной ликвидности ПЛ2	73	271,3	77,3	188,4	96,3	253,5
Показатель текущей ликвидности ПЛ3	96	514,5	101,8	111,1	113	196,7
Показатель структуры привлеченных средств ПЛ4	64,64	63,67	41,14	32,33	33,05	34,70
Показатель зависимости от межбанковского рынка ПЛ5	2,10	1,56	3,40	4,60	4,10	2,10
Показатель риска собственных вексельных обязательств ПЛ6	0,83	1,33	0,00	1,29	4,84	5,20
Показатель небанковских ссуд ПЛ7	72,70	72,80	137,99	63,75	44,35	105,28
Показатель риска на крупных кредиторов и вкладчиков ПЛ10	24,6	53,2	65,45	90,1	17,3	56,4
Обобщающий результат по группе показателей ликвидности РГД	1,35	1,35	1,35	1,35	1,12	1,18
Состояние ликвидности	Удовлетворительное	Удовлетворительное	Удовлетворительное	Удовлетворительное	Хорошее	Хорошее
Финансовая устойчивость по группе показателей	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная

Примечание: сост. по [6, 8, 9].

Согласно произведенным расчетам кредитные организации Приморского края имеют удовлетворительную финансовую устойчивость по группе показателей ликвидности. Однако хорошее состояние ликвидности, согласно методике Банка России, имеет только ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк». В динамике повысились все показатели ликвидности ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»: показатель общей краткосрочной ликвидности увеличился с 40,67 до 44,18%, показатель мгновенной ликвидности вырос в 2,6 раза, показатель текущей ликвидности увеличился в 1,7 раза. Снизилась зависимость ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» от межбанковского рынка. Однако при этом существенно увеличились показатели риска ликвидности, в частности, показатель структуры привлеченных средств, риска вексельных обязательств, показатель небанковских ссуд, показатель риска на крупных кредиторов и вкладчиков. Таким образом, повышая ликвидность, банк

одновременно увеличивает и риск ликвидности, что может быть опасным с точки зрения разрывов ликвидности.

Банки ПАО «Дальневосточный банк» и ПАО АКБ «Приморье» имеют удовлетворительное состояние ликвидности – это означает, что обобщающий результат по группе показателей ликвидности РГД имеет значение не ниже 1,35 и не более 2,34. Ликвидность ПАО «Дальневосточный банк» повышается по всем группам активов: показатель общей краткосрочной ликвидности увеличился с 43,11 до 47,60%, показатель мгновенной ликвидности возрос в 3,7 раза, показатель текущей ликвидности увеличился в 5,4 раза. В то же время наблюдается увеличение риска ликвидности по всем показателям риска.

Показатели мгновенной и текущей ликвидности ПАО АКБ «Приморье» повысились, однако быстрая (краткосрочная) ликвидность снизилась. Как и у других банков, у ПАО АКБ «Приморье» повысились показатели риска ликвидности, что, очевидно, было обусловлено общей неблагоприятной экономической ситуацией.

Показатели финансовой устойчивости кредитных организаций, рассчитанные в соответствии с методикой Банка России, представлены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели финансовой устойчивости кредитных организаций Приморского края, рассчитанные в соответствии с методикой Банка России

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
Финансовая устойчивость по группе показателей собственных средств (капитала)	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная
Финансовая устойчивость по группе показателей активов	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная
Финансовая устойчивость по группе показателей доходности	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Неудовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная
Финансовая устойчивость по группе показателей ликвидности	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная	Удовлетворительная

Примечание: сост. по [6, 8, 9].

Согласно полученным результатам табл. 5, финансовая устойчивость ПАО «Дальневосточный банк» и ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» является удовлетворительной по всем показателям. ПАО АКБ «Примсоцбанк» имеет неудовлетворительную финансовую устойчивость по группе показателей доходности.

Однако, на наш взгляд, методика, разработанная Банком России, обладает рядом недостатков: она предусматривает оценку финансового состояния банка в целом и не предполагает выведение единого интегрального показателя; ввиду того, что в качестве главной цели подхода выделяют проверку соблюдения кредитной организацией обязательных нормативов для обнаружения неустойчивых банков, оценка не предполагает выявления возможных причин возникновения проблем, а также не позволяет проанализировать стратегическую направленность деятельности, что может быть запаздывающим показателем по отношению к возникновению финансовых проблем. Кроме того, методика содержит обширный перечень показателей, которые могут быть рассчитаны только на основе проведения опроса, что далеко не всегда приемлемо при оценке финансовой устойчивости кредитной организации.

С этой целью предлагаем усовершенствовать алгоритм оценки финансовой устойчивости Банка России, который будет включать в себя следующие этапы: 1) расчет показателей собственных средств (капитала) и определение обобщающего результата; 2) расчет показателей активов и определение обобщающего результата; 3) расчет показателей доходности и определение обобщающего результата; 4) расчет показателей ликвидности и определение обобщающего результата; 5) расчет интегрального показателя финансовой устойчивости банка; 6) выявление причин снижения или резервов роста финансовой устойчивости банка; 7) определение управленческих решений по повышению финансовой устойчивости.

За основу берем систему показателей собственных средств, активов, дохода, ликвидности, заимствованную из методики Банка России, а затем на основе формулы средней геометрической определяется интегральный показатель обобщающего результата финансовой устойчивости каждой кредитной организации индивидуально (1):

$$I = \sqrt[4]{РГК \cdot РГА \cdot РГЛ \cdot РГД}, \quad (1)$$

где *РГК* – обобщающий результат по группе показателей собственных средств (капитала);

РГА – обобщающий результат по группе показателей активов;

РГД – обобщающий результат по группе показателей доходности;

РГЛ – обобщающий результат по группе показателей ликвидности.

На базе обобщающего результата характеризуется состояние финансовой устойчивости кредитной организации:

равный 1 – «хорошая финансовая устойчивость»;

свыше 1 до 2 – «удовлетворительная финансовая устойчивость»;

свыше 2 до 3 – «сомнительная финансовая устойчивость»;

свыше 3 – «неудовлетворительная финансовая устойчивость».

В таблице 6 представлены показатели обобщающего результата финансовой устойчивости кредитных организаций Приморского края по дополненной методике.

Таблица 6

Оценка обобщающего результата финансовой устойчивости кредитных организаций Приморского края по дополненной методике

Наименование показателя	ПАО «Дальневосточный банк»		ПАО АКБ «Приморье»		ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк»	
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2015	01.01.2016
Обобщающий результат по группе показателей собственных средств (капитала) РГК	1	1	2	1	2	2
Обобщающий результат по группе показателей активов РГА	1,28	1,28	1,72	1,39	1,50	1,39
Обобщающий результат по группе показателей ликвидности РГЛ	1,35	1,35	1,35	1,35	1,12	1,18
Обобщающий результат по группе показателей доходности РГД	1,45	1,18	1,64	3,64	1,18	1,27
Интегральный показатель финансовой устойчивости кредитной организации	1,27	1,21	1,56	1,60	1,31	1,37

Примечание: сост. авт.

Предложенный подход позволил составить рейтинг кредитных организаций Приморского края по степени их финансовой устойчивости на базе интегрального показателя на 01.01.2016 г. (см. рис.).

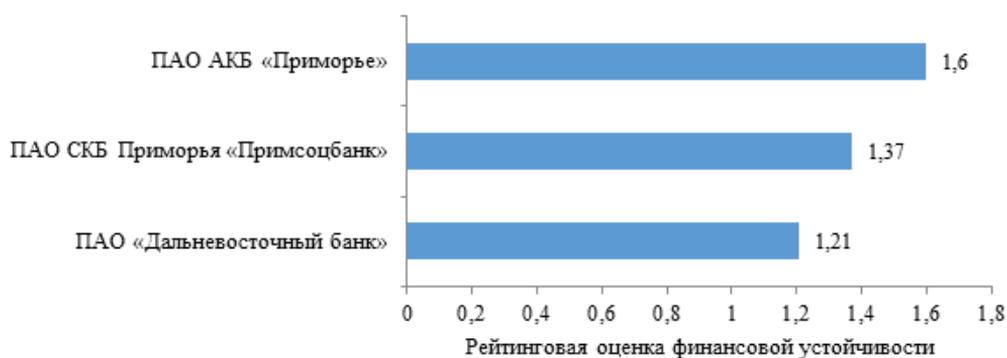

Рисунок. Распределение кредитных организаций Приморского края по величине интегрального показателя финансовой устойчивости на 01.01.2016 г.

Из рисунка видно, что наиболее высокий рейтинг имеет ПАО «Дальневосточный банк» (1,21), второе место занимает ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» (1,37), третье место – ПАО АКБ «Приморье» (1,6).

По результатам оценки финансовой устойчивости кредитных организаций Приморского края могут быть предложены следующие варианты управленческих решений:

1) для ПАО «Дальневосточный банк» необходимо предложить меры по снижению риска ликвидности, например, увеличение ликвидных активов, сокращение обязательств до востребования;

2) для ПАО АКБ «Приморье» необходимо разработать мероприятия по повышению прибыли и доходности, в частности, по увеличению процентных доходов за счет новых банковских продуктов и услуг и сокращению административно-управленческих расходов за счет введения режима экономии в банке;

3) для ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» целесообразно предложить мероприятия по увеличению собственных средств (капитала), в частности, по увеличению собственного капитала за счет реинвестирования нераспределенной прибыли, а также по сокращению активов с неоптимальным соотношением доходности и риска.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что проблемы банковской сферы России можно рассматривать как ключевой элемент финансовой системы страны. Приморский край, в свою очередь, представляется интересным в связи со своей экономической перспективностью и новизной. Этот регион является заманчивым для привлечения инвестиций и развития предпринимательства, прежде всего благодаря своему географическому положению – близости морских торговых путей. Данный фактор выступает предпосылкой развития банковского сектора и становления благоприятного инвестиционного климата в регионе [1].

Именно хорошая финансовая устойчивость кредитных организаций Приморского края может стать ключевым фактором для привлечения инвестиций в экономику региона через ее региональную банковскую систему. Это позволит банкам достойно конкурировать с нерегиональными кредитными организациями, присутствующими в банковском секторе Приморского края. А расчет интегрального показателя позволит своевременно выявлять конкурентные позиции и проблемы в деятельности кредитных организаций и оперативно разрабатывать пути управленческих решений с целью улучшения своей финансовой устойчивости. В конечном итоге это может положительно повлиять на устойчивость и банковской системы в целом.

-
1. Гриванов, Р.И. Некоторые тенденции развития банковской системы Российской Федерации: особенности Приморского края / Р.И. Гриванов, Т.Д. Завальный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 6–2. – С. 336–339.
 2. Журба, М.А. Сравнительная характеристика подходов оценки финансовой устойчивости кредитных организаций / М.А. Журба // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 7(48). – С. 680–683.
 3. Кривошапова, С.В. Совершенствование надзора за банковским сектором: Региональные особенности / С.В. Кривошапова, Л.И. Вотинцева // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. – 2012. – № 1 (25). – С. 55–61.

4. Полещук, Т.А. Анализ основных методик прогнозирования финансовой устойчивости кредитной организации / Т.А. Полещук, Л.Н. Александрова // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 3–2 (56–2).– С. 777–780.
5. Склярова, Ю.М. Методологические аспекты обеспечения финансовой устойчивости Российских коммерческих банков в современных условиях: монография / Ю.М. Склярова, И.Ю. Скляров, М.А. Воронин и др. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2014. – 160 с.
6. Справочник по кредитным организациям [Электронный ресурс] // Банк России. – Режим доступа: <http://cbr.ru/credit/main.asp>.
7. Трошин, В.А. Проблематика оценки финансовой устойчивости коммерческого банка / В.А. Трошин // Молодой ученый. – 2014. – №10 (69). – С. 263–266.
8. Указание Центрального банка РФ от 11 июня 2014 г. № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов».
9. Указание Центрального банка РФ от 30 апреля 2008 г. № 2005-У «Об оценке экономического положения банков».
10. Халилова, М.Х. Оценка финансовой устойчивости кредитных организаций / М.Х. Халилова, Е.А. Малыгина // Современные технологии и управление. – 2014. – № 3(39). – С. 24–27.

© В.В. Мясоедова, 2016

© С.В. Кривошапова, 2016

Для цитирования: Мясоедова В.В., Кривошапова С.В. Оценка финансовой устойчивости коммерческих банков Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 117–128.

For citation: Myasoedova V.V., Krivoshapova S.V. Financial stability estimation of Primorye region's commercial banks // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 117–128.

Дата поступления: 01.11.2016.

Э.В. Горян

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Роль Уполномоченного по правам человека в субъекте федерации в региональном правовом механизме обеспечения прав коренных народов (опыт Приморского края)

Исследуется региональный правовой механизм обеспечения прав коренных малочисленных народов и роль в нем Уполномоченного по правам человека в Приморском крае. Содержание ежегодных докладов Уполномоченного позволяет сделать вывод о низкой эффективности данного института: в течение 14 лет его существования основные права коренных малочисленных народов в Приморском крае продолжают нарушаться со стороны местных органов исполнительной власти, игнорирующих положения федерального законодательства в сфере природопользования. Отсутствие краевой программы социально-экономического развития коренных малочисленных народов и соответствующего финансирования ставит под угрозу достойное существование коренных малочисленных народов Приморья. Автор делает вывод о недостаточно эффективном использовании института Уполномоченного по правам человека в субъекте федерации, несмотря на имеющиеся у него правовые механизмы защиты прав коренных малочисленных народов.

Ключевые слова и словосочетания: коренные народы, права человека, Уполномоченный по правам человека.

E.V. Goryan

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Role of ombudsman in subject of federation in regional legal mechanism for ensuring the rights of indigenous people (Primorsky Region's experience)

A regional legal mechanism of ensuring rights of indigenous people is studied with a scope on the role of Ombudsman in the Primorsky Region. The content of Ombudsman's annual reports suggests a low efficiency of the institution: in spite of 14 years of its activity, the fundamental rights of indigenous people in Primorsky Region continue to be violated by the local authorities which ignore the provisions of the federal legislation in the sphere of wildlife management. The absence of the regional program of socio-economic development of the indigenous people and therefore zero funding jeopardize the decent life of indigenous people of Primorye. The author makes a conclusion about ineffectiveness of the ombudsman institution for the protection of indigenous people's rights.

Keywords: indigenous people, human rights, ombudsman.

В своей резолюции 53/22 от 4 ноября 1998 г. Генеральная Ассамблея провозгласила 2001 год Годом диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций. Диалог между цивилизациями определяется как процесс, направленный на достижение следующих целей: а) содействие всеобщему участию, равноправию, равенству, справедливости и терпимости в отношениях между людьми; б) укрепление взаимопонимания и взаимного уважения с помощью взаимодействия между цивилизациями; в) взаимное обогащение и развитие знаний, а также понимание богатства и мудрости всех цивилизаций; г) выявление и поощрение того, что объединяет цивилизации, в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях; д) поощрение и защита всех прав человека и основных свобод и достижение более глубокого общего понимания прав человека; е) содействие более глубокому пониманию общих этических стандартов и универсальных человеческих ценностей; ж) обеспечение более высокой степени уважения культурного разнообразия и культурного наследия [4].

В рамках указанной стратегии международное сообщество акцентировало внимание на проблемах коренных народов, что выразилось в объявлении ООН международных десятилетий коренных народов (1995–2004 гг.; 2005–2014 гг.), создании Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов в рамках ЭКОСОС и Экспертного механизма ООН по правам коренных народов в рамках УВКПЧ, а также в принятии в 2007 г. Декларации ООН по защите прав коренных народов (далее – Декларация 2007 г.) [6]. В международном праве уже была сделана попытка регламентировать права коренных народов: в 1989 г. Международная организация труда утвердила Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (далее Конвенция №169) [14]. Как Декларация 2007 г., так и Конвенция №169 устанавливают минимальные стандарты прав коренных народов, гарантирующих им достойное существование и участие в социальной, экономической и культурной жизни общества.

Кроме указанных международно-правовых документов механизм обеспечения прав коренных народов включает в себя следующие акты: Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенцию о правах ребенка, Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о биологическом разнообразии, Пекинскую декларацию женщин коренных народов, Канкунскую декларацию Министерской конференции ВТО о коренных народах и др.

Российская Федерация до сих пор не ратифицировала Конвенцию №169, что объясняется исследователями несоответствием ее ключевых положений (устанавливающих понятия «коренной народ», «земля» и проч.) законодательству [3. С. 68], в частности, Конституции РФ и Федеральному закону от 30.04.1999 г. №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской

Федерации» (далее – ФЗ-82) [15]. Поэтому на сегодняшний день обеспечение прав коренных народов в РФ осуществляется на основании национального законодательства, включающего, кроме названного ФЗ-82, еще несколько специальных законов, а также специальных норм отраслевого законодательства (например, ФЗ №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»). Поскольку российский законодатель употребляет термин «коренные малочисленные народы» вместо общеприменимого в международном праве термина «коренные народы», в данной статье мы будем использовать термин «коренные малочисленные народы» (далее – КМН).

В научной литературе вопросы обеспечения прав коренных малочисленных народов изучаются в аспекте реализации государственной политики в сфере сохранения языков и культуры [23], природопользования и традиционной хозяйственной деятельности [12; 13], определения юридического статуса [7]. Недостаточное, на наш взгляд, внимание уделяется обеспечению социальных и экономических прав коренных народов [1; 5; 20; 21], а также обеспечению безопасности и предотвращению преступности [2]. Все вышеуказанное и определяет актуальность нашего исследования.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность КМН Приморского края составляет 1429 человек: тазы, удэгейцы, нанайцы, орочи проживают в Приморском крае в Тернейском, Пожарском, Красноармейском и Ольгинском районах [11. С. 44].

Ввиду уязвимости КМН по причине несовершенного национального механизма гарантирования их прав большое значение имеет региональный институциональный механизм обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов – Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации. Он наделен обширными полномочиями при рассмотрении жалоб на решения или действия (бездействие) территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, а также организаций федерального подчинения: а) беспрепятственно посещать указанные территориальные органы и организации; б) запрашивать и получать от них сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалоб; в) получать объяснения должностных лиц и государственных служащих указанных территориальных органов, организаций по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалоб; г) проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверку деятельности указанных территориальных органов и организаций и их должностных лиц (ч. 23 ст. 16.1) [18].

В Приморском крае соответствующий закон, определяющий статус Уполномоченного по правам человека в Приморском крае (далее – Уполномоченного), был принят 11 декабря 1997 г. [19], но только в октябре 2002 г., когда было внесено соответствующее дополнение в Устав Приморского края, институт Уполномоченного по правам человека в крае приобрел законный статус.

В соответствии со ст. 10 указанного краевого закона Уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность на территории Приморского края, их должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, нарушающих, по мнению заявителя, его права и свободы. Статья 11 определяет права Уполномоченного при рассмотрении жалоб, а именно: 1) беспрепятственно посещать указанные территориальные органы и организации; 2) запрашивать и получать от них сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалоб; 3) получать объяснения должностных лиц и государственных служащих указанных территориальных органов, организаций по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалоб; 4) проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверку деятельности указанных территориальных органов и организаций и их должностных лиц.

Меры воздействия, применяемые Уполномоченным, включают в себя: 1) направление органам власти и их должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение прав, свобод или законных интересов заявителей, заключения, содержащего рекомендации по восстановлению или защите нарушенных прав, свобод или законных интересов и предотвращению подобных нарушений в дальнейшем; 2) направление должностным лицам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях, материалы для рассмотрения вопроса о возможности возбуждения дела об административном правонарушении в отношении должностных лиц, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение прав, свобод или законных интересов заявителей; 3) обращение в органы власти с ходатайством о наложении дисциплинарного взыскания в отношении должностных лиц, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение прав, свобод или законных интересов заявителей; 4) изложение доводов должностному лицу, которое вправе вносить протесты, представления; 5) направление органам и должностным лицам предложения о внесении изменений в действующее законодательство, если действия и решения, нарушающие права и свободы граждан, совершаются на основании и во исполнение действующего законодательства или в силу существующих в нем пробелов, а также если действующее законодательство противоречит общепринятым принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации и международным соглашениям Приморского края; 6) направление органам власти или должностным лицам предложений и рекомендаций, относящихся к обеспечению прав и свобод человека и совершенствованию административных процедур; 7) обращение в Законодательное Собрание Приморского края с представлением о создании комиссии по расследованию фактов нарушения прав человека в случаях, имеющих особое общественное значение (ст. 12).

Важным средством доведения до сведения общественности проблем, наличествующих в сфере защиты прав отдельных категорий лиц, в том числе КМН, являются ежегодные доклады Уполномоченного о своей деятельности. Краевой закон обязывает Уполномоченного направлять такие доклады Губернатору Приморского края, Законодательному Собранию Приморского края, председателю Приморского краевого суда, прокурору Приморского края, председателю Арбитражного суда Приморского края, в Общественную палату Приморского края, а также публиковать их в средствах массовой информации Приморского края (ч. 1, ч. 4 ст. 13). Законом предусматривается возможность составления специальных докладов по отдельным вопросам соблюдения прав и свобод граждан в Приморском крае (ч. 2 ст. 13), а в случае грубого или массового нарушения прав и свобод граждан Уполномоченный вправе выступить с докладом на очередном заседании Законодательного Собрания Приморского края (ч. 3 ст. 13). Однако за 12 лет существования института Уполномоченного в Приморье эти нормы не применялись.

В период с 2004 по 2009 г. и в 2011 г. представители КМН ни разу не обращались к Уполномоченному с жалобами о нарушении своих прав. Впервые была получена жалоба о нарушении права на ведение традиционного образа жизни и осуществление традиционной хозяйственной деятельности в 2010 г., когда в отношении удэгейцев, осуществлявших вылов рыбы для личного потребления, правоохранными органами по Ольгинскому муниципальному району были возбуждены уголовные дела по факту незаконной добычи кеты. Несмотря на положения федерального закона №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна, утвержденных приказом Федерального агентства по рыболовству от 27.10.2008 № 272, а также приказа Государственного комитета Российской Федерации по рыболовству от 11.04.2008 г. № 315, гарантирующих право осуществлять рыболовство для личного потребления без разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, дело было передано в Ольгинский районный суд, который вынес решение в пользу удэгейцев [8]. Однако нарушение указанных норм законодательства со стороны местных органов власти не прекратилось. Более того, на состоявшейся в 2012 г. Конференции общин и общественных организаций коренных и малочисленных народов Приморского края были озвучены проблемы системного характера, с которыми сталкиваются КМН в Приморье (отраженные впоследствии в докладе Уполномоченного) [9].

Одной из главных проблем является качество и доступность транспортных услуг – территории расселения находятся в труднодоступных районах, с которыми затруднено транспортное сообщение. Эта проблема влечет за собой и необеспеченность жителей поселений товарами первой необходимости, лекарственными средствами, строительными материалами, дровами и пиломатериалами для ремонта жилья. Ухудшает ситуацию отсутствие мобильной связи и Интернета: медицинская помощь оказывается несвоевременно (Красноярковское поселение Пожарского

муниципального района, Молдовановское поселение Ольгинского муниципального района, Дальний Кут Красноармейского муниципального района).

В сфере традиционного рыболовства нарушается принцип приоритетности в предоставлении водных биологических ресурсов в местах компактного проживания КМН и ограничении в праве добычи и разнообразия водных биологических ресурсов и ведения традиционного рыболовства. Формирование рыбопромысловых участков в местах компактного проживания КМН (Тернейском, Ольгинском и Лазовском районах) невозможно, поскольку при формировании промышленных участков (участков под разведение марикультур и проч.) условия конкурсов не содержат ссылки на приоритетное право коренных народов, установленное федеральным законодательством.

Нарушение прав на традиционную охоту происходит при отказе в предоставлении в охотничьем билете федерального образца штампа, предусмотренного законодательством, а также в результате необеспеченности представителей КМН охотничьими угодьями (п. 1.10) [9]. Так, по состоянию на 2012 г. охотничьи угодья в местах компактного проживания КМН составляли всего один процент, остальная часть угодий была закреплена для спортивной и любительской охоты за иными лицами, для которых охота не является основой традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Кроме того, территории проживания ежегодно уменьшаются по причине незаконного захвата лесозаготовительными компаниями (п. 1.10) [9].

Образование территорий традиционного природопользования местного значения осуществляется решениями органов местного самоуправления на основании обращений лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей (ст. 8) [17]. В результате запросов Уполномоченного к главам Тернейского, Красноармейского, Лазовского, Ольгинского и Пожарского муниципальных районов выяснилось, что в 2012 г. в Приморском крае отсутствовали территории традиционного природопользования КМН, что делало невозможным обеспечение их основных прав на традиционное природопользование.

Культурное развитие и образование КМН не обеспечивается по причине отсутствия финансирования работы учреждений культуры и обучения молодежи в высших учебных заведениях Приморского края по специальностям, связанным с осуществлением традиционных видов хозяйственной деятельности: промышленное рыболовство, рыбоводство, экология, природопользование. Право на среднее образование ограничено в связи с нехваткой учителей средних общеобразовательных школ. Право на охрану здоровья не обеспечивается в связи с отсутствием учреждений здравоохранения и медицинских работников в местах компактного проживания коренных народов, в результате чего большинство жителей не проходят регулярное полное медицинское обследование, и выявление нарушений состояния здоровья происходит на поздних стадиях заболеваний [9].

В 2013 г. Уполномоченный представлял интересы КМН на собрании Союза коренных малочисленных народов Приморского края в пос. Ольга с участием представителей Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра (ТИНРО-Центр), департамента рыбного хозяйства Приморского края, Приморского территориального управления Федерального агентства по рыболовству, ряда других федеральных структур. Предметом обсуждения стало решение Приморского территориального управления Федерального агентства по рыболовству об установлении на 2013–2014 гг. квоты рыбы, добыча которой ограничена законодательством Российской Федерации, на удовлетворение личных нужд в размере 3,5 кг на человека в год (по сравнению с 50 кг, выделяемыми в предыдущие годы). Руководитель аппарата Уполномоченного обратил внимание представителей государственных органов, что своими действиями они нарушают права КМН, гарантированные Конституцией Российской Федерации, и предложил решить вопрос по удовлетворению потребности КМН на вылов рыбы в полном объеме (п. 11) [10].

Ситуация с выделением размера квот, достаточного для удовлетворения личных нужд, так и не изменилась, поскольку и в 2014 г. (п. 2.12) [10], и в 2015 г. (п. 2.6) [11] Уполномоченный указывал на факт выделения коренным малочисленным народам квот на вылов тихоокеанского лосося по остаточному принципу, после предоставления водных биологических ресурсов в пользование для осуществления рыболовства в целях аквакультуры (рыбоводства), в научно-исследовательских и контрольных целях, для организации любительского и спортивного рыболовства. Фактически, в зависимости от количества заявок, на одного представителя КМН в год приходится от 1,8 кг (Ольгинский район) до 12,8 кг (Тернейский район) симы или горбуши, квота по кете вообще не выделяется. Данное количество предлагается для личного потребления, а для хозяйственной деятельности общины Управлением Росрыболовства Приморского края лососевые породы не выделяются [11. С. 45–46], чем нарушаются права КМН на осуществление традиционного рыболовства и традиционный образ жизни.

Отсутствие в Приморском крае программы по развитию коренных малочисленных народов в соответствии с федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации до 2015 года» отрицательно сказывается на обеспечении и соблюдении прав КМН Приморского края, в том числе в части финансирования социально-экономических мероприятий. Лишь в конце 2015 г. был принят Закон Приморского края «О коренных малочисленных народах Российской Федерации, проживающих в Приморском крае» [16], устанавливающий следующие полномочия администрации Приморского края в сфере защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Приморского края (ст. 5): 1) утверждение государственных программ Приморского края, предусматривающих мероприятия по социально-экономическому и культурному развитию коренных малочисленных народов Приморского края, а также использованию и охране земель традиционного при-

родопользования коренных малочисленных народов Приморского края и других природных ресурсов; 2) ограничение в пределах своих полномочий хозяйственной деятельности организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов; 3) принятие решений об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Приморского края регионального значения на основании обращений лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Приморского края, и общин коренных малочисленных народов Приморского края или их уполномоченных представителей; 4) утверждение границ территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Приморского края регионального значения; 5) информирование населения об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Приморского края регионального значения; 6) утверждение положения о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Приморского края регионального значения с участием лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Приморского края, и общин коренных малочисленных народов Приморского края или их уполномоченных представителей; 7) определение органа исполнительной власти Приморского края, уполномоченного на взаимодействие с общинами, общественными организациями коренных малочисленных народов Приморского края, их объединениями (союзами, ассоциациями); 8) осуществление иных полномочий в соответствии с действующим законодательством.

Государственная поддержка КМН Приморского края, общин, общественных организаций КМН Приморского края, их объединений (союзов, ассоциаций) осуществляется в виде финансовой, имущественной, информационной и иных мер государственной поддержки в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации и Приморского края (ст. 6). Однако указанные положения краевого закона не содержат конкретных мер, которые должны осуществляться для обеспечения прав КМН, а соответствующая программа социально-экономического развития не разработана.

Анализ ежегодных докладов Уполномоченного и практики его работы, публикуемых на официальном сайте [22], позволяет сделать следующие выводы относительно деятельности по обеспечению прав коренных малочисленных народов.

Представители КМН недостаточно активно обращаются за защитой своих прав и интересов к Уполномоченному (всего 10 заявлений за все время существования данного института в Приморском крае). Этот факт можно объяснить как недостаточной информированностью КМН, так и низкой эффективностью работы аппарата Уполномоченного, поскольку основное жизненно важное право на осуществление традиционного рыболовства и традиционный образ жизни до сих пор нарушается со стороны местных органов власти вопреки решениям судов. Обеспечение социально-экономических прав не осуществляется по причине отсутствия финансирования: в крае до сих пор не разработана и не утверждена соответствующая программа,

позволяющая Приморскому краю принять участие в соответствующей федеральной программе. На наш взгляд, Уполномоченному необходимо занять более активную позицию при взаимодействии с местными органами власти путем реализации своих полномочий, предусмотренных пп. 5 и 6 ст. 12 [19].

Хотя существующие национальные механизмы обеспечения прав КМН несовершенны, не согласованы с действующими международными стандартами, тем не менее, именно на Уполномоченном по правам человека в субъекте федерации лежит основная ответственность за надлежащее обеспечение прав коренных малочисленных народов. Именно он обладает всеми необходимыми полномочиями для привлечения внимания местных властей к проблеме и способен координировать работу регионального правового механизма обеспечения прав коренных малочисленных народов.

1. Бельды, О.А. Проблемы подготовки квалифицированных кадров коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края / О.А. Бельды // Проблемы высшего образования. – 2012. – № 1. – С. 14–15.
2. Галкин, Д.В. Особенности криминологической обстановки в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (на примере Хабаровского края) / Д.В. Галкин, Т.В. Киселева // Научный портал МВД России. – 2012. – № 3 (19). – С. 35–40.
3. Гарипов, Р.Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод / Р.Ш. Гарипов // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 67–73.
4. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/Res/56/6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/475/44/PDF/N0147544.pdf?OpenElement> (дата обращения 12.11.2016).
5. Горохова, С.Н. Социально-экономические проблемы коренных малочисленных народов Севера Сахалина / С.Н. Горохова // Тр. Братского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. – 2013. – Т. 1. – С. 104–110.
6. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (дата обращения 12.11.2016).
7. Джантаев, Х.М. Юридический статус коренных малочисленных народов Сахалина в национальном и международном праве / Х.М. Джантаев // Аспирант и соискатель. – 2013. – № 5 (77). – С. 83–86.
8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Приморском крае в 2010 году // Уполномоченный по правам человека в Приморском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru/articles.php?id=1054> (дата обращения – 12.11.2016).
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Приморском крае в 2012 году // Уполномоченный по правам человека в Приморском крае: официаль-

- ный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru/articles.php?id=1552> (дата обращения 12.11.2016).
10. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Приморском крае в 2013 году // Уполномоченный по правам человека в Приморском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru/articles.php?id=1733> (дата обращения 12.11.2016).
 11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Приморском крае в 2015 году // Уполномоченный по правам человека в Приморском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru/articles.php?id=2016> (дата обращения 12.11.2016).
 12. Зубарев, В.А. Современное состояние и причины низкой эффективности механизма управления природопользованием коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Хабаровском крае / В.А. Зубарев // Современные проблемы развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: сб. науч. тр.: в 2 кн. / под ред. М.М. Третьякова, М.В. Ивашкина, А.Н. Короля, 2013. – С. 11–14.
 13. Зубарев, В.А. Роль национальных общин в традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Хабаровского края / В.А. Зубарев, А.И. Глухов // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 53–56.
 14. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]: принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии // Организация Объединенных Наций: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ioll169.shtml (дата обращения 12.11.2016).
 15. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон от 20.07.2000 №104-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения 12.11.2016).
 16. О коренных малочисленных народах Российской Федерации, проживающих в Приморском крае: закон Приморского края от 22.12.2015 №742-КЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/432818249> (дата обращения 18.10.2016).
 17. О территориях традиционного природопользования малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2001 №49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СПС Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12122856/> (дата обращения 12.11.2016).
 18. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 06.10.1999 №184-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/b1cc098e15155d751f3285900db4355243990e08/ (дата обращения 12.11.2016).
 19. Об Уполномоченном по правам человека в Приморском крае: закон Приморского края от 11.12.1997 №110-КЗ (ред. от 06.10.2015 №677-КЗ) // Уполномоченный по правам

- человека в Приморском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru/articles.php?id=32> (дата обращения 12.11.2016).
20. Пирогова, О.А. Продовольственная безопасность питания девочек-подростков коренных малочисленных народов Севера (нанайцы, ульчи, орочи, нивхи, эвены) сельских и городских районов Хабаровского края / О.А. Пирогова // Молодой ученый. – 2015. – № 19-1. – С. 133–135.
 21. Плющенко, В.Н. Демографическое здоровье коренных малочисленных народов Хабаровского края в зеркале демографических процессов в Хабаровском крае // В.Н. Плющенко // Здоровоохранение Дальнего Востока. – 2012. – № 1 (51). – С. 17–22.
 22. Уполномоченный по правам человека в Приморском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombu.primorsky.ru> (дата обращения 12.11.2016).
 23. Шабельникова, В.Г. О реализации государственной политики в сфере сохранения языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае / В.Г. Шабельникова // История и культура Приамурья. – 2014. – № 2 (16). – С. 92–98.

© Э.В. Горян, 2016

Для цитирования: Горян Э.В. Роль Уполномоченного по правам человека в субъекте федерации в региональном правовом механизме обеспечения прав коренных народов (опыт Приморского края) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 129–139.

For citation: Goryan E.V. Role of ombudsman in subject of federation in regional legal mechanism for ensuring the rights of indigenous people (Primorsky Region's experience) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 129–139.

Дата поступления: 11.11.2016.

А.В. Верещагина¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

А.С. Петренко²

ООО «Производственный жилищный трест». Белогорск. Россия

Судебная лингвистическая экспертиза и некоторые вопросы доказывания по делам о речевых правонарушениях

Честь, достоинство и деловая репутация – наиболее важные нематериальные блага физических и юридических лиц. Значимость их охраны, а также способы защиты закреплены не только в национальном законодательстве, но и в международных актах. В статье анализируется судебная практика использования в процессе доказывания по рассматриваемым категориям дел судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова и словосочетания: клевета, оскорбление, честь, достоинство, деловая репутация, доказательства, лингвистическая экспертиза, правоприменительная практика, ДВФО.

A.V. Vereschagina

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

A.S. Petrenko

LLC «Proizvodstvenniy Jilishniy Trest»
Belogorsk. Russia

Judicial linguistic examination in cases of slander, insult, protection of honor, advantage and business reputation

The honor, dignity and business reputation are one of the most important intangible benefits of any person. The article analyzes the judicial practice: list of participants; sequence in the grounds of lawsuits; a list of the evidence; reasoning of the court; and compiled statistics of their decisions.

Keywords: libel, insult, honor, dignity, business reputation, evidence, linguistic expertise, the practice of the court, Russian Far East Federal District.

¹ Верещагина Алла Васильевна – канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института права; e-mail: alla.vereschagina@vvsu.ru.

² Петренко Анастасия Сергеевна – юристконсульт, бакалавр по направлению «Юриспруденция»; e-mail: Rette_Mich1995@mail.ru.

Эмпирической основой исследования являются решения судов ДВФО за период с 01.01.2011 по 31.12.2015 по делам о клевете – 40 решений (ст. 128.1 УК РФ) [28], оскорблении – 132 решения (ст. 5.61 КоАП РФ) [15], о защите чести, достоинства и деловой репутации – 161 решение (ст. 152 ГК РФ) [6].

В законодательных актах Российской Федерации не даётся легального содержания этих понятий. Большинство учёных склоняются к тому, что честь – это общественная оценка личности [1. С. 11; 8. С. 92; 9. С. 101]; достоинство – самооценка человеком своих собственных качеств [25. С. 9; 1. С. 13; 20. С. 74]; репутация – мнение общества о достоинствах или недостатках человека; деловая репутация – одно из нематериальных благ, представляющее собой оценку профессиональных качеств конкретного лица [27. С. 84].

Как следует из изложенного, честь, достоинство и репутация явления связаны, касаются самооценки и общественной оценки субъекта. В силу отмеченной нематериальности рассматриваемых феноменов самое сложное в доказывании есть установление факта действительного попрания чести, достоинства и деловой репутации в результате клеветы и оскорбления, что проявляется в индивидуальном отношении человека к этому негативу [3. С. 54]. Сложность доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации была очевидна ещё дореволюционным исследователям [4. С. 150–152].

Для формирования внутреннего убеждения судьи, позволяющего принять законное, обоснованное и справедливое решение, недостаточно только показаний сторон, которые, будучи вовлечены в конфликт, не всегда объективно оценивают ситуацию. Преодолению субъективного восприятия могут способствовать специальные исследования, в том числе лингвистические [2; 10]. «К компетенции лингвистической экспертизы относятся интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация» [5. С. 17].

Приведённые ниже результаты анализа судебной практики по делам о клевете, оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации, иногда называемые в литературе «речевыми», в силу того что основным способом их совершения является письменная и/или устная речь, свидетельствуют о недооценке практиками использования этого вида доказательства.

1. Дела о клевете. Под клеветой в уголовно-правовом смысле понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 128.1 УК РФ) [28].

Субъектом преступления могут быть только физические лица. Это преступление носит «женский» характер. Более 50% частных обвинителей и обвиняемых составляют женщины (рис. 1), что объяснимо их большей чувствительностью и эмоциональной лабильностью. Так, по данным некоторых исследователей, вследствие низкого уровня эмоциональной устойчивости и подверженности фокусировки даже на незначительных и необоснованных негативных эмоциях женщинам свойственны злопамятность и коварная изобретательность в способах мести [12. С. 402]. Поэтому они чаще распространяют ложные, порочащие сведения

не в устной форме (32%), с возможностью разрешения проблемы без помощи государственных органов, а путём подачи заявлений в прокуратуру (68%).

Рис. 1. Гендерная характеристика

При разрешении дел о клевете лицо может быть признано виновным только при подтверждении *намеренного* распространения ложных сведений, что, по нашему мнению, доказывается не столько субъективными показаниями сторон, сколько представлением в суд доказательств, подтверждающих отсутствие распространённого факта, и проведением специальных исследований. Однако доминируют по этой категории дел именно объяснения сторон (потерпевшего (частного обвинителя) и обвиняемого) (44%) и свидетелей (44%). Такой подход затрудняет установление обоснованности уголовного преследования из-за отмеченных выше многозначности и легальной неопределённости понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация». О трудностях доказывания свидетельствуют результаты рассмотрения дел о клевете судами (рис. 2): в 70% случаев вынесены решения по реабилитирующим основаниям, т.е., по мнению суда, оснований для уголовного преследования не было.

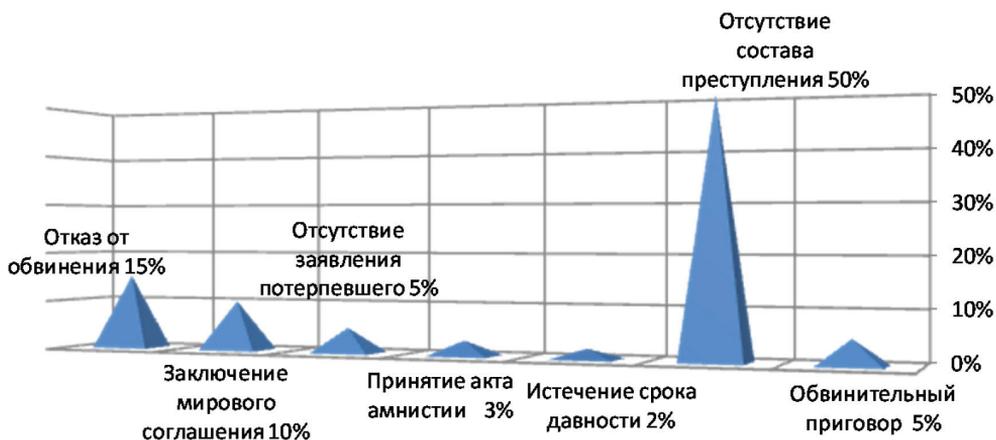

Рис. 2. Результаты рассмотрения дел о клевете

И дело здесь не только в отсутствии состава преступления. Данная ситуация следствие нескольких взаимосвязанных причин, основная из которых – сложность установления юридической мнимости/немнимости конфликта из-за склонности/несклонности сторон к импульсивности и обидчивости [12. С. 402]. Обычно, будучи

знакомы, участники конфликта имеют длительную досудебную историю взаимоотношений и продолжают общаться после обращения за судебной защитой, что может не только способствовать мирному разрешению конфликта (10% случаев), но и, напротив, его углублению из-за накопления взаимных обид и претензий.

Отделить зерно от плевел позволяет производство судебной лингвистической экспертизы. Эксперты-лингвисты, как указывалось выше, могут дать толкование значений слов, словосочетаний, фразеологических выражений, а также положений текста документа с целью установления вариантов их понимания в современной речи. В процессе проведения исследования эксперт устанавливает форму высказываний, в которых содержатся/не содержатся клеветнические сведения, их характер, способы сопоставления содержащихся в высказываниях утверждений с конкретным гражданином-потерпевшим и т.д.

Тем не менее, возможности судебных лингвистических исследований судами при рассмотрении дел о клевете не используются. Во-первых, из-за ложно понимаемой судами процессуальной роли в делах частного обвинения, по которым бремя доказывания возлагается на стороны. Суды при этом забывают о возложенной на них, никем не отменённой обязанности выносить законные, обоснованные и справедливые решения. Во-вторых, из-за недоступности качественной правовой помощи (в материальном смысле и в смысле недостатка высокопрофессиональных и ответственных юристов). В-третьих, недостаточная юридическая осведомленность сторон минимизирует возможности устранения «огрехов» профессиональных юристов, выступающих в роли защитников и представителей. В-четвертых, дороговизна экспертных исследований делает их недоступными для большей части «тяжущихся», которые, даже зная о таком приёме доказывания, не могут прибегнуть к нему в силу материальных причин. Суды также не склонны инициировать назначение судебных экспертиз как по причине отмеченного выше заблуждения по поводу своей процессуальной роли по делам частного обвинения, так и вследствие ограничений финансового характера. В таких условиях суды де-факто подменяют собой экспертов.

2. Дела об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ). Оскорбление чести, достоинства и репутации защищаются в порядке административного судопроизводства. Под оскорблением в административно-правовом смысле понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. В литературе даны признаки оскорбления, сущность которых сводится к публичному адресному умышленному использованию табуированной лексики с целью понижения социального статуса адресата [30. С. 175].

Состав административного правонарушения является окончанным в момент завершения действий, направленных на унижение чести и достоинства лица [30. С. 175].

В отличие от дел о клевете, где, как указывалось выше, более 50% потерпевших и обвиняемых женщины, по делам об оскорблении 77% потерпевших составляют женщины и 65% правонарушителей – мужчины (рис. 3).

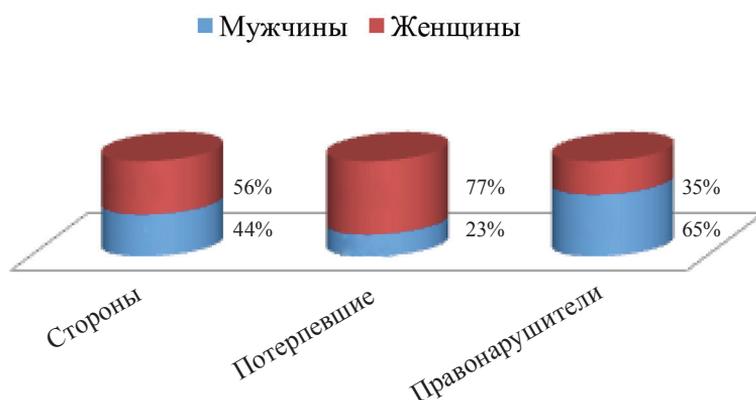

Рис. 3. Гендерная характеристика

Такая гендерная характеристика коренится в психологических особенностях мужчин и женщин: мужчины более агрессивны, чем женщины. Женщины конфликтны, подозрительны, обидчивы и вспыльчивы. Они более склонны к проявлению скрытых форм враждебности, выраженных в пренебрежительном обращении, игнорировании или обесценивании социального статуса субъекта агрессии [11. С. 227]. Иллюстрацией эмоциональной лабильности женщин является позиция потерпевшей по делу в отношении ФИО 1, заявившей в судебном заседании, что она подала жалобу под влиянием эмоций и после извинений обвиняемого просила суд не назначать ему наказание. Учитывая пояснения потерпевшей, суд прекратил производство об административном правонарушении в связи с малозначительностью (ч. 1 ст. 2.9 КоАП РФ) [15; 19].

Снижение уровня речевой культуры, проявляющееся в вульгаризации речи, активном использовании жаргона представителей различных субкультур, ослаблении строгости коммуникативных норм, сдерживающих вербальную агрессию, и т.п. привело к повсеместному употреблению нецензурной брани [31. С. 6].

В результате, для одних ненормативная лексика – речевая норма, не имеющая оскорбительной подоплёки; для других её применение – личная обида. В такой ситуации специальные исследования, безусловно, крайне необходимы для верной оценки фактических обстоятельств дела и принятия законного и обоснованного решения.

В административном судопроизводстве по делам об оскорблении используемая система доказательств более разнообразна, чем по делам о клевете (рис. 4). В частности, встречаются случаи привлечения к участию в деле специалистов в области филологии (обычно учитель русского языка и литературы), которые допрашиваются в судебном заседании в качестве свидетелей (см., например, дело Ю.И. Небоженко) [18]. Только в одном из изученных решений дана ссылка на заключение лингвистической экспертизы, проведённой специализированным экспертным центром (дело И.Н. Казаева) [17].

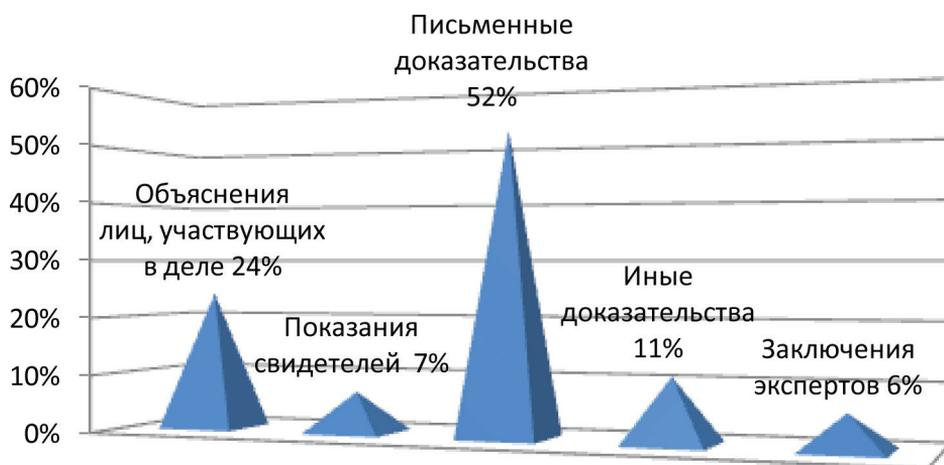

Рис. 4. Система доказательств по делам об оскорблении

Минимизация использования экспертных исследований приводит к тому, что суждение об оскорбительности/не оскорбительности высказывания, имеющегося в решениях судов, фактически отражение установок судьи. Этот вывод подтверждается рассуждениями помощника мирового судьи О.А. Семёновой, по мнению которой суд имеет право самостоятельно решать, была ли форма выражения неприличной, «...исходя из общепринятых представлений об этике и *своих собственных* (курсив мой – А.В.). ... судья, рассматривающий дело, абсолютно законно вкладывает *личный подход* (курсив мой – А.В.)». Автор приведённой цитаты считает, что возможно не проводить лингвистическую экспертизу в административном деле, если «...неприличность формы очевидна – нецензурная речь...» [26], с чем можно согласиться, если рассматривать обценную лексику через призму общеизвестности недопустимости её использования и потому отсутствия необходимости в доказывании этого факта (ч. 1 ст. 64 КАС РФ) [14].

Однако неприличная форма высказывания не всегда очевидна и выражена в нецензурной брани. Порой она завуалирована в цензурных высказываниях, содержащих оскорбительный подтекст, который способен выявить только эксперт. Как справедливо отмечает Ю.В. Казарин, «... человека можно унижить..., употребляя лексику вполне нормативную, общеупотребительную, даже книжную» [13. С. 50–54; 16. С. 142–145].

По административным делам об оскорблении, в отличие от уголовных дел о клевете, доминирует обвинительная практика. В 90% решений лицо признаётся виновным в совершении правонарушения.

Возможно, при рассмотрении дел о клевете имеет место судейская осмотрительность, обусловленная пониманием серьёзных последствий признания лица виновным в совершении пусть преступления небольшой тяжести, но всё-таки преступления. Привлечение к административной ответственности, хотя и влечёт негативные последствия, но не такие существенные, как при осуждении лица.

Влияет также большая очевидность (иногда кажущаяся) противоправности действий правонарушителя, поскольку объективная сторона правонарушения обычно состоит в произнесении матерных слов и выражений в отношении потерпевшего. Допускаем и то, что судьи могут рассматривать административную ответственность как назидание и превенцию для наказанного лица.

3. Защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). Наряду с уголовным и административным, честь, достоинство и деловая репутация защищаются в гражданском процессуальном порядке. В зависимости от формы (письменная или устная) умаления чести, достоинства и деловой репутации в системе доказательств доминируют либо письменные доказательства, либо свидетельские показания. В среднем распределение доказательств по их видам в изученных решениях представлено ниже (рис. 5) и сопоставимо с системой доказательств по делам об оскорблении (ср. данные рис. 4 и 5).

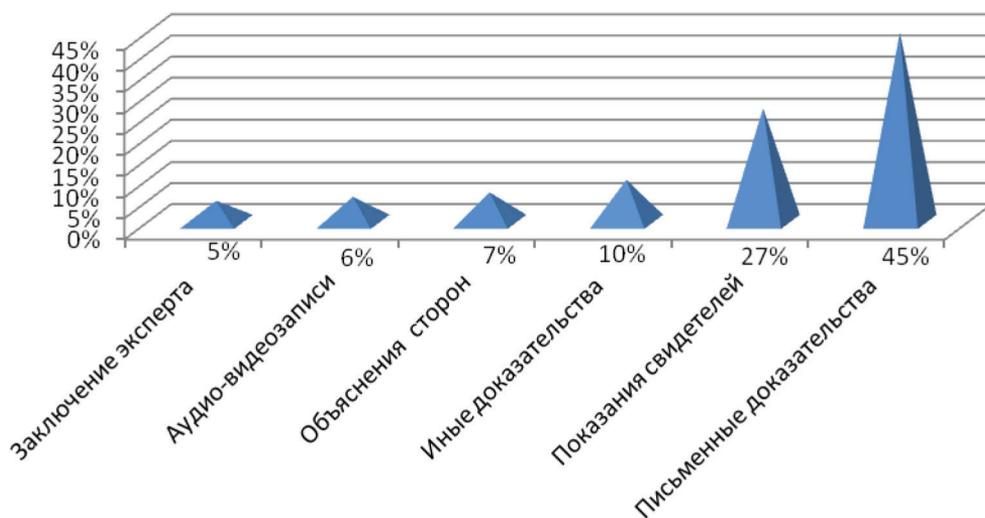

Рис. 5. Система доказательств по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ)

Заключения экспертов составляют незначительный удельный вес (5%), из них более половины (62,5%) стороны предоставили до начала судебного разбирательства по делу.

Достаточно распространённой по делам этой категории является практика анализа спорных текстов судом (26 % решений), чем фактически подменяется проведение специальных исследований. Так, в решении об отказе в удовлетворении иска А.С. Семёнова суд «ничтоже сумняшеся» определил жанр оспариваемого текста и его особенности и пришёл к выводу, что в интервью содержится только информация, исходящая от интервьюируемого, и отсутствуют оценочные суждения, мнения, комментарии и выводы журналиста [23]. Подобные рассуждения приводятся в решении по делу А.Н. Шелтыгановой. По мнению суда, действующим законодательством не воспрещается излагать собственное видение ситуации, давать ей субъективную оценку, а это не может быть предметом судебной

защиты [24]. В решении по иску ФИО 1 к Автономной некоммерческой организации «Издательский дом» суд, исходя из своего разумения, ограничился суждением о субъективно-оценочном характере спорных высказываний [22].

Конечно, судьи принимают решения, руководствуясь внутренним убеждением, но его основу всё-таки должны составлять исследованные в судебном заседании с участием сторон доказательства, а не умозаключения судей, единственной опорой которых являются их собственные лингвистические представления и познания.

Результаты рассмотрения исков о защите чести, достоинства и деловой репутации негативны для истцов. По нашим данным, отказано в удовлетворении исковых требований по 88% дел. Наиболее распространёнными доводами судов при принятии решений (81%) являются два взаимосвязанных аргумента (в различных формулировках): отсутствие оснований исковых требований и их недоказанность (рис 6).

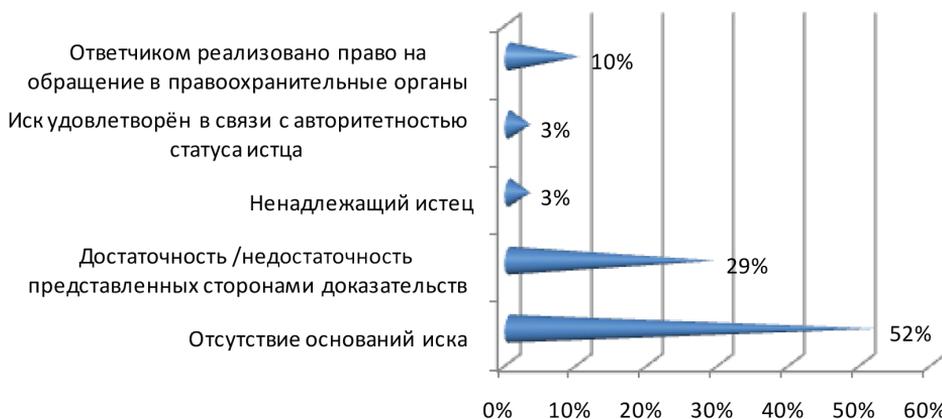

Рис. 6. Мотивировка судами решений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

Следует отметить, что мнения судов по поводу отсутствия оснований исковых требований выражены иногда весьма своеобразно и небесспорно. Например, в 3% изученных решений отказ мотивируется тем, что истец не доказал обстоятельств, *рекомендованных к установлению постановлением* Пленума Верховного Суда РФ, как известно, не являющегося источником права (см., например, решение по иску А.В. Каменева) [21].

Основные причины превалирования отказов в удовлетворении исковых требований связаны и коренятся, во-первых, как и в случае с клеветой, в сложности установления того факта, что затрагивающие честь, достоинство и деловую репутацию распространённые сведения не соответствуют действительности. Во-вторых, в неверной оценке истцами судебной перспективы рассмотрения исковых требований. В-третьих, в пассивности сторон при предоставлении доказательств. В-четвёртых, в отмеченной выше минимизации использования специальных исследований, необходимых для профессионального анализа текста или устного выступления с целью установления соответствия/несоответствия распространяемых сведений действительности и их порочности/непорочности.

Таким образом, обобщение судебной практики судов субъектов ДВФО по делам о клевете, оскорблении и защите чести, достоинства и деловой репутации позволяет прийти к выводу о том, что практики недооценивают значение специальных исследований при установлении процессуально значимых обстоятельств. Назначение судебных лингвистических экспертиз, по нашему мнению, способствовало бы более объективному отправлению правосудия по речевым правонарушениям.

1. Анисимов, А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: учеб. пособие / А.Л. Анисимов. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2011. – 224 с.
2. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
3. Верещагина, А.В. Определение размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование / А.В. Верещагина // Журнал российского права. – 2015. – № 11 (227). – С. 151–159.
4. Верещагина, А.В. Уголовная юстиция межреволюционного периода (февраль – октябрь 1917 года): монография / А.В. Верещагина. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 176 с.
5. Галяшина, Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции / Е.И. Галяшина // Законы России. Опыт, анализ, практика. – 2015. – № 10. – С. 17–21.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
8. Абрамова, Е.Н. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012. – 1008 с.
9. Егоров, Н.Д. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, А.А. Иванов и др.; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 6-е изд, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 784 с.
10. Желтухина, М.Р. Основы лингвистической судебной экспертизы: учеб. пособие / М.Р. Желтухина. – Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008. – 64 с.
11. Ильин, Е.П. Пол и гендер / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с. – Серия «Мастера психологии»
12. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с. – Серия «Мастера психологии».
13. Казарин, Ю.В. Лингвистическая экспертиза / Ю.В. Казарин // Российское право: образование, практика, наука. – 2004. – № 03–04(3). – С. 50–54.

14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
16. Пачина, А.Н. Лексический аспект понятия «оскорбление»: к вопросу о средствах языкового выражения оскорбления / А.Н. Пачина // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. И.В. Пекарская; отв. ред. В.П. Антонов. – Абакан. Изд-во ФГБОУ «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. – 2015. – С. 142–145.
17. Постановление мирового судьи судебного участка № 22 Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) от 19.06. 2015 по делу № 5–89 / 2015 об административном правонарушении И.Н. Казаева, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/magistrate/doc/DnIN06596vYC/>
18. Постановление мирового судьи судебного участка № 5 г. Магадана от 18.12. 2013 по делу № 5-758 /5–2013 об административном правонарушении Ю.И. Небоженко, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/magistrate/doc/YpgtB7ej071x/>
19. Постановление мирового судьи судебного участка № 8 г. Петропавловск-Камчатский от 05.11.2015 по делу № 5-8249/2015 об административном правонарушении ФИО 1, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/magistrate/doc/SzcvbEggpJ5X/>
20. Придворов, Н.А. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России: учеб. пособие / Н.А. Придворов, Е.В. Тихонова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 124 с.
21. Решение Белогорского городского суда Амурской области по делу № 2 – 1492 / 2015 от 21.10. 2015 по иску А.В. Каменева к ООО «Город – ТВ», ООО «Телекомпания видеосервис», А.В. Нурадилову [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-belogorskij-gorodskoj-sud-amurskaya-oblast-s/act-501387229/>
22. Решение Зейского районного суда Амурской области по делу № 2-1369/2014 от 11.07. 2014 по иску ФИО 1 к ООО «Издательский дом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/ecdKw4uvrHYK/?regular-txt=®ular-case_doc=2-1369%2F2014®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-d
23. Решение Тындинского районного суда Амурской области по делу № 2-1428/2015 от 07.07. 2015 по иску А.С. Семёнова к СУ СК России по Амурской области и редакции и учредителям газеты «БАМ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-tyndinskij-rajonnyj-sud-amurskaya-oblast-s/act-497419846/>
24. Решение Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области по делу № 2-1735/2015 от 30.07.2015 июля 2015 г. по иску А.Н. Шелтыгановой к В.М. Гордеевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-birobidzhanskij-rajonnyj-sud-evrejskoj-avtonomnoj-oblasti-evrejskaya-avtonomnaya-oblast-s/act-494720002/>

25. Савчук, Е.Л. Честь и достоинство личности как объекты уголовно-процессуальных отношений / Е.Л. Савчук // Российский следователь. – 2008. – № 17. – С. 8–9.
26. Семенова, О.А. Обобщение практики рассмотрения административных дел по ст. 5.61, 17.7 КоАП РФ за период 2013 год и первый квартал 2014 года / О.А. Семёнова [Электронный ресурс] // Судебный участок №7 мирового судьи Дзержинского района г. Оренбурга. – Режим доступа: <http://dz7.kodms.ru/press/obobshenie-praktiki-rassmotreniya-administrativnyh/>
27. Сухарев, А.Я. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 2003. – 428 с.
28. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
29. Чуманов, А.В. Оценка морального вреда экспертным путём / А.В. Чуманов, А.Н. Цветков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – №3. – С. 47–58.
30. Шабанов, М.М. Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / М.М. Шабанов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2010. – Вып. 2. – С.175–179.
31. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.

© А.В. Верещагина, 2016

© А.С. Петренко, 2016

Для цитирования: Верещагина А.В., Петренко А.С. Судебная лингвистическая экспертиза и некоторые вопросы доказывания по делам о речевых правонарушениях // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 140–150.

For citation: Vereschagina A.V., Petrenko A.S. Judicial linguistic examination in cases of slander, in-sult, protection of honor, advantage and business reputation // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 140–150.

Дата поступления: 31.10.2016.

С.А. Лаптев¹
Ю.Д. Перижогина²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Деятельность судебных приставов по борьбе с неплательщиками алиментов

Рассматриваются проблемы деятельности судебных приставов по борьбе с неплательщиками алиментов. Исследовано состояние деятельности судебных приставов на современном этапе. С целью повышения эффективности деятельности судебных приставов анализируется такое направление совершенствования законодательства, как внесение дополнений в КоАП РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве» и ФЗ «О судебных приставах», также дается оценка современным способам борьбы с неплательщиками.

Ключевые слова и словосочетания: исполнительное производство, судебный пристав, алименты, эффективность правосудия.

S.A. Laptev
Yu.D. Perizhogina

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Activities of the bailiffs to combat child support evaders

This lecture deals with the problems of activities of bailiffs to combat non-payers of maintenance. Abstract state activities of bailiffs at the present stage. Analyzes some ways of improving the legislation in order to improve the efficiency of bailiffs, as well as an assessment of advanced methods to combat non-payers.

Keywords: executor process, officer of the court, alimony, efficiency of justice.

Одно из приоритетных мест в политике Российской Федерации занимает развитие социальной сферы жизни общества. Это развитие невозможно без обеспечения достойного уровня жизни каждого человека. Данное утверждение закреплено в Конституции РФ, в частности, в ст. 7 говорится о том, что Российская Федерация, являясь социальным государством, направляет свою социальную политику на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2]. Это также выражается и в защите семьи, в содействии поддержания

¹ Лаптев Сергей Артемьевич – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры публичного права Института права; e-mail: s.laptev1954@mail.ru.

² Перижогина Юлиана Дмитриевна – студент 4 курса Института права; e-mail: perizhogina@gmail.com.

отцовства, материнства и детства, в принятии участия по вопросам регулирования правоотношений между членами семьи.

Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ основным правом и обязанностью родителей является забота о детях, их воспитании. Если родители не исполняют надлежащим образом свои обязанности по содержанию своих детей, в частности, не предоставляют денежные средства, то последние (алименты) могут быть взысканы с родителей в судебном порядке.

Законодателем не закреплено понятие «алименты», но в Семейном кодексе данный термин применим к таким категориям, как «помощь», «твердая денежная сумма», «средства на содержание». Представляется, что более точным является определение алиментов как «средства на содержание» в силу прямо указанного в законе (п. 2 ст. 80 СК РФ).

Итак, под алиментами понимаются денежные средства, которые предоставляются членом семьи на содержание другого или других ее членов на основании семейного законодательства и имеют целью удовлетворение основных ежедневных потребностей в питании, одежде, жилище и социальных аспектах жизни. Стоит отметить, что в Семейном кодексе РФ определяется, что содержание может быть выражено и в натуральной форме, например, в виде предоставления имущества. Также в СК РФ закреплен круг лиц, которые имеют право на алименты; лиц, обязанных их уплачивать; размер и сроки выплаты алиментов, порядок их индексации и другие отношения, связанные с установлением и исполнением алиментных обязательств [11].

Алиментное обязательство – это отношение, возникающее между членами семьи по поводу предоставления материального содержания в форме алиментных платежей [7].

Характерной чертой алиментных обязательств является их добровольность. Однако это не означает, что так происходит всегда. Поэтому законодатель предусмотрел два варианта установления обязательств:

1. В случае неисполнения своей обязанности по уплате алиментов членами семьи или бывшими членами семьи нуждающееся лицо вправе требовать предоставления материального обеспечения в принудительном порядке.

2. Члены семьи или бывшие члены семьи вправе добровольно заключить соглашение об уплате алиментов, которое далее будет рассмотрено подробно.

Алиментное правоотношение предполагает наличие прав и обязанностей у каждого субъекта: у плательщика алиментов – обязанности по их уплате, а у получателя – права на их получение. В определенных случаях предусмотрена уголовная ответственность. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей, предусмотренное ст. 157 УК РФ, – самое распространенное преступление в рамках семейных отношений [12].

Его доля в группе преступлений против семьи и несовершеннолетних по всей России составляет 68%. В то же время есть все основания полагать, что статистические данные не соответствуют действительности. В связи с тем, что в отношении

ряда лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов на содержание детей или родителей, уголовный закон бессилён, в этой сфере выявляется его бездейственность.

Расследования по делам, предусмотренным ч. 1 ст. 157 УК РФ, проводятся судебными приставами в форме дознания, а прокуратура РФ осуществляет надзорную функцию за расследованием в рамках действующего законодательства.

Не всякое злостное уклонение от уплаты алиментов может быть признано уголовным преступлением. Особое внимание стоит обратить на то, что в ст. 157 УК РФ предусмотрен специальный субъект, к которому относятся: родители, злостно уклоняющиеся от уплаты по решению суда денежных средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста; трудоспособные совершеннолетние дети, злостно уклоняющиеся от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей. Субъектом преступления являются как родные дети, так и юридически приравненные к ним усыновленные (удочеренные) дети. Иных лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, нельзя привлечь к уголовной ответственности.

Преступление относится к категории длящихся и подразумевает наличие промежутка времени, в течение которого лицо уклонялось от уплаты алиментов.

Согласно письму Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.06.2010 № 69-33-2010 «преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК РФ, начинается не с момента прекращения алиментных выплат вообще, а с момента, когда уклонение от уплаты алиментов будет признано злостным. Началом уклонения от уплаты средств на содержание детей следует считать день, следующий за днем внесения последнего платежа лицом, обязанным их уплачивать по решению суда (в ситуации, когда лицо первоначально платило алименты), либо с момента вступления в законную силу решения суда, обязывающего платить указанные средства, если и после этого лицо продолжало уклоняться от их уплаты. Уклонение до определенного момента не является преступным. Таковым оно станет в случае признания его злостным при наличии иных признаков состава преступления. При этом, формулируя обвинение, необходимо указывать весь период уклонения от уплаты алиментов, поскольку срок неуплаты является одним из признаков злостности уклонения.

Длящиеся преступления прекращаются вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, пресечение преступления правоохранительными органами)» [14].

Чтобы привлечь лицо к ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ, необходимо решение суда с указанием на возложение обязанности по уплате алиментов обвиняемым лицом, а также наличие злостности при уклонении от этой обязанности. Понятие «злостности» официально не закреплено, является оценочным, поэтому часто возникают трудности при рассмотрении дел в рамках данного правонарушения. Как на практике, так и в юридической литературе оно трактуется неоднозначно,

что вызывает трудности при расследовании преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ.

Так, ряд авторов считают, что под злостным уклонением от уплаты алиментов необходимо подразумевать «неоднократный отказ от такой уплаты, несмотря на сделанное предупреждение; длительное сокрытие лицом своего действительного заработка с целью уклонения от уплаты алиментов; неоднократная смена места жительства или работы с той же целью; изменение фамилии, анкетных данных или других сведений о личности, чтобы избежать уплаты алиментов; иные действия, свидетельствующие об упорном отказе от выполнения судебного решения по уплате алиментов» [5].

Н.С. Карпухина полагает, что «злостность» должна устанавливаться в каждом конкретном случае на основании законодательства об исполнительном производстве [3].

Суды подчеркивают, что для понимания понятия «злостное уклонение» можно использовать ранее действовавшее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 марта 1969 г. № 46 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР», в котором указано, что под это понятие попадает «не только прямой отказ от уплаты присужденных судом алиментов на детей, но и сокрытие своего действительного заработка, смену места работы или места жительства с целью избежать удержаний по исполнительному листу, уклонение с той же целью от трудовой деятельности и иные действия, свидетельствующие об уклонении...» [9].

Если обратиться к исполнительному производству, то здесь под злостностью понимается регулярный отказ от исполнения обязанности по уплате алиментов, т.е. целенаправленное повторение указанных действий (бездействий) после предупреждения судебным приставом-исполнителем [4].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 марта 1969 г. № 46 «О судебной практике по делам, предусмотренным статьей 122 УК РСФСР» было рекомендовано принимать решения о том, имелось ли в данном случае уклонение от уплаты алиментов, исходя из каждого случая отдельно, принимая во внимание длительность неуплаты и иные обстоятельства. Несмотря на то, что данное постановление признано утратившим силу, его разъяснения являются актуальными и судам рекомендовано принимать их во внимание. В силу этого возникает необходимость в принятии нового постановления Пленума ВС РФ по данному поводу.

На наличие факта злостного уклонения также может влиять повторность совершения аналогичного преступления, уклонения от исполнения обязанности при наличии предупреждения и т.д. [8].

Если посмотреть на правоприменительную практику по ст. 157 УК РФ, мы получим нарабатанную органами дознания и прокуратуры процедуру проведения следственных действий, в ходе которых доказывается вина лица в совершении преступления, а именно: производятся допросы потерпевшей, свидетелей

(в т.ч. судебного пристава-исполнителя), осуществляются запросы в различные организации, включая центры занятости населения.

И здесь независимо от отсутствия или наличия денежных средств, какого-либо источника дохода или работы в действиях неплательщика алиментов усматриваются признаки состава преступления. Это обусловливается в том числе и тем, что, имея возможность трудоустроиться, будучи дееспособным, физически здоровым лицом, должник не предпринимает никаких действий, которые позволили бы ему найти работу и выполнять назначенные судом алиментные обязательства. Таким образом, решение суда не выполняется путем бездействия обязанного лица.

В своей работе «Проблемы расследования злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности» авторы предлагают решение данного вопроса помимо установления факта наличия либо отсутствия денежных средств у должника. Таким же признаком объективной стороны, свидетельствующим о преступности деяния, должна стать доказанность дознавателями ФССП наличия возможности лица трудоустроиться и выплачивать кредиторскую задолженность [6]. Данная позиция, по нашему мнению, заслуживает внимания.

Примером злостного уклонения от уплаты алиментов может служить приговор мирового судьи 3-го судебного участка Чулымского судебного района Новосибирской области по делу № 1-21/16 в отношении Ф. Согласно приговору, Ф., являясь матерью троих несовершеннолетних детей и зная о своих обязанностях, возложенных на нее судом, в длительный период (данные скрыты) решение суда умышленно не исполняла. Ф. не имела постоянного заработка, являясь трудоспособной, в указанном периоде постоянного места работы не имела, меры к трудоустройству не принимала с целью избежать удержания алиментов из заработка, неоднократно предупреждалась об уголовной ответственности. Предметов одежды, обуви, продуктов питания, иных материальных ценностей в счет уплаты алиментов для детей не покупала. Все полученные денежные средства тратила на личные нужды. Допустила задолженность по уплате алиментов на содержание детей в размере 754 759 рублей 36 коп. [10].

Необходимо учитывать также и такой аспект, при отсутствии должного регулирования данного вида правоотношений, позволив должнику не выполнять решение суда, это будет происходить практически в любом случае, если лицо не будет предпринимать активных действий по погашению задолженности. Судебный пристав-исполнитель, выполняя решение суда, осуществит необходимые исполнительные действия, но при отсутствии какого-либо имущества и денежных средств у должника выполнить решение суда практически невозможно.

При этом у лица, которому должны выплатить задолженность, возникает ощущение безнаказанности должника, несмотря на решение суда. Это может послужить толчком к осознанию несовершенства механизма правового регулирования. Поэтому сама жизнь вынуждает правоприменителей и законодателей искать новые способы борьбы с неплательщиками алиментов.

Учитывая тот факт, что в Российской Федерации граждане активно пользуются автомобильным транспортом, в ноябре 2015 года был принят Федеральный

закон от 28.11.2015 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому были внесены изменения в части временного ограничения на пользование должником специальным правом [15]. Данными мерами законодатель не ограничивается. Так, например, обсуждаются инициативы о возможности применения мер по ограничению граждан-должников в пользовании государственными услугами.

Если исходить из практики по ограничению выезда за пределы Российской Федерации, то в 2015 году ФССП России исполнены требования 114,7 тыс. исполнительных документов, что на 38% больше, чем в 2014 году. Общая взысканная сумма возросла с 12,1 млрд руб. до 15,9 млрд руб.

Исходя из данной статистики, можно прийти к выводу, что и ограничение права должника на управление транспортным средством может быть весьма эффективным способом взыскания алиментов.

Не менее важной проблемой является не закрепленный на законодательном уровне механизм установления и розыска источника реальных доходов должника алиментов, а также предоставления права судебному приставу-исполнителю составлять протокол об административном правонарушении в отношении работодателя, касаясь нарушения трудового законодательства в рамках трудоустройства лица без юридического оформления.

Так как судебный пристав-исполнитель в случае выявления данного нарушения работодателем должен направить уведомление в инспекцию труда для проверки данного факта, у нарушителя появляется промежуток времени, чтобы принять меры для уклонения от административной ответственности.

По мнению А.А. Васильева, необходимо расширить полномочия судебных приставов-исполнителей по проведению проверок бухгалтерской и иной документации работодателя, в целях установления места работы должника [1]. С этим нельзя не согласиться.

Некоторые подразделения ФССП также активно работают и в более «творческом» направлении по борьбе с неплательщиками алиментов, применяя различные креативные способы и методы. Так, в одном из отделов судебных приставов в Новгородской области судебные приставы-исполнители присылают должникам письменные уведомления в стихотворной форме:

«Когда увидишь в Интернете
Своих счастливейших детей,
Примчишься к ним, как на ракете, –
А ты чужой для них теперь...
И внуки спросят: «Кто тот дядя?»
Тогда ты выбежишь с крыльца,
Поймешь, что зря сюда приехал –
У них давно своя семья...».

В России проводятся различные акции по распространению листовок, установлению баннеров, призывающих родителей не забывать об исполнении своих обязанностей перед детьми.

В совокупности все эти меры позволяют повысить уровень исполнения требований исполнительных документов. Так, в 2015 году снизился остаток неоконченных исполнительных производств на 30,8 тыс. руб. Также сократилось количество исполнительных производств, по которым должники не приступили к выполнению алиментных обязательств на 23,7 тыс. руб., включая применение мер уголовной ответственности к должникам.

Всего за 2015 году в пользу детей (без учета денежных средств, выплаченных должниками в добровольном порядке либо удержанных бухгалтериями организаций из заработной платы и (или) иных доходов должника) взыскано около 18,7 млрд руб., что на 15% больше, чем за аналогичный период прошлого года [13].

Таким образом, из приведенного анализа можно сделать однозначный вывод, что и в данных условиях возможна эффективная работа судебных приставов-исполнителей по борьбе с неплательщиками алиментов и сокращению (ликвидации) имеющейся задолженности.

Для более успешной деятельности судебных приставов необходимо:

1) более тесное взаимодействие с другими государственными структурами с использованием современных учетов и технологий;

2) приведение законодательства и судебной практики к современным условиям функционирования, а именно:

- дополнить п. 77 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ словами «частями 1 и 2 статьи 5.27», изложив его в следующей редакции:

«77) должностные лица органов, уполномоченных на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов и обеспечению установленного порядка деятельности судов, – об административных правонарушениях, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 5.35, частями 1 и 2 статьи 5.27, статьями 17.3 – 17.6, 17.8, 17.9, частями 2 и 2.1 статьи 17.14, частями 1.1 и 3 статьи 17.15, частью 1 статьи 19.4, частью 1 статьи 19.5, статьями 19.6, 19.7, частью 3 статьи 20.2.2, частью 4 статьи 20.25 настоящего Кодекса»;

- внести изменения в ФЗ «Об исполнительном производстве» – дополнить ч. 1 ст. 64 п. 16.2, изложив его в следующей редакции:

«16.2) по своей инициативе или по заявлению взыскателя судебный пристав-исполнитель для установления места работы должника имеет право проводить проверку бухгалтерской и иной документации работодателя. При проведении такой проверки организация или иное лицо обязаны представить судебному приставу-исполнителю соответствующие бухгалтерские и иные документы»;

- в рамках ФЗ «О судебных приставах» изложить ч. 2 ст. 12 в следующей редакции:

«проводить в организации или у иного лица проверку бухгалтерской и иной документации для установления места работы должника по исполнительному производству»;

- принять новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о практике привлечения должников к административной и уголовной ответственности.

1. Васильев, А.А. Проблемные вопросы принудительного взыскания алиментов и альтернативные пути сохранения благополучия детей / А.А. Васильев // Аналитический портал «Отрасли права» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--plai/article/1851>.
2. Калегов, Р.В. Проблемы применения в исполнительном производстве ст. 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ / Р.В. Калегов // Практика исполнительного производства. – 2009. – № 1. – С. 11.
3. Карпухина, Н.С. Отдельные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) / Н.С. Карпухина // Бюлл. Федеральной службы судебных приставов. – 2009. – № 1. – С. 53.
4. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изм. от 21 июля 2014 года // Российская газета. – 2014.
5. Кошаева, Т. Проблемы ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и применения ч. 1 ст. 157 УК РФ / Т. Кошаева, Н. Гуль // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 38.
6. Лаптев, С.А. Проблемы расследования злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности / С.А. Лаптев, С.В. Образцов // Юрист. – 2009. – № 1.
7. Миронова, А.С. Алиментные обязательства и проблемы, связанные с их исполнением: учеб. пособие для студ. вузов / А.С. Миронова, К.Ю. Чугунова / сост. А.С. Миронова, К.Ю. Чугунова; под ред. канд. юрид. наук, доцента И.И. Черных. – М., 2014.
8. Петрова, И.А. К вопросу о понятии злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей / И.А. Петрова // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – №10.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 марта 1969 г. № 46 «О судебной практике по делам, предусмотренным ст. 122 УК РСФСР» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961–1963. – М.: Юрид. лит., 1994.
10. Росправосудие // Приговор мирового судьи 3-го судебного участка Чулымского судебного район Новосибирской области по делу № 1-21/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-novosibirskoj-oblasti-kargatskogo-rajona-s/act-226536968>.
11. Семейный кодекс Российской Федерации: по сост. на 30 декабря 2015. – М.: Проспект, 2016. – 64 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: по сост. на 30 декабря 2015 г. – М.: Эксмо, 2015. – 234 с.

13. Федеральная служба судебных приставов России: доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fssprus.ru/2272490/>.
14. Федеральная служба судебных приставов России: метод. рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации // Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.06.2010 № 69-33-2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fssprus.ru/>
15. О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.11.2015 № 340-ФЗ // СПС Гарант.

© С.А. Лаптев, 2016

© Ю.Д. Перижогина, 2016

Для цитирования: Лаптев С.А., Перижогина Ю.Д. Деятельность судебных приставов по борьбе с неплательщиками алиментов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 151–159.

For citation: Laptev S.A., Perizhogina Yu.D. Activities of the bailiffs to combat child support evaders. The Territory Of New Opportunities // The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 151–159.

Дата поступления: 26.10.2016.

И.Д. Горкина¹

Российский союз промышленников и предпринимателей
Москва. Россия

Т.П. Филичева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Сохранение биоразнообразия как необходимая составляющая промышленного освоения прибрежной зоны морей (на примере залива Петра Великого)

Статья посвящена экологическим проблемам, возникающим в производственной сфере. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что прибрежная полоса залива Петра Великого является примером активного наступления промышленности на экосистемы и биоразнообразие. Учет фактора биоразнообразия должен находиться в зоне особого внимания и проходить через все этапы от предынвестиционных исследований и проектирования до строительства и эксплуатации промышленных объектов. При этом необходимо развитие регионального законодательства, которое поможет компаниям, осваивающим прибрежные зоны морей, решить многие проблемы по сохранению биоразнообразия, учитывая, что негативное влияние загрязнения имеет не только локальные и региональные, но и глобальные масштабы.

Ключевые слова и словосочетания: биоразнообразие, экосистемы, морские ресурсы, прибрежная зона, экологическая политика, экологическая экспертиза и мониторинг, имплементация.

I.D. Gorkina

Russian Union of Industrialists and entrepreneurs
Moscow. Russia

T.P. Filicheva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Biodiversity conservation as a necessary component of the nearshore commercial development (by an example of Peter the Great Bay)

The article is devoted to the environmental problems arising in the production sphere. The relevance of this study is due to the fact that the coastal area of Peter the Great Bay is an example of an active onset of manufacturing industry on ecosystems and biodiversity. Management of a

¹ Горкина Ирина Дмитриевна – канд. геогр. наук, член Комитета по экологии и природопользованию; Российский союз промышленников и предпринимателей.

² Филичева Татьяна Петровна – канд. геогр. наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента; e-mail: Tatyana.Filicheva@vvsu.ru.

biodiversity factor must be in the area of special consideration and pass through all the stages from pre-investment research and project planning to the construction and exploitation of industrial facilities. This requires the development of regional legislation that will help companies disbursing the nearshores, to solve many problems concerning the biodiversity management, taking into account the fact that negative impact pollution has not only local and regional but also global scales.

Keywords: biodiversity, ecosystem, marine resources, coastal area, environmental policy, environmental assessment and monitoring, implementation.

За последнее десятилетие технологии изменились настолько, что многие всерьез говорят об очередной промышленной революции. Компании не просто обсуждают, а уже активно осваивают зеленые технологии, стремясь уменьшить негативное воздействие на окружающую среду и смягчить глобальное изменение климата, опустынивание и т.д. На этой волне в мире вновь возрастает интерес к тематике Конвенции о сохранении биоразнообразия (Рио-де-Жанейро, 1992), которая определила цели сохранения биоразнообразия, устойчивого использования экосистем и совместного получения на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе путём надлежащей передачи соответствующих технологий [1]. Конвенция также учредила механизмы взаимодействия сторон для достижения поставленных целей. Страны-участницы договорились совместными усилиями удерживать процессы разрушения биоразнообразия и экосистем. Россия, как и большинство из 145 стран-участниц Конвенции, взяла на себя ряд обязательств, в том числе обязательство по разработке Национальной Стратегии и Плана действий по сохранению биологического разнообразия, интегрированных в системы планирования и деятельность всех секторов экономики, влияющих на биологическое разнообразие [2]. Но при этом в стратегических программах развития экономики страны мы продолжаем делать ставку на традиционные ископаемые ресурсы, добыча которых является основным источником негативного разрушительного воздействия на окружающую среду и биоразнообразии, видя в них, а не в зеленых технологиях источник экономического роста.

Примером активного наступления промышленности на экосистемы и биоразнообразии может стать прибрежная территория залива Петра Великого, которая благодаря своим богатым природным ресурсам исторически является одним из наиболее эксплуатируемых районов Приморского края. Береговая зона залива Петра Великого, занимая около 12% территории края, является наиболее освоенной его частью. Здесь расположена большая часть населенных пунктов Приморья, железные дороги, морские порты Владивосток и Находка, предприятия горнодобывающей, судоремонтной, рыбообработывающей, энергетической, строительной, пищевой и легкой промышленности, сельскохозяйственные площади.

Прибрежные территории, как правило, развиваются более быстрыми темпами по сравнению с другими территориями за счет активизации и быстрого развития инвестиционно-привлекательных отраслей экономики, связанных с использованием морских и прибрежных природных ресурсов. Очевидно, что прибрежная зона залива Петра Великого – это своеобразный плацдарм для развития и размещения производительных сил Приморья.

В последние десятилетия в Приморье отмечается активное развитие всех отраслей народного хозяйства. Строительство и реконструкция портов, гидротехнических объектов по проектам подготовки к саммиту АТЭС-2012, создание хозяйств марикультуры, выход газо- и нефтепроводов к Японскому морю, строительство морских нефтяных и угольных терминалов – весьма привлекательный бизнес. В конце 2009 г. в бухте Козьмина принят в эксплуатацию нефтеналивной терминал грузооборотом 20 млн т в год, вошедший в состав порта Восточного, и резервуарный парк на 100 тыс. т нефти. Самый молодой порт России Козьмино – конечная точка нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Экспорт нефти из Козьмино в 2010 г. составил 15,3 млн т, или 7,3% всего экспорта нефти Транснефтью. По состоянию на 1 июля 2013 г. порт отгрузил на экспорт 10,6 млн т нефти, что по сравнению с июлем 2012 г. на 3,0 млн т больше [3]. В 2012 г. в Восточном порту началось строительство нового специализированного угольного терминала, оснащенного системой конвейерного оборудования. Согласно проекту к 2020 г. общий годовой грузооборот стивидорной компании составит 33 млн т.

В последние годы в странах АТР значительно увеличился спрос на энергоносители, в частности на уголь. В связи с этим в настоящее время все свободные мощности в портах Приморья, способные перерабатывать уголь, заняты именно этим видом груза, что привело к резкому ухудшению экологической обстановки как в портах, так и вокруг них из-за открытого хранения угля и перегрузки [4].

Таким образом, обеспечивая экономический рост, новые промышленные объекты значительно увеличивают нагрузку на биоразнообразие и экосистемы прибрежной зоны:

- сброс промышленных сточных вод, содержащих многокомпонентные смеси загрязняющих веществ минерального и органического происхождения;
- сброс сельскохозяйственных сточных вод, поступающих в залив с водами впадающих рек;
- шумовые эффекты от работающей техники в районах портов и причалов;
- расширение безлесных площадей в зоне прямого влияния на пляжи;
- выбросы загрязняющих веществ от производств, развитых в прибрежной зоне;
- отсутствие очистки ливневого стока, практически не контролируемое загрязнение моря нефтепродуктами;
- прямое уничтожение прибрежной флоры и фауны при планировании территорий под строительство и т.д.

С промышленным освоением прибрежной зоны морей связывают также потенциально опасные тенденции глобальных климатических изменений, которые могут привести к серьезным экологическим последствиям, в том числе, к уничтожению биоразнообразия как прибрежной суши, так и морской среды.

Большинство первичных местообитаний в заливе Петра Великого уже разрушено. Исчезают традиционные пищевые продукты: рыба, моллюски, отравляется питьевая вода. По опубликованным данным загрязнение залива Петра Великого ставит под угрозу существование многих исчезающих видов рыб. Пестициды, гербициды, отходы и разливы нефтепродуктов, тяжелые металлы (ртуть, свинец, цинк), промышленные отходы поражают и убивают водные организмы. В прибрежной зоне залива растущим источником загрязнения становятся отходы хозяйств марикультуры в виде органических веществ и химикатов. В отличие от загрязнения

наземной среды, в которой отходы сохраняются относительно локально, в водных средах токсичные вещества разносятся течениями по обширным территориям (т.н. трансграничное загрязнение). Так, даже очень малые концентрации токсичных веществ могут накапливаться в водных организмах до летальной концентрации, так как, питаясь, они профильтровывают большие объемы воды. Птицы и млекопитающие, поедая этих животных, подвергаются концентрированному воздействию токсикантов. Для прибрежных территорий опасны процессы эвтрофикации и т.д. [5].

Негативное влияние загрязнения обнаруживается на разных трофических уровнях – от первичных продуцентов до млекопитающих, в том числе человека, и на разных уровнях организации живой материи – от молекулярно-биохимического до биоценотического и экосистемного. Такого рода изменения могут иметь не только локальные, но региональные и глобальные масштабы. Следует учитывать, что значительная доля биологического богатства России существует вне сети охраняемых природных территорий, особенно это касается прибрежных зон морей, а это значит, что действия по сохранению биоразнообразия должны планироваться и претворяться в жизнь на основе экологических и экономических приоритетов развития в равной степени [6].

Поэтому уже сегодня ставится вопрос о том, что каждый регион, осваивая свои прибрежные зоны, должен разработать систему мер, направленных на сохранение биоразнообразия и обеспечить реализацию этих мер за счет применения, прежде всего, правовых механизмов.

Как не потерять свое будущее? Существует мнение, что следует сохранить уникальные природные экосистемы в виде особо охраняемых природных территорий. Высказываются мнения, что никакого рынка экосистемных услуг не существует, появится ли он вообще, не известно. Нужно ли заниматься тем, что не является «головной болью» государства, которое обходит проблему развития механизмов сохранения биоразнообразия в системе регулирования природоохранной деятельности промышленных компаний? И это не может не вызывать тревогу, поскольку угрозы сохранения биологических видов и экосистем становятся реальными, мы уже не можем делать вид, что ничего вокруг нас не происходит.

Экологические проблемы возникают в производственной сфере, следовательно, регулирование деятельности по сохранению биоразнообразия должно затрагивать и такие аспекты промышленных компаний, как:

- интеграция фактора биоразнообразия в экологическую политику компании;
- идентификация и оценка экологических аспектов и воздействий на биоразнообразие в процессе развития производства;
- имплементация экологических программ и планов действий по сохранению биоразнообразия в стратегические планы развития компаний и т.д.

Исключительное значение для сохранения биоразнообразия имеет имплементация различных его аспектов в систему подготовки и принятия решений о развитии хозяйственной деятельности. Учет фактора биоразнообразия в производстве должен находиться в зоне особого внимания и проходить красной нитью через все этапы от предынвестиционных исследований и проектирования, строительства и эксплуатации хозяйственных объектов и комплексов. Для этого необходимо задействовать весь арсенал средств, включая стратегическую экологическую оценку, экологическую экспертизу, экологический контроль и надзор и т.д.

В идеале модель сохранения биоразнообразия позволяет компаниям:

- 1) предусматривать необходимость проведения мероприятий по сохранению биоразнообразия;
- 2) ограничивать деятельность хозяйствующих субъектов, негативное воздействующую на окружающую среду и биоразнообразие;
- 3) обязывать хозяйствующих субъектов финансировать природоохранные мероприятия и возмещать вред окружающей среде и биоразнообразию.

В то же время необходимо создавать и благоприятную для инвестиций экономическую среду, потому что, в конечном счете, вопрос стоит так: либо развитие новых экологически чистых производств и высокотехнологичных промышленных кластеров, отвечающих современным требованиям и стандартам, которые могли бы соседствовать с биоразнообразием, либо застой и деградация.

Что происходит в настоящее время с Заливом Петра Великого? С одной стороны, необратимое уничтожение мест обитания традиционных видов флоры и фауны, которые прямо и непосредственно влияют на условия жизни и хозяйствования: химическое загрязнение акватории тяжелыми металлами в некоторых местах превышает предельно допустимые значения в сотни раз, что является следствием сброса неочищенных сточных вод крупных промышленных предприятий. С другой стороны, из залива исчезли многие виды рыб, в том числе, сельдь и навага, раньше в изобилии в нем обитавшие. Полностью исчезли популяции морских зайцев, сивучей, некоторые двустворчатые моллюски.

К этой ситуации необходимо адаптироваться и принимать соответствующие меры. Нужно ли заставлять компании разрабатывать и выполнять мероприятия в части сохранения биоразнообразия? Анализ правоприменительной практики показал, что запретительные меры, традиционно используемые в нашем законодательстве, к сожалению, не приводят к решению экологических проблем. Необходимы механизмы, стимулирующие стремление бизнеса решать проблему сохранения биоразнообразия не ради «кейса», а реально, на практике.

Развитие именно регионального законодательства в рамках установленных полномочий позволит компаниям, осваивающим прибрежные зоны морей:

- принять цель сохранения биоразнообразия как составляющую часть корпоративной экологической политики, стремиться обеспечивать сохранение биоразнообразия и связанных с ним ценностей, поддерживать экологические функции и целостность окружающей среды;
- принять, что сохранение биоразнообразия редких, исчезающих видов, в том числе занесенных в Красную книгу РФ и субъектов РФ, включая экосистемы высокой природоохранной ценности, осуществляется на всех этапах жизненного цикла производства;
- обеспечить минимально возможный уровень негативного воздействия на биоразнообразие и среды обитания при осуществлении хозяйственной деятельности;
- инвестировать в проекты сохранения биоразнообразия, в том числе, через партнерство государственного и частного секторов, основанное на инновационных финансовых механизмах;
- повышать уровень прозрачности деятельности с помощью надежных систем отчетности, контроля и мониторинга воздействия на биоразнообразие, избегая фальсификаций и утаиваний;

- повышать осведомленность о проблеме сохранения биоразнообразия среди всех заинтересованных сторон, в частности, сотрудников компаний.

Стремление к экономическому росту одновременно с решением проблем сохранения биоразнообразия посредством смягчающих и адаптационных мер не только возможно, но и имеет смысл с точки зрения стратегически эффективного ведения бизнеса.

1. Конвенция по сохранению биологического разнообразия [ратифицирована Федеральным законом РФ от 17 февраля 1995 года № 16-ФЗ] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900738>
2. Национальная Стратегия и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategy2014.ru/strategy>
3. ООО «Транснефть – Порт Козьмино»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smpnk.ru>.
4. Волгин, А.А. Угольный порт и экология: компромисс или противостояние? / А.А. Волгин, Г.Н. Красковская, О.Я. Семинихина // Морские порты. – 2014. – № 4(125). – С. 34–38.
5. Загрязнение морской акватории Владивостока близко к критическому [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/society/14.05.2015/437635/zagryaznenie-morskoj-akvatorii-vladivostoka-blizko-k-kriticheskomu-eksperti.html>
6. Задачи сохранения биоразнообразия в политике и программах развития энергетического сектора России: руководство по учету фактора биоразнообразия при организации системы экологического менеджмента на предприятии. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)/ Глобального Экологического Фонда (ГЭФ) Минприроды России. – М., 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bd-energy.ru/>
7. Государственная программа Приморского края «Охрана окружающей среды Приморского края» на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sp-sergeevskoe.ru/inova_block_mediaset/1197/2016/8/11/ohrana-okruzhayuschej-sredyi-primorskogo-kрая-na-2013-2020-godyi/
8. Филичева, Т.П. Экономика природопользования и охрана окружающей среды: учебник / Т.П. Филичева, И.Д. Горкина. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 292 с.

© И.Д. Горкина, 2016

© Т.П. Филичева, 2016

Для цитирования: Горкина И.Д., Филичева Т.П. Сохранение биоразнообразия как необходимая составляющая промышленного освоения прибрежной зоны морей (на примере залива Петра Великого) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 160–165.

For citation: Gorkina I.D., Filicheva T.P. Biodiversity conservation as a necessary component of the nearshore commercial development (by an example of Peter the Great Bay) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 160–165.

Дата поступления: 11.12.2016.

Н.В. Иваненко¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

В.И. Голов²

Биолого-почвенный институт ДВО РАН
Владивосток. Россия

Ацунобу Кадоно³

Университет окружающей среды Тоттори
Префектура Тоттори. Япония

Экологическое состояние и использование земельных ресурсов Дальнего Востока России

Использование почвенно-земельных ресурсов и экологическое состояние почв рассмотрены как важнейшие факторы развития Дальневосточного региона. Представлен обзор научных трудов, официальных документов: государственных докладов об экологической ситуации в Российской Федерации, докладов об экологической ситуации и использовании земель в отдельных субъектах Дальневосточного федерального округа. Показано, что утилитарное и безответственное отношение природопользователей к земельным ресурсам приводит к увеличению количества утраченных, деградированных земель.

Ключевые слова и словосочетания: почвы, земельные ресурсы, дальневосточный гектар, плодородие почв, деградация почв.

N.V. Ivanenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

V.I. Golov

Institute of Biology and Pedology Far East Branch Russian Academy of Sciences.
Vladivostok. Russia

Atsunobu Kadono

Tottori University of Environmental Studies (TUES)
Tottori. Japan

Ecological state of soil and land resources of the Russian Far East

The ecological condition of soil and use of soil and land resources considered as the most important factors of development of Far East region. The review of scientific papers, documents, official Government reports on the environmental situation in the Russian Federation, reports on

¹ Иваненко Наталья Владимировна – канд. биол. наук, доцент кафедры туризма и экологии; e-mail: Natalya.ivanenko@mail.ru.

² Голов Владимир Иванович – д-р биол. наук, главный научный сотрудник сектора биогеохимии БПИ ДВО РАН; e-mail: gvishm@mail.ru.

³ Кадоно Ацунобу – PhD (Agronomy), Assistant Professor, TUES; e-mail: kadono@kankyo-u.ac.jp.

the environmental situation and use of land in separate regions of the far Eastern Federal district. It's shown that the utilitarian approach to nature of soil and land resources leads to an increase in the number of lost and degraded land.

Keywords: soils, soil resources, Far Eastern hectare, soil fertility, soil degradation.

Разнообразие природных условий Дальневосточного федерального округа – самого крупного региона России (36% от всей территории РФ) – определяет широкие возможности использования почвенных и земельных ресурсов: в лесном и сельском хозяйстве, строительстве, промышленности, на транспорте, в системе здравоохранения и т.д. Оценка современного экологического состояния почв Дальнего Востока актуальна не только для России, но и для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку природные и техногенные процессы, характерные для обширных территорий япономорского региона российского Дальнего Востока, вносят определенный вклад в общую экологическую ситуацию, свойственную в целом для стран АТР. Земельные угодья российского Дальнего Востока, где почвенно-климатические условия, за некоторым исключением, можно считать, благоприятными для сельскохозяйственного производства, привлекают внимание азиатских предпринимателей – Китая, Кореи, Японии.

Хозяйственное освоение почвенных ресурсов Дальнего Востока России выражается через различные виды использования земель (добыча полезных ископаемых, производство сельскохозяйственной продукции, транспорт, строительство и т. п.). На территории Дальневосточного федерального округа большинство земель относится к лесному фонду – 80,19% (494 764,0 тыс. га). Земли сельскохозяйственного назначения на территории ДВФО составляют 13,27% (65 648,4 тыс. га), земли госзапаса – 5,06% (31 269,0 тыс. га), особо охраняемых территорий – 2,94% (18 150,4 тыс. га), островные земли – 0,62% (3862,8 тыс. га), земли промышленных предприятий – 0,27% (1719,3 тыс. га) и земли населенных пунктов – 0,24% (1519,0 тыс. га) [4].

Слабое использование земельных фондов для производства сельскохозяйственной продукции в Дальневосточном федеральном округе явилось причиной принятия Федерального закона 119-ФЗ РФ «О дальневосточном гектаре», согласно которому гражданам РФ предоставляются земельные участки в основном из состава земель лесного фонда.

Принятием данного закона предполагалось повысить заинтересованность предпринимателей в приобретении земли именно с целью ведения сельского хозяйства. Вовлечение неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот могло бы способствовать экономическому развитию Дальнего Востока и, в конечном счете, изменить неблагоприятную демографическую ситуацию в регионе. Закон о Дальневосточном гектаре в некоторой степени повысил заинтересованность частного сектора в приобретении земельных участков в частную собственность, однако, как показывает опыт, это явление не приняло массового характера, несмотря на некоторые преференции, предусмотренные этим законом.

Наиболее плодородными почвами Дальневосточного федерального округа, благоприятными для ведения земледелия, являются почвы Приморского края и Амурской области. В результате многолетних наблюдений установлено, что лугово-бурые и лугово-черноземовидные почвы территорий Приморского края и Амурской области за 40 лет непрерывного использования в сельском хозяйстве подверглись изменениям по всем исследуемым показателям. Потери гумуса в длительных опытах на лугово-бурых почвах составили 21–23%, а на лугово-черноземовидных – 23–27%.

В последние годы серьезную угрозу для экосистем Приморского края, Амурской области и Приамурья в целом представляют китайские земледельцы, переносящие свои технологии, базирующиеся на интенсивной химизации, на почвы Дальневосточного региона. Площадь арендуемых земель в настоящее время только в Приморье и Приамурье составляет около 50 тыс. га. При сложившейся практике выращивания зерновых и овощных культур на арендованных почвах вполне вероятен сценарий полной деградации почв, как это случилось с почвами Таримской впадины Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая [17]. Сравнительный анализ лугово-черноземовидной и пойменных почв России и Китая, которые находились в однотипных почвенно-климатических и генетических, но разных агротехнических условиях использования, показал, что применение высоких доз минеральных удобрений, особенно азотных, усилило деградацию почв провинции Хэйлунцзян. В настоящее время накоплен значительный и достоверный объем информации, свидетельствующий о негативных экологических последствиях применения больших доз минеральных удобрений, не говоря уже о пестицидах и других химикатах. В практике мирового земледелия в последнее время наступило вполне обоснованное разочарование в традиционных путях увеличения продуктивности растениеводства, базирующихся на интенсивной химизации. Тем не менее, существующие на сегодня альтернативные системы земледелия, такие, как «органическое», «точное», «no till», контурно-мелиоративное и др., по ряду причин (острый недостаток рабочей силы, низкий уровень механизации и автоматизации труда, развал в животноводстве и др.) не всегда удается успешно осваивать и применять в условиях Дальнего Востока [1–3].

Земельные ресурсы Дальнего Востока предполагается использовать не только для ведения сельского хозяйства, но и для других видов деятельности: развития туризма, строительства объектов инфраструктуры и т.д. Согласно закону об экологической экспертизе, любой вид хозяйственной и иной деятельности является потенциально опасным. Традиционно утилитарное и потребительское отношение к почвенным ресурсам на сегодня требует кардинального изменения сложившейся практики использования почв, сейчас, как никогда, необходимо постоянное внимание к вопросам их использования и охраны. Сейчас многократно увеличилась вероятность деградации почв, подвергаемых интенсивному использованию, и, как следствие, неизбежны снижение плодородия, загрязнение, захламление, ухудшение общей экологической обстановки.

Эти проблемы стали общими для всех видов используемых почв на Дальнем Востоке. Повсеместно наблюдаются их дегумификация, вынос биогенных элементов, переуплотнение, эрозия, загрязнение сельскохозяйственных земель пестицидами, земель промышленности и поселений тяжелыми металлами, продуктами распада твердых бытовых отходов на свалках. В связи с этим площадь нарушенных земель в Дальневосточном федеральном округе в 2014 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась на 9,12% (17,1 тыс. га) и составила 187,4 тыс. га [4].

Площадь нарушенных земель в самом крупном по площади и одном из самых богатых минерально-сырьевым ресурсам субъекте Российской Федерации – республике Саха (Якутия) составляет 30,9 тыс. га. Этот показатель остается постоянным в течение последних 5-ти лет. Под пастбищами, которые относятся к землям сельскохозяйственного назначения в Республике Саха, насчитывается – 19 446,4 тыс. га (6,3% от общей площади) и бедные почвы Чукотского автономного округа – 39 377,2 тыс. га (54,57% от общей площади). Эти почвы в основном используются для оленеводства. В целом экологическая обстановка в республике оценивается как удовлетворительная. Локальное антропогенное воздействие на компоненты окружающей среды, в том числе и на почвы, наблюдается на территориях где располагаются предприятия горнодобывающей промышленности, эти территории приурочены к таким районам, как Алданский, Верхоянский, Мирнинский, Оймяконский, Усть-Майский. Обширные малонаселенные и непромышленные районы республики характеризуются благоприятной экологической обстановкой [4, 10].

Площадь нарушенных земель в Камчатском крае по сравнению с 2010 годом уменьшилась на 10,7% и составляет 2,9 тыс. га. Тем не менее, на полуострове Камчатка сохраняется тенденция роста площади эродированных земель, особенно в Елизовском, Мильковском и Усть-Камчатском районах. Пашни, как правило, имеют низкое содержание гумуса. Более 70% угодий нуждается в известковании, осушении и других видах мелиоративных работ. Каждый год отмечается снижение содержания подвижного фосфора и обменного калия. Пахотные почвы Камчатского края относятся к одним из низкообеспеченных фосфором (54,3%) в Дальневосточном федеральном округе [4, 13, 15, 16].

Площадь нарушенных земель в Приморском крае составляет 16,9 тыс. га, что на 0,59 % меньше по сравнению с 2010 годом. Динамика земель Приморского края, подверженных негативному воздействию, показывает, что в настоящее время продолжает ухудшаться качество земель сельскохозяйственного назначения. К территориям с умеренно опасной категорией загрязнения почв комплексом тяжелых металлов, установленной за период наблюдений 2007–2014 гг. по данным Росгидромета), относятся г. Дальнегорск (свинец, кадмий, цинк), пос. Рудная Пристань (свинец, кадмий, цинк), пос. Славянка (цинк, медь, свинец) [4, 9].

Площадь нарушенных земель в Хабаровском крае за последние 5 лет уменьшилась на 0,59% и составила 6,3 тыс. га. Хабаровский край расположен в зоне экстремального земледелия, пахотные земли маломощные, гумусовый горизонт редко превышает 15 см. Почвы, как правило, тяжелосуглинистые, подстилаются мощными тяжелыми глинами. В период муссонных дождей, которые особенно

интенсивно выпадают весной, осенью и особенно летом, усиливается плоскостной смыв и линейная эрозия. Отмечается интенсивное развитие процессов размыва, обрушения и смыва грунтов на каналах осушительных систем. Вследствие частого переувлажнения происходит ухудшение структуры почв. На тяжелых по механическому составу почвах появляется слитность, увеличивается плотность и снижается пористость и водопроницаемость почв. В связи с резким сокращением в последние годы объемов работ по окультуриванию почвенного покрова (известкование, фосфоритование и другие мелиоративные мероприятия), называемых «культуртехникой», в крае идет процесс вторичного заболачивания кормовых угодий, снижается их продуктивность, изменяется геоботанический состав трав. В настоящее время в крае более 8% сельскохозяйственных угодий подвержены водной и ветровой эрозии, более 42% переувлажнены, более 20% заболочены. Более 76% сельскохозяйственных угодий в настоящее время отнесены к категории средне и сильноокислым и нуждаются в первоочередном известковании. Санитарно-гигиеническая оценка почв селитебных территорий Хабаровского края показывает высокий уровень их загрязнения, к которым относятся земли г. Комсомольска-на-Амуре, Нанайского района, Солнечного, Советско-Гаванского района [4, 5, 14].

Площадь нарушенных земель Амурской области в течение последних 5 лет не изменилась и составила 12,7 тыс. га. Для почв Амурской области характерны эрозионные процессы. Наибольшее распространение эрозия земель получила на сельскохозяйственных угодьях области. Согласно данным годовой отчетности «О наличии земель и распределении их по формам собственности, категориям, угодьям и пользователям по состоянию на 01.01.2016» в Амурской области из 1794,6 тыс. га обследованных сельскохозяйственных угодий были выявлены следующие негативные процессы: эрозионноопасных почв – 3,5 тыс. га, из них эродированных 3,0 тыс. га; подверженные совместно водной и ветровой эрозии – 166,4 тыс. га, в том числе средне – 150,9 тыс. га, 15,4 тыс. га – сильно; переувлажненные 203,4 тыс. га, из них пойменные – 125,9 тыс. га, внепойменные – 76,6 тыс. га; заболоченные – 223,8 тыс. га, в том числе: 50,4 тыс. га – сильно, 171,1 тыс. га – средне [4, 6].

Площадь нарушенных земель Магаданской области к 2014 г. увеличилась на 35,84% по сравнению с 2010 годом и составила 58,3 тыс. га. Землепользование Магаданской области сформировалось под воздействием горнодобывающего комплекса, гидротехнического и промышленного строительства, сельского хозяйства, транспорта, оказавших негативное влияние на современное состояние почв. Специфичным фактором рассматриваемой территории является почти повсеместное распространение многолетней мерзлоты. Этот фактор оказывает основное негативное воздействие на развитие естественных и сельскохозяйственных ландшафтов. К процессам, отрицательно влияющим на плодородие почв и, соответственно, на снижение качества выращиваемой продукции в условиях Магаданской области, следует отнести: водная и ветровая эрозия; вторичное мерзлотное заболачивание; подтопление, переуплотнение почв; дегумификация; повышенная кислотность; техногенное загрязнение почв выбросами промышленных предприятий [4, 8].

Площадь нарушенных земель Сахалинской области к настоящему времени не изменилась и составляет 10,5 тыс. га. Техногенную нагрузку Сахалинской области испытывают до 8% территорий, в том числе 2% территории относятся к населенным пунктам. На состояние почвы в Сахалинской области влияют проблемы, связанные со сбором, временным хранением, уничтожением и утилизацией твердых бытовых отходов и системой сбора, транспортировки и утилизации медицинских отходов. Загрязненность почвы также происходит из-за неполного и некачественного обезвреживания сточных вод, отходов животноводства, стоков рыбных и пищевых предприятий, а также невысокого качества уборки территорий населенных пунктов, что способствует загрязнению почвы селитебных территорий [4, 12].

Площадь нарушенных земель Еврейской автономной области также не изменилась и остается на прежнем уровне – 1,5 тыс. га. Подавляющее большинство пахотных почв на территории Еврейской автономной области характеризуются низким содержанием гумуса и подвижными формами фосфора, поэтому для них необходимо внесение полного комплекса органических и минеральных удобрений. На кислых почвах, которых много в ЕАО, требуется внесение извести. Легкие по механическому составу почвы на юге области повсеместно подвергаются процессам ветровой эрозии [4, 7].

Площадь нарушенных земель в Чукотском автономном округе составляет 47,6 тыс. га, что на 0,59% меньше по сравнению с 2010 годом. Площадь земель сельскохозяйственного назначения Чукотского автономного округа составляет 39 377,2 тыс. га, что составляет 54,58% территории округа. Эти земли в основном используются сельскохозяйственными предприятиями, товариществами, крестьянско-фермерскими хозяйствами, занимающимися производством товарной сельскохозяйственной продукции. Основная часть данной категории занята так называемыми «Оленьими пастбищами» 24 047,9 тыс. га (61,05% от площади земель категории). Нарушенные земли в категории сельскохозяйственных земель составляют 1,9 тыс. га, причем большая часть из них образовалась вследствие возврата отработанных земель горнодобывающими предприятиями в предыдущие периоды деятельности из-за отсутствия средств на проведение рекультивации. Экологическая обстановка в Чукотском автономном округе остается стабильной. В целом в округе в последнее десятилетие сократился выброс вредных веществ в атмосферу и сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. На территории округа не зафиксировано случаев природных и техногенных аварий, связанных со значительным загрязнением природной среды. Наиболее злободневными остаются проблемы локального загрязнения атмосферного воздуха районных центров и городов, сброса неочищенных коммунальных и промышленных стоков, некачественное обезвреживание и утилизация токсичных промышленных и твердых бытовых отходов, утилизация металлолома [4, 11].

Таким образом, в отдельных регионах Дальнего Востока России процессы деградации почвенного покрова происходят неравномерно как по масштабам, так и по интенсивности. Неблагоприятная экологическая обстановка, отражающаяся на физико-химических свойствах почв, характерна для районов с развитой

горнодобывающей промышленностью, для селитебных территорий, где происходит захламление почв, ухудшение их санитарно-гигиенического состояния.

Во многом утрачено почвенное плодородие земель, используемых в сельском хозяйстве, за исключением залежных. Залежные земли не используются в течение уже почти 20 лет, что позволило восстановить их плодородие. В Амурской области таких земель более 200 тыс. га, в Приморском крае – 60 тыс. га. В настоящее время осуществляется постепенное вовлечение в сельскохозяйственный оборот брошенных земель Приморского края и Амурской области. Так, в Приморском крае принято постановление о субсидировании предпринимателей, возделывающих залежные земли (Постановление администрации Приморского края от 31 мая 2013 г. № 211-па «О предоставлении субсидий из краевого бюджета сельскохозяйственным производителям Приморского края за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство на возмещение затрат, связанных с вводом в эксплуатацию залежных земель сельскохозяйственного назначения, с развитием мелиорации сельскохозяйственных земель и отдельных отраслей растениеводства в Приморском крае, в 2013 году»). Несмотря на государственную поддержку, предприниматели, работающие в аграрном секторе, испытывают трудности с приобретением современной техники, не располагают материальными ресурсами и технологической поддержкой для проведения полноценных агро-мелиоративных мероприятий, отсутствуют специалисты, способные грамотно организовать рациональное использование почвенно-земельных ресурсов.

Не только дефицит финансовых ресурсов, технологическая неграмотность и даже безответственность являются причиной ухудшения экологического состояния почв. Природопользователями не учитываются экосистемные функции почвы. По-прежнему доминирует утилитарное и потребительское отношение к почвенно-земельным ресурсам, учитывается значимость почвы только как ресурса жизнеобеспечения человека, о чем свидетельствуют ухудшение экологического состояния почв Дальневосточного федерального округа, сохранение тенденции почвенной деградации. Для формирования новой культуры взаимоотношения человека с уникальным природным ресурсом – почвой – необходима разработка нового подхода к использованию почв в экономике региона не только с учетом природно-климатических особенностей территорий. Использование почв, планирование мероприятий по их охране и восстановлению должны основываться на роли почвы в поддержании общебиосферных функций (постоянный газовый состав воздуха и химический состав гидросферы, аккумуляция энергии, поддержание биоразнообразия и природных геохимических процессов и пр.). В области охраны окружающей среды требуется усилить наблюдения за изменением физических и химических свойств почвы в условиях интенсивного применения высоких доз удобрений.

Анализ использования почвенно-земельных ресурсов Дальнего Востока России показывает, что природопользование в этом богатом регионе ограничено не только природно-климатическими особенностями, позволяющими в северных регионах заниматься оленеводством, а на юге Дальнего Востока – садоводством. Использо-

вание традиционных для Дальнего Востока ресурсов: леса, минеральных ресурсов, в той или иной мере связаны с необходимостью охраны почвенных ресурсов. Так, разработка минеральных ресурсов приводит к геоэкологическим проблемам, связанным с нарушением почвенного покрова, усилению геохимической миграции вещества в водоохраных зонах и, как следствие, к утрате рыбохозяйственного значения нерестовых рек. Вырубка лесов приводит к почвенной эрозии, нарушению речного стока, к изменению биологической продуктивности водоемов.

Несмотря на острую необходимость проведения мероприятий по охране почв Дальнего Востока, по-прежнему остается перспективным использование почвенно-земельных ресурсов в традиционном сельскохозяйственном направлении. Сельскохозяйственное производство, в первую очередь, необходимо развивать на плодородных землях юга Дальнего Востока. Создание крупного товарного сельскохозяйственного производства позволит обеспечить продукцией не только местное население региона, но и соседние страны – Китай, Корея, Япония. Ведение земледелия на Дальнем Востоке требует серьезных вложений и, безусловно, постоянных дотаций государства, льготного кредитования. Если рассматривать возможности расширения сельскохозяйственного производства в северных регионах, где основу сельского хозяйства составляет оленеводство, то здесь нужно учитывать ёмкость естественных пастбищ, которая не безгранична. Ведение точечного овощеводства и тепличного хозяйства на малоплодородных, тяжелых по физическому составу землях большинства территорий Дальнего Востока может вестись только с учетом потребностей населения, проживающего в этих районах. На почвах Дальнего Востока требуется постоянное проведение затратных мелиоративных мероприятий, что без государственной поддержки не представляется возможным. Возрождение и развитие животноводства требует повышения и улучшения качества пастбищ, сенокосов, что под силу крупным агропромышленным предприятиям, но не ведению «эффективного» сельского хозяйства на одном гектаре земли, который выдается населению и о котором сейчас много говорится.

Таким образом, для эффективного использования почвенно-земельных ресурсов необходима программа с детализацией первоочередных мероприятий по отраслям промышленности с разработкой системы государственной поддержки – как на мероприятия по рекультивации, так и на развитие производства.

-
1. Бурдуковский, М.Л. Изменение агрохимических свойств основных пахотных почв юга Дальнего Востока при длительном сельскохозяйственном использовании / М.Л. Бурдуковский, В.И. Голов, И.Г. Ковшик // Почвоведение. – 2016. – № 10. – С. 1244–1250.
 2. Голов, В.И. Основные экологические проблемы почвенного покрова Дальнего Востока России / В.И. Голов, М.Л. Бурдуковский // Экологические проблемы природопользования и охрана окружающей среды в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Среда жизни, их охрана и восстановление: монография / науч. ред. Н.К. Христофорова, Н.В. Иваненко. – Владивосток: Дальнаука, Изд-во ВГУЭС, 2016. – 142 с.

3. Голов, В.И. Эффективность новых торфогуминовых удобрений на почвах Дальнего Востока / В.И. Голов, А.Н Тимофеев, Т.А Асеева // Доклады Российской академии с.х. наук. – 2010. – № 3. – С. 36–38.
4. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – М., 2015. – 473 с. // Минприроды России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecogodsoklad.ru/2014/Default.aspx>.
5. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Хабаровском крае в 2015 году / под ред. А.Е. Ермолина. – Хабаровск: ООО «Принт-2», 2016. – 256 с. // Министерство природных ресурсов Хабаровского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Ekologiya/84>.
6. Доклад об охране окружающей среды и экологической ситуации в Амурской области за 2015 год / Министерство природных ресурсов Амурской области. – Благовещенск, 2016. – 283 с. // Правительство Амурской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amurobl.ru/wps/wcm/connect/4e1067804d47fd8c349fb91ed748f1/ДОКЛАД+2015+о+состоянии+окружающей+среды.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=4e1067804d47fd8c349fb91ed748f1>.
7. Доклад об экологической ситуации в Еврейской автономной области в 2015 году / Правительство Еврейской автономной области. – Биробиджан, 2016 // Некоммерческое партнерство информационно-правовой консорциум «КОДЕКС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://npa.eao.ru/law?print&nd=642234503>.
8. Доклад об экологической ситуации в Магаданской области в 2015 году / Министерство природных ресурсов и экологии Магаданской области. – Магадан, 2016. – 82 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minpriroda.gov.ru/common/upload/23/editor/file/Doklad_ob_ekologicheskoy_situatsii__v_Magadanskoy_oblasti_v_2015_godu.pdf.
9. Доклад об экологической ситуации в Приморском крае в 2015 году. – Владивосток, 2016. – 269 с. // Официальный сайт администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/upload/medialibrary/ed1/ed1d02dedb6f84f4c6c0ad7a5ed1f71e.pdf>.
10. Доклад об экологической ситуации в Республике Саха (Якутия) в 2015 году. – 50 с. // Официальный информационный портал Министерства охраны природы республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minpriroda.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/Доклад%20об%20ЭС%202015%20год.PDF>.
11. Доклад об экологической ситуации в Чукотском автономном округе в 2014 году / Департамент промышленной и сельскохозяйственной политики Чукотского автономного округа. – Анадырь, 2015. – 146 с. // Чукотский автономный округ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://чукотка.рф/power/administrative_setting/Dep_prom_trans_ZHKN/departament-activities/.
12. Доклад об экологической ситуации и об охране окружающей среды Сахалинской области в 2015 году. – Южно-Сахалинск: ООО «Эйкон», 2016. – 207 с. // Портал Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Сахалинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mpr.admsakhalin.ru/uploads/files/доклад%206_07%209-38.pdf.

13. Доклад об экологической ситуации в Камчатском крае в 2015 году / Министерство природных ресурсов и экологии Камчатского края. – Петропавловск-Камчатский, 2016. – 316 с. // Официальный сайт правительства Камчатского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kamgov.ru/minpriir/ohrana-okruzausej-sredy>.
14. Доклад о состоянии и использовании земель Хабаровского края в 2015 году / Министерство природных ресурсов Хабаровского края. – Хабаровск, 2016. – 96 с. // Росреестр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/upload/to/khabarovskiy-kraj/statistics/ДОКЛАД2015.docx>.
15. Жарикова, Е.А. Антропогенное влияние на плодородие слоисто-охристых почв Камчатки / Е.А. Жарикова // Агрэкология. Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 2 (100). – С. 42–46.
16. Жарикова, Е.А. Подвижный калий в почвах Камчатки / Е.А. Жарикова, О.М. Голодная // Почвоведение. – 2009. – № 8. – С. 917–926.
17. Илахун, А. Содержание гумуса в почвах Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР / А. Илахун, Ж. Пинань, Ц. Зяньдон, М.У. Ляшко, Н.Н. Бушуев // Вестник РАСХН. – 2010. – № 4. – С. 31–32.

© Н.В. Иваненко, 2016

© В.И. Голов, 2016

© Ацунобу Кадоно, 2016

Для цитирования: Иваненко Н.В., Голов В.И., Кадоно Ацунобу. Экологическое состояние и использование почвенно-земельных ресурсов Дальнего Востока России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 166–175.

For citation: Ivanenko N.V., Golov V.I., Kadono Atsunobu. Ecological state of soil and land resources of the Russian Far East // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 166–175.

Дата поступления: 21.11.2016.

К.В. Горян

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Российская концепция экологического права: современное состояние и перспективы

Исследуются история формирования и современное состояние российской концепции экологического права. Автор использует социокультурный метод для определения содержания идей и принципов экологического права. Делается вывод о необходимости усовершенствования концепции экологического права, а также о необходимости правового воспитания для формирования экологической правовой культуры.

Ключевые слова и словосочетания: экологическое право, концепция права.

K.V. Goryan

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Russian conception of environmental law: the current state and prospects

The article examines the history of the formation and the current state of the Russian concept of environmental law. The author uses socio-cultural method for the determination of the ideas and principles of environmental law. The conclusion about the need of improvement of the concept of environmental law, and the need for legal education for the formation of environmental legal culture is made.

Keywords: environmental law, concept of law.

Потребительское отношение к окружающей среде привело к ряду экологических проблем, ставящих под угрозу устойчивое развитие человечества и даже существование человека как биологического вида [16. С. 67]. Международное сообщество предложило изменить традиционные подходы к окружающей среде, призвало содействовать устойчивому и безопасному развитию всех государств, которое достигается в результате их активного сотрудничества.

Международное право устанавливает прямую связь между охраной окружающей среды и международной безопасностью. При этом защита и улучшение охраны окружающей среды, рациональное использование всех природных ресурсов тесно увязываются с обеспечением всех аспектов международной безопасности.

Горян Кристина Владимировна – ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин; e-mail: kristina.goryan83@vvsu.ru.

Международная экологическая безопасность предполагает такое состояние международных отношений, при котором обеспечиваются сохранение, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды. В рамках Заключительного акта 1975 г. были закреплены наиболее общие политико-правовые подходы европейских государств к охране окружающей среды: определены цели, области, формы и методы сотрудничества по охране окружающей среды в Европе [8]. В документе «Вызов времени перемен», принятом в 1992 г. в рамках Хельсинкского процесса, предложена разработка широкомасштабного плана действий по охране окружающей среды [5].

Несмотря на активное сотрудничество Российской Федерации с ЕЭК ООН в рамках процесса «Окружающая среда для Европы» [19], концепция экологического права на сегодняшний день представлена идеями и теориями, которые отражают потребительское отношение к природным ресурсам, что находит свое выражение в действующем законодательстве. До сих пор не утверждена национальная концепция экологической безопасности, хотя ее обеспечение является одной из первоочередных задач, стоящих перед государством. Любая национальная концепция той или иной отрасли права разрабатывается с учетом географических, экономических, социальных особенностей государства, отражает идеологические особенности развития общества и имеет программный характер.

Исследование российской концепции экологического права должно осуществляться с использованием специальных методов научного познания. Юридическая наука имеет достаточно обширный методологический арсенал, позволяющий исследовать право и тесно связанные с ним политико-правовые, социально-правовые и другие феномены. Однако собственно юридические (или специально-юридические) методы познания, развивающиеся в границах догмы права, исключают из познавательных горизонтов многие моменты, влияющие на развитие права, функционирование правовой системы, признание позитивного права населением и т.д. Следствием такого упрощения становится малый эвристический и предсказательный потенциал правовой науки. Так, незатрагиваемые аспекты отходят в предметную область политологии, экономики, социологии и других социогуманитарных наук, претендующих в итоге на лучшее понимание подлинного, реально существующего права, чем юриспруденция.

Поэтому всё более перспективными и оправданными видятся методы, выходящие за рамки классической нормативистской модели правового познания. Всё чаще в юриспруденции используются методы, ранее нетипичные для правовой науки, которые позволяют направить взгляд исследователя на культурологические, философско-мировоззренческие, антропологические и прочие метаоснования формально-юридической стороны права [14. С. 56–64]. Одним из доминирующих становится социокультурный или цивилизационный подход к познанию права, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества и возникающих в нём феноменов (право, власть, мораль и т.д.) как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека [7. С. 92].

Современный социокультурный подход стремится увидеть отпечаток уникальности в универсальном и общечеловеческом. Например, такая всемирно признанная ценность как права и свободы человека в каждом социокультурном пространстве хоть и имеют место, однако характеризуются рядом особенностей, неповторимых черт, т.е. они специфичны. Данную специфичность образует общество как система отношений и культура, как совокупность ценностей и норм [12. С. 10].

Культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом, которые характеризуют определенный уровень его развития. В понимании культуры большое значение уделяется отделению человека и социума от мира природы. Из такой предуготовки, на первый взгляд, должен следовать вывод о противопоставлении человека миру природы, но, тем не менее, будучи многогранным явлением, культура не несёт в себе заведомо негативного отношения к миру природы, а включает в себя нормы и ценности обращения с ней – экологическую культуру – характер этих норм и культура в целом отличаются от общества к обществу.

Понятие «экологическая культура» представляет собой совокупность норм, взглядов и установок, характеризующих отношение общества, его социальных групп и личности к природе. Экологическая культура – «одухотворенные ценностным смыслом формы повседневного поведения, чувств и мышления человека, согласующиеся с моральными нормами по отношению к окружающей среде. Экология – это мера свободы человека по отношению к природе» [6. С. 1284]. Зеркальным отражением сложившейся в обществе экологической культуры является экологическое сознание, состоящее из системы сложившихся взглядов, знаний и идей относительно взаимоотношений живых систем и взаимодействия их компонентов. Экологическое правосознание специфично тем, что «пропускает все вышеуказанные взгляды, знания и идеи через призму правовых норм и категорий и отличается не только правоустановленностью, но и возможностью оказывать непосредственное влияние на процессы создания, применения и реализации соответствующих правовых норм» [1. С. 135]. В отношениях «человек–природа», в формировании экологической культуры, ее норм, большое значение приобретает право, а именно экологическое право. Оно призвано способствовать рациональному, научному регулированию этих общественных экологических отношений, включая правовой порядок использования природных ресурсов, их восстановление и охрану. Эффективность данных отношений зависит от уровня правовой культуры. Правовая культура обусловлена уровнем правосознания в обществе, режимом законности и правопорядка, состоянием законодательства, правоприменительной деятельностью юрисдикционных органов. Эколого-правовая культура должна включать и экологическое, и правовое воспитание, в процессе которого формируются эколого-правовые знания, а через знания формируются эколого-правовые ценности, убеждения, принципы, определяющие поведение и позицию в отношениях «природа–человек». Эколого-правовое воспитание – это объемный элемент духовной культуры личности, который формирует иное отношение к природе, окружающей среде, обществу и человеку

и выступает как средство социализации личности, основанное на существующих правовых нормах в обществе. В процессе эколого-правового воспитания человек обогащается такими установками, как отношение к природе как к основной ценности государства, понимание важности гуманного отношения к ней. Все это в совокупности способствует решению экологических проблем [1. С. 135].

Поэтому имеет важное научное значение определение фактического состояния и дальнейшая разработка российской концепции экологического права, поскольку идеи и принципы, заложенные в ней, влияют на формирование правосознания личности и общества, определяют правовую культуру и выражаются в правовом поведении субъектов. Концепция определяет нормативное содержание законодательных актов, нормативно-правовые акты, в свою очередь, отражают господствующие в обществе идеи и принципы.

Если обратиться к истории формирования отрасли российского экологического права, то можно проследить интересную закономерность его развития: охрана природных ресурсов осуществлялась через защиту прав собственности, экономических, военных и налоговых интересов государства. В XVII в. в России проявилась потребность в регулировании добычи объектов животного мира как мере по предотвращению их истощения. При этом регламентировались как способы добычи, так и размеры добываемых видов, например, рыб [3. С. 64]. Господствовавшие в сознании общества того периода идеи и представления об окружающей среде отобразил в своем труде «Курс русской истории» В.О. Ключевский [9]: беспощадная эксплуатация природных ресурсов и нелюбовь к ним, потребительское отношение вкуче с причинением невосполнимого ущерба. Следует отметить, что исследователь подобным образом характеризовал жителей западной части России. Однако, если обратиться к специальной литературе, посвященной экологической культуре коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера, то наблюдается совершенно иная картина. Например, у бурятов издревле существовала философская система отношения к природе: ее рассматривали не только как дом, основу благополучия и богатства, здоровья, но и как основу нравственных и духовных начал. Народ считал себя частицей природы, единой, великой и неделимой, а озеро Байкал рассматривалось как живой организм, сокровище, окутанное тайной и имеющее отношение к космосу и Вселенной [10. С. 63]. У бурятского народа была целая исторически обусловленная система экологических принципов и традиций, практически все природные ресурсы находились под защитой религии: шаманизма и ламаизма: запрет на охоту в «святых шаманских местах» связывают с сохранением и спасением от неминуемого уничтожения целого ряда представителей флоры и фауны. Исключительно бережно относились буряты к лесам, понимая, что лесные массивы – это кладовая, от которой зависит полноводие рек и озер, богатство и разнообразие животного и растительного мира. Уважительность к природе сказывалась даже в конструкции обуви: носки гутулов специально были приподняты, чтобы при ходьбе не навредить земле [10. С. 64].

Отсутствие в начале XX века в России специального закона для охраны природы объяснялось современниками таким колоссальным количеством диких животных,

что «сама мысль об охране природы была чужда как народу, так и правительству». Однако в 1915–1916 гг. под руководством академика И.П. Бородина, пионера серьезной научной природоохранной деятельности в России, был разработан первый (неосуществленный) проект российского Закона об охране природы [3. С. 67].

Если требования по природопользованию и охране объектов живой природы осуществлялись изначально в рамках института права собственности, то требования по охране воздуха, воды и общественных мест от загрязнения получили развитие в законодательстве, которое позже стало называться санитарным. В советский период проблема охраны природы от загрязнения оценивалась в основном как санитарная, а не экологическая. Это означало, что при регулировании охраны атмосферного воздуха и вод учитывались преимущественно интересы охраны здоровья человека, а не всех живых организмов, страдающих от загрязнения [3. С. 68]. В начале 60-х гг. в связи с повышением интенсивности вовлечения в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов страны в период развернутого строительства коммунизма на национальном уровне была осознана необходимость установления системы мероприятий, направленных на охрану, использование и воспроизводство природных ресурсов. Однако законодательство того периода не играло заметной роли в регулировании природопользования и охраны природы: оно не предлагало эффективных природоохранных мер и механизмов обеспечения их выполнения, не предусматривало даже мер юридической ответственности за нарушение его положений. В последние десятилетия существования СССР законодатель осознал необходимость изменения подхода к регулированию природопользования, однако существенные изменения так и не были внесены. В результате этот период запомнится потомкам как череда экологических катастроф, последствия которых ощущаются до сих пор: высохшее Аральское море, Семипалатинский полигон ядерных испытаний, добыча никеля в Норильске, новокуюзнецкий смог.

На современном этапе экологическое право развивается с учетом следующих важнейших факторов: кризисного состояния окружающей среды в стране и общественных потребностей в восстановлении благоприятной окружающей среды; дефектов существующего экологического законодательства, для которого характерны наличие пробелов и фрагментарность в правовом регулировании экологических отношений; перспектив создания правового и социального государства; происходящей трансформации общественных экономических отношений; введения ряда форм собственности на природные ресурсы; тенденций развития взаимоотношений общества и природы и экологического права в мире. Важнейшим принципом формирования экологического законодательства на современном этапе является его гармонизация с передовым мировым законодательством [3. С. 72].

Однако эффективность экологического законодательства зависит от его реализации – применения норм права конкретным субъектом, который должен понимать необходимость сохранения природного равновесия. Поступки человека изменяют окружающий мир, но изменяют также и его самого, разрушая его не только физически, но и духовно: человек – часть природы, но как носитель разума именно он несет ответственность за свои действия по отношению к природе [11. С. 177].

Кризисное состояние природопользования и охраны окружающей среды является отражением кризиса культуры, сформированной в рамках техногенной цивилизации, кризиса ценностей как таковых, кризиса личности, ставящей в отношении с окружающим миром свои индивидуальные интересы превыше всего. По мнению исследователей, потребительское сознание человека, технократизация культуры, несогласованность в развитии ее отдельных частей – причины, которые лежат в основе кризиса отношений в системе «общество–человек–природа», а все остальное – загрязнение окружающей среды, сокращение биоразнообразия, нерациональное природопользование – лишь следствия [1. С. 134].

Экологическая культура как общества, так и отдельных индивидов, будучи частью правовой культуры, определяет действенность правовых норм и институтов, их востребованность. Например, препятствиями для проведения экологического референдума являются интересы определенных социальных групп, «подкрепленные материальными и финансовыми благами и выгодами» [2]. Более того, природоохранная тема становится разменной монетой в политических отношениях. Например, НКО «Экологическая палата России», созданная бывшими депутатами Госдумы, обратилась к Правительству РФ с просьбой «импортозаместить» влиятельные организации WWF России и Greenpeace. По мнению представителей палаты, экологическое движение в стране должно быть прежде всего патриотически настроенным – действовать так, чтобы не мешать российской промышленности и бизнесу [15].

Показателен при рассмотрении данного вопроса пример законодательного регулирования обращения с морскими животными. Во-первых, вылов морских животных не сертифицирован, во-вторых, осуществляется по выдаваемым Росрыболовством квотам для учебных и культурно-просветительских целей, а также для научно-исследовательских и контрольных целей. На самом деле, после периода адаптации и обучения большинство этих животных (за исключением погибших в неволе) продаются за границу и, в меньших масштабах, в частные российские дельфинарии. Так, в сентябре 2015 г. сотрудники Тихоокеанского рыбохозяйственного центра незаконно выловили у берегов Чукотки занесенных в Красную книгу 11 особей детенышей тихоокеанских моржей, убив при этом 11 самок. Впоследствии десятимесячные моржи были проданы за границу [4].

Торговля морскими животными регулируется Международной Конвенцией о торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (the Convention on International Trade in Endangered Species, далее – CITES). Это соглашение, ратифицированное более чем 120 государствами, предусматривает наличие специального разрешения CITES на перемещение животных через границу. Такое разрешение выдается при условии положительного заключения Научного органа CITES, которым в РФ является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации). Данные базы CITES за 2012–2015 гг. свидетельствуют о ежегодном росте экспорта морских животных из России [20]: например, только белух с 29 до 37 особей. Однако эти данные не соответствуют данным таможенной статистики внешней торговли РФ Федеральной таможенной службы за аналогичный

период по коду ТНВЭД «010612 – прочие морские животные млекопитающие: киты, дельфины и морские свиньи (отряда CETACEA); ламантины и дюгоны (отряда SIRENIA); тюлени, морские львы и моржи (подотряда PINNIPEDIA)» [17], поскольку количество морских животных, вывезенных из России по разрешению CITES, значительно меньше, чем по данным ФТС РФ. Подавляющее большинство особей экспортируется из Приморского края, а покупателями животных выступают коммерсанты из КНР. По сути, основная часть мирового рынка морских животных сейчас представлена российско-китайской торговлей и поставками дельфинов из Японии [18]: во всем мире прослеживается тенденция к сокращению числа океанариумов и дельфинариев, многие страны предпочитают изъятию из дикой природы разведение животных в неволе. Столь хищническое отношение к морским животным объясняется не только низким уровнем правовой культуры задействованных субъектов (прежде всего тех, кто *ex officio* обязан заботиться об их сохранении и охране), но и конкретными правовыми предписаниями, не учитывающими особенности флоры и фауны. Спрос на морских животных объясняется популярностью эксплуатирующих их развлекательных заведений у населения, которое имеет весьма смутное представление о невыносимости для этих животных любых условий содержания в неволе, поскольку такие животные характеризуются высокой социализацией среди сородичей, кроме того, невозможно достичь соответствия условий содержания в неволе необходимым требованиям. Так называемая «дельфинотерапия», не доказанная официальной наукой, представляет собой опасность из-за риска заражения людей, вступающих в контакт с животными, бактериями-сопрофитами, безвредными для животных, но смертельно опасными для людей (например, фокамикоплазмоз) [13]. Такое невежество подавляющей части общества определяет уровень экологической и соответственно правовой культуры, влияя, в свою очередь, и на содержание экологического законодательства.

Господствующие в общественном сознании идеи формируют фактическую российскую концепцию экологического права, которая носит потребительский и варварский характер. На наш взгляд, сохранение богатства растительного и животного мира, всей экосистемы российского государства зависит от определения главных идей и принципов, выделения их в качестве приоритетов человеческой жизнедеятельности. Декларирования их недостаточно, необходима постоянная системная работа по правовому воспитанию не только индивидов, но и общества в целом.

-
1. Баторова, Т.П. Некоторые вопросы взаимосвязи экологии и права / Т.П. Баторова, Б.Б. Цыбиков, Н.Ш. Малакшинова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 14А. – С. 133–137.
 2. Блатова, О. Уроки экологических референдумов в России / О. Блатова // Экология и права человека. – 2004. – № 1270.
 3. Бринчук, М.М. Экологическое право / М.М. Бринчук. – М.: Юрист, 2004. – 670 с.

4. Военная прокуратура выявила убийство и продажу моржей на Чукотке на 22 млн руб. // Информационное агентство России ТАСС: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/2271607> (дата обращения 18.11.2016).
5. Вызов времени перемен: Хельсинкский документ 1992 года // ОБСЕ: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.osce.org/ru/mc/39534?download=true (дата обращения 18.11.2016).
6. Габидуллин, И.Ф. Экологическое правосознание и образование как одна из основ гражданского общества / И.Ф. Габидуллин // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, №4. – С. 1283–1286.
7. Горян, Э.В. Исламская концепция прав человека и прогрессивное развитие международного права / Э.В. Горян // Международное право. – 2015. – № 3. – С. 91–101.
8. Заключительный Акт Сопровождающего документа по безопасности и сотрудничеству в Европе, 01.08.1975 // ОБСЕ: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения 18.11.2016).
9. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch04.htm>.
10. Красовский, О. Культ природы в традициях народов Бурятии / О. Красовский // Мир Байкала. – 2008. – № 3(19). – С. 62–65.
11. Кривошеева, Е.С. На пути к экологическому сознанию / Е.С. Кривошеева // Вестник Красноярского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 177–183.
12. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // Социологическое исследование. – 2000. – № 7. – С. 3–11.
13. Лора Белоиван: Океанариум – это мерзость и стыд // Новая газета во Владивостоке: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novayagazeta-vlad.ru/363/ekologiya/lora-beloivan-okeanarium-eto-merzost-i-styd.html> (дата обращения 18.11.2016).
14. Овчинников, А.И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, Д.И. Мамычева, А.В. Манастырный, М.Е. Тюрин, А.В. Юшко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 240 с.
15. Патриотизм – последнее прибежище экологии: Российские защитники природы хотят заместить импортных // Ё-Коммерсант: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2957336> (дата обращения - 16.11.2016).
16. Пчельников, М.В. О некоторых проблемах формирования экологической правовой политики России / М.В. Пчельников // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 67–70.
17. Таможенная статистика внешней торговли РФ Федеральной таможенной службы: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:6:805698773702163::NO::P6_REQUEST:NEW (дата обращения 18.11.2016).
18. Тимофеев, А. Сумеречная зона: Дальний Восток России на мировом рынке морских животных / А. Тимофеев // Информационное агентство REX: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52264.html> (дата обращения 17.11.2016).

19. Экологичнее, чище, умнее!: Декларация министров региона Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций // Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций : официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/env/documents/2016/ece/ece.batumi.conf.2016.2.add.1.r.docx> (дата обращения 17.11.2016).
20. Comparative Tabulation Report // CITES Trade Database: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trade.cites.org/en/cites_trade (дата обращения 18.11.2016).

© К.В. Горян, 2016

Для цитирования: Горян К.В. Российская концепция экологического права: современное состояние и перспективы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 176–184.

For citation: Goryan K.V. Russian conception of environmental law: the current state and prospects // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 176–184.

Дата поступления: 21.11.2016.

Л.И. Кирсанова¹
О.А. Коротина²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Четыре способа осмысления терроризма: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации, коллективная телесность

Различие терроризма и войны в философии не вполне устоялось. Мы предлагаем для характеристики того содержания, которое мыслится как терроризм и/или война, использовать следующие критерии: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации и коллективные тела. Место – это не ландшафт, а то, что мы именуем как «архе» – отечество, родина, которое создает алиби дискурса войны, тогда как терроризм – это номадическое пространство. К средствам войны, как и терроризма, относится все то, что приводит в действие мощь силы и огня. Винтовка создает солдата. Количество вооружений, имеющихся в наличии, продавливают его использование. Средства коммуникации – это способы легитимации террористического дискурса: объявление факта насилия терактом даже в случае, когда его причина неизвестна. Война же прерывает коммуникацию. Терракт и его последствия приводят в соприкосновение разные общественные тела: аффектированную телесность террориста (смертника и др.) и уравновешенную дисциплинированную телесность европейского человека. Аналитика телесных практик открывает нам бунтующие, перверсивные, аффектированные тела, а также тела дисциплины, послушания, т.е. субъектные, суверенные тела. Результатом исследования явилась разработанная авторами методология раз-тождествления войны и терроризма, обоснование критериев их различения.

Общей методологией гуманитарных наук остается философская герменевтика. Познающим субъектом является не трансцендентальный субъект, полагающийся на чистый разум, полученный в процессе феноменологической редукции, а эмпирический субъект, включенный в объект исследования. Оставаясь включенным в общее поле террористической агрессии, покушения и предчувствия войн, эмпирический субъект способен достичь отрешенности посредством способов дистанцирования (Г. Гадамер), создания разрыва или зазора между познаваемым объектом и познающим субъектом. Нельзя отрицать, что в современной философии исследования терроризма и войны рассматривается в контексте философии власти, феноменов массового сознания, отчуждения индивида от форм всякой социальной и общей коммуникации. Автор опирается на понимание современной ситуации в мире как Покушения (Ж. Бодриера), за которое кто-то должен ответить, что допускает способ объективного вменения вины. Методологически важным явилось различение между человеком-зоэ и человеком-bios (Д. Агамбен), что позволило авторам различить аффективные тела терроризма и суверенную телесность западного человека.

Ключевые слова и словосочетания: терроризм, террористический акт, война, дискурсы войны и терроризма.

¹ Кирсанова Лидия Игнатьевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и юридической психологии; e-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

² Коротина Ольга Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и юридической психологии; e-mail: olga.korotina@vvsu.ru.

L.I. Kirsanova

O.A. Korotina

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

There are four ways to think of terrorism: social places, means of execution (weapon), ways of communication, collective embodiment

There is no settled difference between terrorism and war in philosophy. We advise you to use the following criteria to characterize the content of what is considered as terrorism and/or war: social places, means of initiation (weapon), ways of communication and collective bodies. Place is not a landscape, but we name it "Arche-" homeland, motherland, which provides alibi war discourse, while terrorism is nomad field. Everything put into action by force and fire is considered to be means of war and terrorism. Rifle makes soldier. Available quantity of weapons encourages its usage. Media is a way of legitimation of terroristic discourse: a violence is declared as an act of terrorism even when its reason is unknown. But war breaks communication. Terroristic act and its consequences force to interact different social bodies: affected terrorist's body (suicide bomber and others) and even-tempered disciplined social body of European man. Analysis of social bodies' practices shows us rebelling, perverse, affecting bodies as well as bodies full of discipline, obedience, in other words - subjective, sovereign bodies.

Keywords: terrorism, act of terrorism, war, war and terrorism discourse.

Нефилософы, как правило, не интересуются подробностями различения войны и террора, им все ясно: это суть одно – смерть, насилие, несправедливость, боль, отчаяние и др. Неблагодарное назначение философа состоит в том, чтобы доходить во всем до концепции, сколь бы травматичным это ни было. Так определил свою задачу Ален Бадью, назвав статью «Философские соображения по поводу нескольких недавних событий», где речь шла о терактах 11 сентября в США [2]. Прежде чем рассуждать о фактах «горячей истории» (Франция, Париж, 2015, Россия, сбитый гражданский самолет), надо вдуматься в то, являются ли эти события повторением или это что-то другое, затем придется терпеливо допытываться, что лежит в их истоке, каковы причины, будет ли продолжение. Попробуем суммировать те определения терроризма, которые предложил французский мыслитель.

Ален Бадью отметил, что терроризм имеет три функции:

1. Терроризм определяет субъекта как того, в кого нацелен теракт, того, кто поражен, ввергнут в траур и потому должен отомстить, ответив ударом на удар. Французский президент выразил свое отношение в форме простого глагола-связки: мы пребываем в состоянии войны, призванной утвердить бытие того ужасного состояния, в котором пребывают французы, а с ними и все европейцы, – война. Президент России выразил свой гнев в плане будущности, возможности или предположения какого-то сверхсильного ответа: месть будет ужасной. Различие состоит в том, что меланхолическая констатация Ф. Оланда: это война, не отме-

нима, ибо она утверждает состояние войны, тогда как предположение о будущем (ответ В.В. Путина) допускает отступление, критику, иначе будущая месть может быть не только отложена, но и опровергнута. Никто, на наш взгляд, не станет оспаривать различие декартианского дискурса Оланда и мифологического дискурса российского президента, ибо таковы свойства ментальности тех народов, которые репрезентируют их лидеры.

2. Словом «терроризм» государство обозначает любого необузданного и/или вооруженного противника, как раз по причине его негосударственного характера. Систематически использовать вооруженные силы против другого государства имеет право только государство, в таком случае оно объявляет состояние войны через обмен нотами с помощью министров иностранных дел. Поэтому терроризм, по Бадью, это не война, а насильственное действие негосударственного характера, в отношении которого применяют такие формы, как антитеррористическая или контртеррористическая операция, полицейская операция, использование сил поддержания порядка и др. Именно такие слова использовал российский президент для обозначения операции в Чечне, ни разу он не говорил о войне. Чеченская война – это журналистский слоган, но не государственный и не политический.

Бадью считает существенным переход от террористического действия (прилагательного «террористический») к существительному «терроризм», это тот случай, когда форма скрытым образом становится сущностью. Ход мысли вполне очевиден для французского дискурса: переход осмысления по линии прилагательное–существительное – от прилагательного «террористический» к существительному «терроризм». Попробуем с этим тезисом теоретически поработать: употребление прилагательного «террористический» допускает его привязку к таким существительным, как «террористическое действие» (которому корреспондирует просто агрессивное), т.е. оно лишь усиливает значение вполне обычного акта агрессии. В случае уличной ссоры между представителями разных национальностей невозможно различить, когда это просто акт агрессии, а когда терроризм. Возникающую двусмысленность словоупотребления «террористическое действие» вместо случайного аффекта, временного ожесточения, безразличия к возможным последствиям и т.п. необходимо устранить по психологическим, политическим и юридическим мотивам. Когда любое агрессивное действие можно именовать как террористическое, у человека возникает беспокойство, ощущение того, что определение применяют неправильно, слово террористический является чрезмерно «сильным» в отношении самого действия. К сожалению, такие «взбадривающие» прилагательные, как «террористический», довольно быстро изнашиваются от чрезмерного употребления, их начинают прилагать ко всему, чем открывают простор для объективного вменения со стороны правоприменительных органов. В этом словоупотреблении официальная риторика является более сдержанной, чем журналистская, однако до полного выздоровления далеко, когда общество поражено страхом, тревогой за свою жизнь и жизнь своих детей и близких. Одним из приемов, которые используют террористы, является абсолютизация «случайной

жертвы», что делает теракт чем-то вроде природной катастрофы или несчастного случая. Неизбежно возникающий инфантильный фатализм парализует способность «жертв» сопротивляться, давать отпор, проявлять солидарность. Разумеется, болезнь не зашла слишком далеко, обзор прессы и телевидения по итогам терактов в Париже показывает, что люди проявили великолепные образцы сотрудничества, единодушия, мужества.

Замена прилагательного «террористический» на существительное «терроризм» означает субстантивирование того содержания, которое становится чрезмерно важным, сверхценным. Перед лицом терроризма (форма скрытым образом становится сущностью) возможно конституировать некое мыслящее себя «Мы», как это произошло с французами (Мы все – Шарли Ебдо, или еще проще: Мы все – Шарли...). Когда вместо формы единственного числа – я могу стать жертвой теракта, появляется представление о множественности (единая Европа, европейские народы и т.п.), возникает ощущение могущества, эйфория множественности, бесконечности и неделимости массовидного тела, чувство бессмертия (всех не убьешь). Это тот редкий случай, когда европейское «я», маленькое и жалкое перед лицом безликого, безъязыкого варвара замещается грамматической множественностью – МЫ. В именовании Мы достигается эффект инаковости – Они не Мы, этот терроризм для нас – Другой – исламский варвар (выражение Бадью). Заметим, что Европа имела свой собственный терроризм – итальянский («Красные бригады»), немецкий, французский маоизм в духе Кон Бендита и др. Однако сегодня эту историческую форму европейского экстремизма никто не ставит в одну связь с современным терроризмом. Бадью рассуждает далее: терроризм – это несуществующая субстанция, пустое слово. Но эта пустота драгоценна, поскольку ее можно заполнить. Совершенно строгое философское высказывание звучит так: всякая субстантивация формального прилагательного требует господствующего предиката. Сегодня предполагаемый субстанциональный носитель того, что называется «терроризмом», не может не получить предиката «исламский», что сводится к констатации того факта, что имеет место политическая инструментовка религии. Бадью предупреждает: когда инструментируется религия, товар субъективный и крайне непослушный в руках хитрых и жестоких политиков, людям следует быть крайне осторожными.

3. Обратимся к символическому регистру терроризма. Теракт как символ представляет собой послание, объявление о чем-то, демонстрацию. Совершенно очевидно, что некоторые теракты являются простым сообщением: просто знайте, мы есть; другие же содержат более развернутое сообщение. Теракт не прерывает коммуникацию, стороны продолжают обмениваться транзакциями, какими бы ужасными они ни были. В символическом обмене коммуницируют истинные устремления, ценности, смыслы, т.е. террор имеет отношение к нравственности. Либеральная точка зрения, имеющая хождение во французской литературе, публицистике, философии, состоит в следующем: проблема голоса и его отсутствия – вот маршрут, по которому может пролегать мысль (Софи Ваниш; 5). Разберемся с аргументами: западное общество, слишком благополучное, комфортабельное заключает

себя в понятие «МОЕ бытие... как бытие другого», а потому не может видеть себя адресатом иного послания (исламистского). Оно видит это послание как препятствие, а себя как мишень, как то, во что нацелены эти другие (исламские варвары) с целью разрушения и уничтожения. Для решения моральных задач защиты «своего» против «чужого» Запад активно использует факты разрушения варварами того, что является культурным кодом европейцев – драгоценные развалины, христианские святыни, неприкосновенность жизни «белого» человека. Вслед за Дж. Агамбенем заметим, что именование «террорист» включает в себя дисквалификацию всех тех, кто отождествляет себя с исламом, всех тех, кто угрожает, кто вооружен, кто хотя бы на них походит [1]. Террорист – это прием политического и юридического исключения, к которому охотно прибегают все западные демократии ввиду «невыносимой опасности». Неразрешимой становится проблема – как превратить возмездие в правосудие. Все страны традиционной западной демократии позиционируют себя как правовые, что предполагает не только предъявление факта преступления, но и признание вины, тогда как возмездие отменяет вопрос о субъективизации действия, допускает наказание без вины.

Разберемся с аргументом: право на речь, которое как минимум предполагает то, о чем говорит, за словами так или иначе присутствуют вещи, и того, кто говорит [9]. Общая всем нам современная мифология утверждает, что слова и вещи разошлись: демократия для восточного мира не предполагает национальную независимость, а права человека не корреспондируют с правом распоряжаться ресурсами собственной страны и проч. Все верно, однако под мифом всегда таится альтернативная правда. Миф говорит правду, обоснованию этого тезиса Р. Барт посвятил книгу «Мифологии» [3]. Поверхность англосаксонской мифологии – права человека, не скрывает того факта, что речь идет о правах белого человека, мужчины и собственника, истина заключается в праве сильного брать то, что ему не принадлежит. Сколько бы словесная риторика ни маскировала реальность все новыми покровами из никчемных и пустых слов, в известный момент сознание людей начинает противиться лжи, распознавать «другую» правду. Исламский мир артикулирует себя из места, где есть нефть, и весомость этого «слова» такова, что оно отменяет все иные аргументы: идет война за ресурсы. Вторая сторона права на речь предполагает ответ на вопрос: кто говорит? Необходимо понимать, что ценность аргументации, опора на доказательства, умение держать тезис являются ценностями западного мира наряду с истиной, красотой, благом. В основе христианской цивилизации стоят апостол Павел, Ориген, Августин, Аквинат, а обоснование себя, само-обоснование, является принципом политической и социальной жизни западного мира. Радикальный ислам аргументирует... аффектами: чрезмерное насилие, молчаливое ожесточение, безразличие к мукам как чужим, так и своим, приверженность к огню и разрушениям, ненависть, отчаяние, зависть и прочее. Делез, знаток спинозистской этики, располагает причины аффектов вне индивидуальности, из-за чего наша способность к могуществу над своими желаниями уменьшается или вовсе блокируется [6]. Аффекты как пассивные состояния, имеющие внешнюю причину, всегда равнозначны бессилию, тогда как речь и действие

в соответствии со словом принадлежат к свободным и активным состояниям, потому что основываются на познании себя, вещей, идей и проч. Можно предположить, что человек существует как бы в двух потоках: в непрерывном потоке аффектов, страстей, другой поток связан с рациональностью, необходимостью определений, разыскиванием доказательств, формулированием и артикуляцией сложных идей.

Поэтому правом на речь недостаточно просто наделить, это право нужно присвоить, субъективировать, в отношении исламского мира это более чем необходимо, учитывая традиционную слабость исламского богословия, за исключением суффизма [6]. Богословские трактаты служат не столько целям обоснования веры (это дело богословов), сколько задачам самообоснования верующих. Очень может быть, что попытки говорить из места верующего исламиста сегодня кажутся нам неуклюжими. Не забыть бы нам притчи: в Ассизском монастыре у одного монаха был ужасный акцент, отдававший его родной Калабрией. Монахи смеялись над ним. Он был чувствителен и перестал разговаривать, если только не надо было предупредить о чем-то непредвиденном, о несчастье, о каком-то событии, которое достаточно важно само по себе, чтобы его акцент мог пройти незамеченным. Между тем, он любил поговорить: случалось, он сам придумывал катастрофы. И поскольку он был искренен, ему удавалось их вызывать [8].

Терроризм и война, какие войны мы ведем, можно ли говорить о войне или ее следует отрицать, одно ли и то же война и вооруженная операция, вооруженный конфликт? Можно ли называть войной событие, которое ставит нас под угрозу смерти? Но тогда под это определение подойдут природные катастрофы, наводнение, цунами, смерчи и просто несчастные случаи [4]. Чтобы рассуждать о войне и ее отличии от терроризма, необходимо задать критерии, которые позволяют определить понятие в строгом, а не расширительном или метафорическом смысле. Предлагаем для характеристики войны использовать следующие критерии: место, средства производства (оружие), средства коммуникации и коллективные тела. Место – это не просто место, где применяют оружие, это подходящее место, которое гарантирует правомерность использования вооружений, а следовательно, алиби присутствия военных, а также устойчивость политического и государственного дискурса. Ясно, что капитал наиболее достоверен на фабрике и в банке, рабочий – у станка, а воин – на своей земле, где он защищает отечество. Подлинная война – отечественная, в которой народ как полное целое, а не нация, классы или элиты борются за выживание. В слове «война» имеется оппозиция: единое и партикулярное. Война – это «архе», то единое, что наличествует для «всех» данного народа, для всех без исключения, война, в которой возникает такая форма связности всех со всеми, которую называют одна судьба и даже участь [9]. Партикулярное относится к области того, что может дробиться, распадаться на множественности – национальные, классовые, социальные, религиозные и т.д., когда народ не осознает себя как политическое и государственное целое, а потому в событии войны пребывать не может. Российское государство и его вооруженные силы могут находиться в состоянии вооруженного конфликта в Сирии, например, или где-то еще, но народ как «архе», как первоэлемент и первопричина единого не может быть верным

событию войны. Верность событию, пребывание в его истине, причастность к нему, присутствие в бытии допускают как рациональные, так и интуитивные моменты, что указывает только на степень зрелости этого целого, но не на его отсутствие. Когда возникает нужда в едином, общем для всех деле, русские четыре дня на всех радио и телеканалах читают «Войну и мир» Толстого.

В отличие от войны как «архе» терроризм как и контртеррористические операции, составляют часть политики западного, российского и китайского мира, являются продолжением современной науки и технологий, вписываются в систему «двойных» стандартов морали. Акт терроризма подчиняется схеме причинно-следственных связей, которыми пользуется разум, никакого провала в бытии или изъяна в способности мыслить не производит. Терроризм – это отражение нашей способности познавать мир, воздействовать на мировые процессы, подчинять своим интересам. Исторически сложилось так, что Европа и Америка раньше других народов и за их счет обеспечили себе богатое, комфортное существование, назвав себя центром цивилизованного мира. Неудивительно, что на его периферии возникли анклав «нецивилизованного» существования – Ирак, Афганистан, Сирия, Ливан и др., которые сегодня пытаются прорвать пояс цивилизации разными способами: терроризм, миграция, создание «исламского» государства. Внутри европейского замкнутого пространства комфорта и благополучия такое проникновение «аномальных» индивидов рассматривается «правыми» как что-то неразумное и нетерпимое, а либералами как возможность осуществить цивилизационную миссию. В течение небольшого отрезка времени наблюдается сдвиг значений у либералистов: сначала под миссией понимали образование, профессиональные школы для мигрантов, социальные пособия, цивилизационные преимущества, а сегодня – просеивание миграционной среды полицейскими методами, кордоны, создание мест удержания и контроля и проч. Более того, раздаются голоса европолитиков, встречающих все большее сочувствие у обывателей, с намерением отодвинуть границы «девиации» до Турции и Африки. Это означает, что замечательная западная «машинка» разума либо сломалась, либо существенно поломана. Кто-то другой как «черный демон» приходит в дом европейца, занимает его место на заправке, в супермаркете, на улице, в баре, и это квалифицируется как порча, покушение на европейские ценности. Слово-мана «европейские ценности» не действует на представителей тела-зоэ. Практики заклинания, умиротворения и умилоствления вызывают у мигрантов прямо противоположные аффекты: ненависть, зависть, агрессию, злобу. Необходимо обратиться к критерию телесности, чтобы понять разницу между теми общественными телами, которые вошли в соприкосновение. Разум западного человека с помощью технологий машинизирует общественное тело, приучает его к послушанию и порядку.

Работа М. Фуко «Надзирать и наказывать» о тотализирующих практиках власти через школу, больницу, тюрьму, армию считана с западной ментальности. Исламское общественное тело воспринимает техники цивилизации как внешние по отношению к себе, как абстрактные, нарушающие их биологическую и религиозную схемы тела. Здесь уместно вспомнить о различии диониссийской

и аполлонической телесности, попытке, которую предпринял Ницше задолго до того, когда произошло нынешнее цивилизационное столкновение. Всякое общественное тело представляет собой поле битвы между телом-зоэ и социальным телом, с той лишь разницей, что в одних преобладает порыв стихийных сил, связанных с биологической природой человека (аффекты, страсти, согласно Спинозе), в других – сил порядка, дисциплины и формы. Дионисийство – это стихия, имеющая место, которую человек способен либо укротить внешним деянием (пятикратный намаз), либо внутренне переработать в формах мировоззрения и морали. Почему террор, почему оружие? Винтовка рождает человека? В оружии, как таковом, опредмечена «битва» материалов: биологический материал (человек) производит не-человеческое – сталь и огонь, т.е. он сам становится средством господства и разрушения. Оружие как средство тотального разрушения (война как поле дионисийства – идея принадлежит Эрнсту Юнгеру) овладевает дионисийскими силами, совпадает с ними до полного слияния. Овладеть «механической смертью» – винтовкой, автоматом гораздо проще, чем любым другим орудием – трактором, станком или даже плугом. Аффектированные общественные тела соединяются с разрушительной силой оружия и действуют как единая мощь стали и огня. Апостол Павел сравнивает веру с делом (молитва и труд – однопорядковые явления), любовь – с тяжелой работой, трудом, тяготами. Молитва, как и труд, отсылают к стойкости, упорству, терпению. Теракт – мгновенное, формальное действие: «бах» – и ты на небе. Воины аллаха – обычное словосочетание, но нет ли здесь противоречия? Воин, который превращен в инструмент воли Другого, способен только к внешнему подчинению, он не господин самому себе, а раб веры. Вот как, например, излагает дзэнское послушание Т. Судзуки: «Когда наносится удар по кремнию, из него высекается искра, и между этими событиями нет никакого временного разрыва. Если приказано: Направо! – надо сразу же, со скоростью молнии, повернуться направо. Если выкрикивается чье-то имя, например, “Уэмон”, следует просто ответить “Я”, а не задумываться, почему выкрикнули именно твое имя» [7]. В соответствии с этим подходом можно предположить, что воин аллаха не выступает как личность, он полностью аффектирован другим, он ни в коем случае не сам, но меч разящий.

Террор и покушение – еще одна понятийная связка, которая позволит нам определить терроризм как экзистенциальное переживание. Атмосфера жизни современного западного человека, как и россиянина, – это Покушение, мы проживаем под знаком того, что на нас покушаются. Террор отличается от цунами, наводнения, землетрясения и др. тем, что природные и техногенные катастрофы не выходят за порядок «несчастливого случая», за который никто не отвечает. Даже разлив нефти из танкера только условно является «виновным», потому что за аварией стоят силы моря, стихии, предустановленные дефекты технических средств и проч. Покушение – это результат чьего-то злого умысла, это чье-то вредительство, а значит – за это кто-то должен ответить. Необходимость ответить вызывает фигуру «Возмездия», которая способна призвать силы Ада на голову врагов.

Ситуации Войны и Покушения различаются. Война предполагает врага, который пространственно локализован, отделен от нас государственной границей, с ним прервана публичная коммуникация, более того – противная сторона артикулирует себя как врага, распространяет ноты протеста, угрожает и проч. Каждая из сторон обозначает себя из места нации, народа, государства. «Исламское государство» – это перверсивное место, оно без-местное, номадическое, кочевое. Без-местность, кочевничество того, кто покушается, делают его неопознаваемым, а потому более опасным, чем все прежние враги (известно, где Америка, Германия, а где исламское государство, не знает никто). Тот, кто покушается, пространственно не локализован, он не имеет места, точнее он – везде, в каждой точке пространства может обнаружить себя самым неожиданным образом. Без опространствливания, без территоризации «потенциальные жертвы» пребывают в состоянии параноидального страха, теракт может произойти в любой точке мира, в любое время, его нельзя предвидеть, чтобы спастись. Войны так не ведут: в войне ясно, где свои, а где чужие, именно поэтому терроризм – не война. Большое значение имеет символический регистр терроризма, без артикуляции, которая всегда задерживается по отношению к факту (гибель российского самолета и объявление теракта отстояли по времени), люди пребывают в страхе, тревоге, опасности. Именование приносит облегчение, несмотря на трагический регистр значений – количество погибших и раненых, средства взрыва и др. Имя того, кто покушается, обладает свойством демонической оборачиваемости: вчера это был владелец кафе или служащий аэропорта, а сегодня – террорист, значит, покушаются... все и никто. Внезапно, одним скачком возникает враг и «воин», который автоматически выполняет функцию устранения. Сформировалась новая субъективность, которая ставит под вопрос возможность отклика на призыв другого. Допустимо ли окликнуть исламиста: кто ты? Можно ли получить ответ от того, кто не включен в регистр того, кто откликается? Поясню: Авраам? – Вот – я. Отклик возможен только потому, что вера его велика есть, потому что он знает Бога.

Террористическая телесная машина – это не исламское религиозное тело, как можно предположить, это гештальт [10]. Целое гештальта, как показал Юнгер на примере рабочего, не состоит из совокупности частей, это есть нечто трансцендентное по отношению к отдельному исламисту, к массе исламского народа и даже мусульманской телесности. Общественное тело исламиста – это гештальт, который безразличен в отношении тел, посредством которых он себя конституирует – англичанин, француз, русский, араб – только органы этого жестокого и беспощадного механизма.

-
1. Агамбен, Дж. НОМО SACER. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Изд-во «Европа», 2011.
 2. Бадью, А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий / А. Бадью // Критическая масса. – 2002. – № 1. – С. 32.

3. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989..
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ. – 2006. – С. 287–288.
5. Ваниш, С. Революционный террор и терроризм / С. Ваниш // Мир в войне: победители/побежденные. – М.: Фонд научных исследований. Прагматика культуры, 2003. – 203 с.
6. Делез, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. – М.: ПЭРСЕ, 2000.
7. Жижек, С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М.: Изд-во «Европа», 2009.
8. Полани, Ж. Тарбские цветы или террор изящной словесности / Ж. Полани. – СПб., Наука, 2000.
9. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; пер. с франц. – М., Касталь, 1996.
10. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловского. – СПб.: Наука, 2000.

© Л.И. Кирсанова, 2016

© О.А. Коротина, 2016

Для цитирования: Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Четыре способа осмысления терроризма: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации, коллективная телесность // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 185–194.

For citation: Kirsanova L.I., Korotina O.A. There are four ways to think of terrorism: social places, means of execution (weapon), ways of communication, collective embodiment // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 185–194.

Дата поступления: 22.11.2016.

С.В. Качурова¹

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
Харьков. Украина

Е.В. Качуров²

Национальный аэрокосмический университет им. Н.Е. Жуковского
«Харьковский Авиационный Институт»
Харьков. Украина

С.С. Шестопал³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия.

Присутствие религии в евразийском социуме

Исследуются две глобальные проблемы современного религиозного сознания, обострившиеся в последнее время в евразийском пространстве. Первую оно наследует из своей истории – это проблема религиозного выбора. Вторая обусловлена вступлением в современность феномена светского государства. Здесь верующий, будучи одновременно гражданином этого государства, сталкивается с противоречием религиозной нормы и гражданского закона. Рассматриваются основные формы разрешения этого конфликта и актуальные проблемы религиозного сознания в контексте современного государственного и геополитического устройства Евразии. Основное внимание уделено происхождению и разрешению противоречий между традициями религиозного выбора, существующими в том или ином социуме, и современным светским государственным устройством.

Ключевые слова и словосочетания: присутствие религии, религиозная норма, светское государство, знание, противоречие, террор, философия религии.

S.V. Kachurova

Yaroslav Mudryi National Law University
Kharkov. Ukraine

E.V. Kachurov

Zhukovsky's National Aerospace University. "Kharkiv Aviation Institute"
Kharkov. Ukraine

S.S. Shestopal

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The presence of religion within the modern Eurasia

Urgent problems of the religious consciousness in the context of the modern state and geopolitical Eurasian structures are highlighted in the paper. Emphasis is placed on the origin and resolution

¹ Качурова Светлана Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры логики; e-mail: kachurove@mail.ru.

² Качуров Евгений Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии; e-mail: kachurove@mail.ru.

³ Шестопал Сергей Станиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: ss.shestopal@ya.ru.

of contradictions between the traditions of religious choice, existing in any given society and the modern secular state system.

Keywords: Religious norm, a secular state, the knowledge, the contradiction, the terror, the philosophy of religion.

Постановка проблемы

Dasein – важнейшее понятие «Бытия и времени» М. Хайдеггера. Определяя его значение, В.В. Бибахин находит ему эквивалент в слове «присутствие». Оправданием этого служит фраза, однажды услышанная им у православного священника на проповеди: «Вы должны не словами только, но самим своим присутствием нести истину» [1. С. 223]. Действительно, данное понятие очень точно определяет место человека в космосе вообще и религии в обществе в частности. Религия (причем, любая ее форма) именно так старается вести себя по отношению к другим феноменам человеческого бытия. «Как свет, свободно распространяясь в пространстве, не беспокоя предметы грубым прикосновением, открывает для зрения их очертания (делает их зримыми), почитание священного призвано подчеркнуть тщету всего мирского. Подобно свету, религия позволяет увидеть мир мирским, а значит, отделить мирское от святого (слова «свет» и «свят» из одного истока)» [6. С. 8].

К сожалению, присутствие религии в жизни современного общества не так безоблачно, как кажется на первый взгляд. Евразия, в отличие от Запада, еще прожевывающего остатки колониального пирога¹, болезненно переживает противоречия в экономике², политике³ и идеологии⁴. Упомянутая «троица» важнейших участников⁵ современности деятельна; здесь каждый играет свою отдельную роль. И, тем не менее, должен быть в этой постановке тот, кто на сцене олицетворяет собой целое. Это – ролевая функция религии.

Теперь представим, что в душе этого присутствующего лица (этой царственной особы) происходит некий разлад. Какое-то внутреннее противоречие, какая-то нерешенная проблема изнутри гложет его, дестабилизирует его самоощущение. Естественно, все это моментально отражается на характере происходящего вокруг него; из-за подобного разлада все может пойти ходуном.

В действительности есть не одна, а целых две проблемы, с которыми сталкивается присутствие религии в мировом, особенно евразийском, социуме. Одна досталась религии в наследство от ее истории, другая – чисто современный казус.

Сущность первой обусловлена противоречием, которое возникает внутри религии как таковой благодаря столкновению разных религиозных форм. Вторая

¹ Здесь имеется в виду так называемая «социальная политика» сверхдержав, когда они часть прибыли от продажи товаров на внешних рынках, которые они же и контролируют, имеют возможность направлять на нужды *своих(!)* неимущих.

² На мировом рынке монополисты препятствуют даже намекам на конкуренцию.

³ В «Большой семерке» исключение составляет только Япония (да и та бывшая азиатская колониальная империя), все остальные участники – Запад.

⁴ Трудно вести современные, так называемые «гибридные» войны, явно уступая своим противникам в первых двух факторах. Общеизвестно, что пропаганда тем эффективнее, чем больше в нее вложено денег, с одной стороны, и чем сильнее за ее спиной государство – с другой.

⁵ «Наличие», «участие» и «присутствие» в одном и том же событии. См.: [7].

проблема вызвана доселе невиданным противоречием, настаигающим всякую современную религию, когда она вынуждена считаться с феноменом светского государства. В наши дни конфессиональное умонастроение обречено рефлексировать в этот феномен, порой сливаться до тождества, а порой всеми доступными средствами обособляться от него.

Таким образом, к постоянной (даже привычной) «войне» одной религии со всеми другими, отличными от нее религиями, добавился «второй фронт». Не слиться с другими религиями (тем самым сохранить свою идентичность), с одной стороны, и не отождествиться со светским (мирским) сознанием – с другой, – вот «крест» любой современной религии. Болезненней всего это противоречие ощущается на евразийском пространстве как раз благодаря тому, что внешние факторы, сглаживающие подобный диссонанс, здесь, в отличие от Запада⁶, отсутствуют.

Несмотря на всю эмпиричность психоанализа, есть в его опыте один важный вывод, имеющий отношение к обсуждаемому вопросу. Уже простое «проговаривание» какой-то проблемы, когда вербализируются смутные переживания, есть опыт сублимации ее [12]. Сам факт ее осмысления переводит проблему в совершенно иную плоскость. У Гегеля то же значение имеет знаменитое *aufheben* – снятие (уничтожить, сохранить, возвысить).

Определим точнее сущность и источники, вынуждающие современную религию к конфронтации в двух обозначенных плоскостях. В горизонте таким образом поставленной познавательной задачи должна проясниться также и причина негативной гиперактивности некоторых современных верований⁷, традиционно относимых западной пропагандой к евразийским.

Проблема религиозного предпочтения

В сознании каждого человека⁸ место религии четко зафиксировано. В нем присутствует некое (пусть логически не упорядоченное, а скорее иррационально согласованное) знание, при помощи которого он оценивает всякого рода сущее. Это – то, что древние индийские мыслители называли праманой, греки – критерием истины, а философы Нового времени – достоверностью. Его находят в священных текстах или устных преданиях, воспроизводят и передают через поколения с помощью традиции. Вокруг последней группируются этносы, народы, государства и цивилизации. Без всякого сомнения, религия является здесь высшей точкой идентичности и для индивида, и для социума.

Настоящей катастрофой для этой безмятежной иерархически упорядоченной системы является факт изменчивости абсолюта религиозного знания. «Почему религиозное сознание не оставляет в покое своих богов и, толкуя их, что-то привносит, а что-то исключает?» – это вопрос к философской герменевтике. Может быть, в самой природе интерпретации есть влечение к развитию, и ответ на него приведет к раскрытию феномена философии религии. «Даже простое чтение

⁶ Видимая отстраненность от этой борьбы на два фронта Запада (которого до сих пор тревожили только «выходки» сверхновых религий) является временной. Совсем в недалеком будущем упомянутая борьба станет для него актуальнейшим фактом. Терракты в Париже и Брюсселе – это только предвестники проблем, рассматриваемых в данном исследовании.

⁷ Талибан, Игил и т.д.

⁸ И в умонастроении народа, которому он принадлежит.

есть изменение читаемого!» [4]. Это касается также перевода и уж тем более – толкования.

Простое осознание одной религией того, что есть другое представление об абсолюте (у другого человека или народа) выводит ее из себя, толкает ее к иному, нерелигиозному (неприсутственному) поведению. Здесь она сама вынуждена нисходить с пьедестала присутствия в суету участников. В истории религиозной мысли упоминание о том, что, к примеру, Дигнага и его приемник Дхармакирти, происходившие из брахманских семей, вследствие логических диспутов «сознательно выбрали буддизм», увы, красивая легенда, не более того [5. С. 132].

Историческая религия только для того изо всех сил стремилась обзавестись собственным государством, чтобы противостоять наличию другой религии наличным образом. И она знала лишь одно универсальное средство для этой борьбы – война, а не философские дискуссии. Начать новую традицию значит укоренить «такое-то» понимание бога, «такое-то» – мира и человека в сознании нескольких поколений. Господь, спутав языки, знал, что человечество по-разному станет понимать его самого. Он знал, что этим само единство человечества станет разным. Для него это разделение было осознанным, тогда как для человека оно осталось бессознательным актом.

Все современные религии наследуют данное противоречие «одного и многого». Сознательно адепты этих религий на разных языках не устают повторять: «Бог в сущности один!», но в противоположность этому они же, внутри своей души, за истину считают другое. «Какие же мы разные!» – вот бессознательная максима самого факта существования одной религии и точно такого же факта для нее других религий.

Нет никакой возможности в форме религиозной веры разместить в одном сознании множественность абсолютов специфических религий. А раз так, то насущным становится их наличное устранение. Ныне разгорающийся конфликт на Ближнем Востоке есть еще одна иллюстрация этого процесса. Экономические, этнические, политические или идеологические факторы, конечно, важны при осмыслении этих событий. Но в глубине их истинной причиной является «естественное» историческое противостояние каждой религии всем остальным и всех против каждой. Формула Гоббса относительно гражданского общества не потеряла актуальность до сих пор, в том числе и применительно к современным религиям.

Подобным образом в наши дни продолжает протекать «вертикальное» противоречие религиозного сознания, когда индивид вынужден одну религию предпочесть всем другим (лишив их истинности внутри себя), а одно общество стремится закрыть себя от всех других обществ, причем всеми возможными средствами⁹.

Соперничество светского закона и религиозной нормы

Рассмотренная противоположность «одного и многого» религии находится «внутри» сознания. Невозможно представить себе верующего, который был бы «свободен» от нее. Она – движущая сила всемирной истории, правда, сила, не осознаваемая самим верующим. Для нас здесь крайне важно то, что разрешается

⁹ В том числе и с помощью ядерного оружия, как например, Северная Корея.

противоречие, создаваемое этими противоположностями, характерным способом «вынесения его вовне». Человек признает свою религию как данность. За точно такую же данность он склонен считать чуждую религию и шире – все остальные. Да и сама религиозная борьба для него подобна природной борьбе за существование. Это противостояние является для него его роком и судьбой.

Но вот двойственность совершенно иного рода, которая образовалась совсем недавно. Еще и сто лет не прошло с тех пор¹⁰, как в религиозном сознании разместилась противоположность, которую никаким внешним образом не разрешить. В одно и то же время в одном и том же «месте» современного сознания, наряду со знанием абсолютного закона «своего» («родного») бога расположилось знание другого божества – верховенства права.

Феномен светского государства, закрепившись в мире, показушно взял на себя роль посредника в извечном религиозном конфликте, обещая принести, наконец, мир на эту многострадальную почву. Но на деле оказалось все не так просто.

Здесь, прежде чем конкретизируем эту вторую форму противоречия современного сознания, сделаем одно замечание. Следует сразу же отклонить как непродуманные указания на то, что не только возможно, но и действительно существует в мире якобы чисто атеистическое, нерелигиозное сознание. Такое «сознание» если и существует, то только у детей в очень раннем возрасте или у психически ненормальных. Без присутствия «царя в голове» – религии, не может обойтись ни один человек; она – суть его самосознания¹¹.

Сознание законов человеческого общежития, свободного от влияния всякого частного вероисповедания, разместилось ровно посередине между сознанием единства всех религий и их непримиримой разницы. Но это внешне красивое умозаключение по факту привнесло в индивидуальное сознание настоящую сумятицу. То, чего ему удавалось ранее благополучно избегать, наконец, окончательно постигло его. Прежде вечная ненависть исторических религий друг к другу выносила противоречие из головы религиозного сознания на поля сражений, чем обеспечивала ему относительный уют. Теперь же это противоречие разверзлось в нем самом и потребовало разрешения там же.

В истории человечества с подобной проблемой имел дело специфический опыт искусства и философии. Первое в одном пыталось совместить форму и содержание (природное и духовное), вторая – мышление и бытие. Теперь же обыкновенный обыватель, обдумывающий какое-либо действие, вынужден, с одной стороны, соотнести его правомерность с основами той религии, которую он исповедует, с другой – с Верховенством права. Священная книга его религии и конституция его государства разместились на его журнальном столике не в приоритетной, а в паритетной плоскости. И не факт, что рекомендации этих законов относительно какого-либо действия тождественны. А если даже они совпадают, то знание того, что все равно это – два разных источника, разрывает его сознание.

¹⁰ 1-я поправка к Конституции США 1789 г. о свободе вероисповедания – это лишь еще случайный симптом. Только после Второй мировой войны можно говорить о светском государстве как свершившемся факте всемирной истории.

¹¹ Атеизм, нигилизм, деизм и проч. являются модификациями того же самого религиозного сознания.

В этом смысле евразийские конфликты, вызванные деятельностью, например, крайних исламистов, для самих инициаторов этих столкновений создают «облегченный» вариант разрешения этого противоречия. Например, суннитское государство в наши дни может существовать только в трех формах: военной диктатуры, власти духовных авторитетов (фетва) или как элемент халифата. Пытаться привнести в народ, который осознает себя только в таком виде религиозности, идеалы западной демократии, значит проявить либо глупость, либо подлость [6]. Во всех случаях здесь налицо историческое противостояние религии (иерархическая вертикаль).

Когда же мы имеем дело с удвоенным сознанием гражданина светского государства, например, России, Китая или Индии, то за внешне более спокойной формой (чем у какого-нибудь смертника из Игила или Талибана) разворачивается внутренний конфликт двух взаимоисключающих субстанций – светского закона и религиозной нормы. И если отказаться от понимания государства как какой-то внешней, стоящей над человеком силы, а осознать его как наличную реализацию его собственной духовности, то суть указанного противоречия такова: с одной стороны, гражданин государства, объявившего в своей конституции равенство всех религий перед законом, вынужден полагать его (это равенство) в своем собственном сознании; с другой – в конкретной жизненной ситуации: когда рождается ребенок, когда заключается брак, когда нужно хоронить близкого и т.д., ему приходится приглашать на крещение, на свадьбу, на похороны и т.д. одного(!) священника от одной религии. Всем другим он вынужден отказать. Здесь он обречен на выбор. Здесь равенству нужно предпочесть неравную истинность религий. Тут уж не до сантиментов!

Но когда он, светский человек, получивший обязательное светское образование и воспитание, проявляет уважение ко всем религиям, то он для своей – еретик, хуже – иноверец. Когда же он, наоборот, тщательно и искренне выполняет все религиозные обряды родной «религии», наконец, конфессиональную самоидентификацию связывает только с ней, то он самим этим предпочтением оскорбляет чувства всех остальных пяти с половиной тысяч религий, пережитых в целом человечеством.

Повторяем, подобный конфликт в сознании современного человека стал возможен именно благодаря выходу на сцену всемирной истории феномена светского государства. Крупнейшие евразийские страны приняли именно данную модель за стратегический ориентир. Только здесь, как было указано ранее, рассматриваемое противоречие, не имея экономических и политических сдерживающих средств (как на Западе), с необходимостью принимает более сложные и запутанные формы. Так, Российская Федерация в новой редакции Закона о свободе религии, признавая в преамбуле некоторые религии «традиционными» для своей истории и вводя пятнадцатилетнее ограничение на регистрацию организаций новых религий, в сущности, пусть в завуалированной форме, сама того не желая, обостряет указанное противоречие «предпочтения». То же происходит и в Китае, когда в наши дни в виде эксперимента начали практиковать преподавание для детей конфуцианства (вплоть до зубрежки) [8. С. 8].

Диалектика противоположностей в евразийском религиозном сознании

По «крестовине» вертикального (иерархического) и горизонтального (равнозначимого) осмысления абсолютной сущности бытия протекает религиозная жизнь современного человека. К слову, еще греками были замечены обе формы рассматриваемых проблем. Противоречие двух равноправных и при этом субстанциональных (т.е. претендующих на присутственное место) сил они назвали трагедией. Гений Софокла выразил в «Царе Эдипе» и «Антигоне» прообразы обоих рассматриваемых нами конфликтов. На протяжении прошедшей истории мир знал один способ их разрешения, тогда как в современности этот способ оказался просто невозможным¹².

Присмотримся ближе к диалектике обеих пар противоположностей современного религиозного сознания. Вот первая. Будучи традиционной и исторической, одна религия, изо всех сил стремящаяся сохранить свою идентичность, тем самым сама же себя губит. Она, вопреки своим желаниям, сама полагает не просто другую (особенную), но всеобщую религию, вероучение, долженствующее поглотить в себе все ограниченные религии. Понятия «граница» и «предел» обладают коварнейшими качествами для того сущего, которое их полагает. Например, государство, защищаясь от иного государства, на своей границе вынуждено скорее подвергать отрицанию само себя.

Здесь для отдельной религии дело вовсе не во внешних врагах. От них можно попытаться закрыться кордонами, армиями и т.д. Но что делать с подозрением, что среди «своих» есть чужие? А таковые точно есть. Только как распознать этих прячущихся иноверцев?

В 1430 г. Жанну д'Арк привезли в Руан, где инквизиция обвинила ее в ереси. Но как церковь выяснила, что обвиняемая «на самом деле колдунья и только хочет казаться христианкой», ведь сама-то Орлеанская дева данное определение отрицала? Адресуя этот вопрос и себе, и обвинителю Жанны – церковной инквизиции, заметим следующее: как мог дознаватель узнать в Жанне колдунью, т.е. отличить ее от подлинного христианина, предварительно не установив тождества того и другого? Как можно определить разницу между тортом и пряником, не осознав, что то и другое суть кондитерские изделия?

В наши дни президент Сирии Асад, будучи по происхождению алавитом, принимает суннизм. И вот почти 20-миллионное население Сирийской Арабской Республики ломает голову над извечным вопросом: кто такой на самом деле Башар Асад? Отбросил ли он веру в переселение душ или только прикрывается суннизмом в стране, где мусульмане этого направления составляют превосходящее большинство?

Так постепенно раскручивается маховик поиска общих черт первоначально пестрой палитры конфессионального мышления. Отсюда совершенно правы те политические эксперты, которые настоятельно рекомендуют современной Сирии движение в сторону светского государства.

Но что такое держава, объявившая принцип отделения от себя церкви? Это – государство-носитель того самого совершенно неопределенного момента всеобщности, который получается в остатке, если дать возможность какой-нибудь

¹² Фактор ядерного оружия.

конкретной религии абстрагироваться от своей собственной идентичности, за которую она «дралась» с другими религиями по ходу всемирной истории.

Рассмотрим теперь обратное диалектическое движение. Первая поправка к конституции США, действительно, была «первым национальным инструментом сохранения религиозной свободы в письменном конституционном документе» [8. С. 9]. Но, как замечает цитируемый источник, «современная интерпретация этой формулировки часто забывает о том, что первоначальная часть «неучреждения» этой клаузулы заключается не только в том, чтобы исключить учреждение национальной церкви, но также и в том, чтобы удержать федеральное правительство от вмешательства в дела существующих учрежденных церквей во многих первоначальных штатах» [8. С. 9]. Выходит, почти за полвека независимости¹³ отдельные штаты, теперь уже суверенного государства США, поспешили зафиксировать первичность какой-то религиозной особенности. Но почему?

Ответ на этот вопрос находится в кругу тех же явлений, что и упомянутая фиксация некоторых религий «традиционными» в новой редакции Закона РФ попытками возродить конфуцианство в Китае и т.д. Дело в том, что Верховенство (светского) закона, сумма общедемократических положений о «священстве» института собственности, семьи, выборности органов власти и т.п. есть точно такая же абстракция, как и человек «вообще», дерево «вообще»... Преимущество человеческого духа перед сущностями природы заключается в том, что он способен полагать единство (пусть диалектическое, противоречивое и болезненное) всеобщего и особенного. Х.-Г. Гадамер точно проиллюстрировал этот опыт с помощью понятий юридической и теологической аппликаций [9. С. 167].

Евразийские страны совсем недавно пережили самораспад Советского Союза. До сих пор вопрос о необходимости этого для многих остается открытым. Почему это произошло? И это при всем том, что форма идеологии коммунистической партии, долженствующая снять противоречие между абстрактной сущностью светского (даже атеистического) государства и конкретными национальными особенностями (группирующихся вокруг своих религий), была в сравнении с двумя другими идеологиями¹⁴ самой развитой. Семьдесят лет благодаря этой максимально приближенной к науке форме коммунистам удавалось удерживать как «вертикальное», так и «горизонтальное» противоречие религиозного сознания. И все равно – тщетно. На смену интеграционным процессам пришла дезинтеграция. Диалектика обособления всеобщего и, наоборот, – суть внутренняя необходимость религиозной жизни всякого социума. Подобная судьба ждет также и Европейский союз. Влиять на этот процесс могут внешние для него факторы¹⁵, но отменить не может никто и ничто.

Религиозный терроризм – это грозное явление наших дней, обусловленное невозможностью для человечества традиционного исторического снятия диалектики «одного и многого» посредством локальных войн. Это – с одной стороны. С другой – фактор «ядерного оружия» дополнился внутренней разделенностью во всяком

¹³ Пока в 1830 г. «последний штат (Массачусетс) положил конец учрежденной церкви» [8].

¹⁴ Фашизм и капитализм.

¹⁵ Природные ресурсы, положение на мировом рынке и т.д.

современном евразийском государстве на два абсолюта (светский закон и религиозную норму). Этот момент тем более блокировал «естественное» разрешение религиозных конфликтов. Ведь будь некто хоть трижды патриотом своей отчизны, как сможет он атаковать другое государство, если обе враждующие современные державы в моменте «светскости» суть одно и то же¹⁶? Да, в моменте религиозности они могут быть разные. Например, во время Корейской войны 1950–1953 гг. южнокореец мог осознавать себя буддистом, а его «визави» – «китайский народный доброволец» – вдохновенным последователем идей Конфуция или Лао-цзы. Но ведь этот фактор для обоих государств суть их частное дело.

Современное светское государство, формально приравняв религию к «личным причудам» вроде собирательства марок или спичечных этикеток, само того не желая, уничтожило этим отождествлением даже возможность того самого патриотизма, который питал все исторические битвы народов за свою идентичность. И оно же само, тем самым, открыло двери явлению, когда одна группа лиц принуждает угрозой насилия (или совершением его) других признать ее. Это – терроризм. Он стал тем «естественным» выходом энергии, которая накапливается по «крестовине» современного религиозного сознания¹⁷. Другой вопрос: есть ли сила, способная противостоять этому опасному «естеству»?

Заключение

Значение феномена знания¹⁸, который «раскрывает» особенную форму религии и заставляет ее устремляться к всеобщности светского закона, невозможно переоценить. Но этот же феномен составляет корень противоречия светского государства и верующего умонастроения в наши дни. Греки осмыслили это противоречие не только в художественной форме. Они создали еще и философские основания его осознания, а значит – и его разрешения. Таким образом, «в философии религия получает свое оправдание со стороны мыслящего сознания. Непосредственная набожность в этом не нуждается, она принимает истину как авторитет и благодаря этой истине испытывает удовлетворение, примирение» [10. С. 187]. Но мы наблюдаем, как после Гегеля эта «набожность» «разгулялась» по евразийскому пространству и стала сотрясать уютный мирок Запада. Тем более важную роль приобретает мышление – «этот абсолютный судья, перед которым содержание должно себя оправдать и удостоверить» [8. С. 187].

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
2. Heidegger, M. Being and Time / trans. by Joan Stambaugh, revised by Dennis J. Schmidt. – Albany: State University of New York Press, 2010, 223 p.

¹⁶ Отсюда исходит все более расширяющееся явление *бинатризма*. Представьте себе военнообязанного, стоящего на воинском учете двух государств, да и еще находящегося в состоянии войны. Для исторического государства – это абсурд. Для современного – почти обыкновенная ситуация.

¹⁷ 2 марта 1993 г. в Бомбее почти одновременно были приведены в действие 13 взрывных устройств, заложенные в помещениях фондовой биржи, представительстве индийской авиакомпании, иммиграционном департаменте, почтамте и 3 гостиницах. Погибли 400 человек. Это стало мстью мусульман за погромы.

¹⁸ Например, «в Коране корень «илм» (знание), «наука») встречается необычайно для религиозных текстов часто – около 750 раз, составляя 1% словаря» [10. С. 387].

3. Крылов, А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» / А.В. Крылов // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №. 4 (31).
4. Смирнов, Д. А. Социальное лицо Китая / Д.А. Смирнов // «Психологическая газета: Мы и Мир». – 2007. – №2 [126] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazetamim.ru/opinion/opinion/smirnov.htm>.
5. Дьюрем, К. Свобода религии: модель США / К. Дьюрем // Модели церковно-государственных отношений стран Западной Европы и США. – Киев, 1996.
6. Качурова, С.В. Судьба последних религиозных новаций / С.В. Качурова. – Харьков: НАУ им. Н.Е. Жуковского, 2005. – 278 с.
7. Качуров, Е.В. Невыносимая легкость со-бытия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srph.ru/library/>
8. Линьков, Е.С. Лекции разных лет / Е.С. Линьков. – СПб.: ГРАНТ ПРЕСС, 2012. Т. 1. – 494 с.
9. Титов, В. Д. Исторические взаимосвязи логики и юриспруденции / В.Д. Титов. – Харьков: ООО «Тип. Мадрид», 2014.
10. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.
11. Гегель. Философия религии. – М., 1977. – С. 331.
12. Деррида, Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. – Минск: Современный литератор, 1999. – 832 с.
13. Невельская-Гордеева, Е.П. Логические основания судебного доказывания / Е.П. Невельская-Гордеева, С.С. Шестопап // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – №4. – С. 136–143.
14. Шестопап, С.С. Political and legal personalism and pluralism J. Maritain's concept and treatment // Теорія і практика правознавства. – 2014. – № 1 (5).
15. Shestopal, S.S., Astakhova K. V., Astakhov V. V. Modern Dimensions of Jacques Maritains Political and Legal Personalism // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 6, S 3. – P. 192.
16. Shestopal, S.S., Oleynikov, S.N. Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law // Journal of Scientific Research and Development. – 2016. – № 3 (6). – P. 96–103.

© С.В. Качурова, 2016

© Е.В. Качуров, 2016

© С.С. Шестопап, 2016

Для цитирования: Качурова С.В., Качуров Е.В., Шестопап С.С. Присутствие религии в евразийском социуме // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 195–204.

For citation: Kachurova S.V., Kachurov E.V., Shestopal S.S. The presence of religion within the modern Eurasia // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 195–204.

Дата поступления: 30.11.2016.

М.В. Бондарь

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

К вопросу внедрения практики широкого использования экскурсии на объектах театрального и музыкального искусства в контексте развития профессионального туристского образования в регионе (на примере Приморского края и г. Владивостока)

Рассмотрены примеры современного состояния экскурсионной деятельности в Приморском крае, которая осуществляется в условиях развития сферы туризма, как одной из приоритетной отрасли услуг. Автор обращает внимание на то, что уровень культуры во многом влияет на формирование благоприятного имиджа региона средствами туристского рынка. В Дальневосточном регионе сложилась система российского туристского образования, важное место в которой занимает экскурсионная деятельность. В статье обоснован вывод о том, что благоприятной почвой для реализации просветительских, культурных и образовательных функций являются учреждения театрального и музыкального искусства. Эти учреждения являются потенциальными объектами туристского показа, требуют широкой популяризации в регионе и особого внимания со стороны профессионального экскурсоведения.

Ключевые слова и словосочетания: экскурсии, театральное искусство, концертные организации, имидж, профессиональное туристское образование, экскурсионный маршрут, объект туристского показа, Приморский край.

M.V. Bondar

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The question by the extensive use tours on theatre and music art objects in the context of vocational and tourism professional education development in the region (in case of the city of Vladivostok and Primorye territory)

The article presents examples of the current state of excursion activity in the Primorye Territory, which is carried out under conditions of tourism development as one of the priority sector services. The author pays attention to the fact the culture level has largely impact on the formation of a positive image of the region's tourist market funds. It emphasized that there is a system of Russian tourism education which occupies an important place excursion activity in the region. The relevance of the research based on the fact that institutions of culture and art are neglected while developing

new tour routes in the context of vocational tourism education. Until now, in Primorye excursions traditionally focused on the objects of nature, architecture, the history of pre-revolutionary city of Vladivostok, the military-historical heritage. However, the author puts forward the idea that the conductive base for the implementation of educational, cultural and educational functions are institutions of theatre and music. They are potential objects of tourist show, requiring widely known in the region and special attention from professional excursion.

Keywords: institutions of culture and art, tourism Primorye Territory, the creative industry, the commercialization of culture, sightseeing, theater, image.

Рекреационно-географическое положение Приморского края и г. Владивостока, уникальность туристских ресурсов способствуют устойчивому развитию территории, повышению качества жизни населения, формированию имиджа территории в Дальневосточном федеральном округе [1]. В условиях развития сферы туризма как одной из приоритетной отрасли услуг в Приморском крае сложились основы и традиции российского туристского образования, осуществляемые средними и высшими учебными заведениями края. В системе российского туристского образования важное место занимает вопрос профессиональной подготовки экскурсовода. К концу XX века экскурсия стала предметом профессиональной трудовой деятельности, требующей специальной комплексной подготовки. От специалиста, оказывающего экскурсионные услуги в местах различных видов искусств: архитектуры, театра, музыки, живописи, танца, – требуются культурологические знания и владение способами организации мероприятий.

Основной целью исследования является изучение современного состояния экскурсионной деятельности в условиях функционирования учреждений культуры и искусства как объектов туристского показа в Приморском крае и г. Владивостоке. Следуя теоретическим основам туризма, отметим, что уровень культуры во многом влияет на формирование благоприятного имиджа региона средствами туристского рынка. Это можно объяснить тем, что элементы и факторы культуры и искусства являются непосредственными каналами распределения информации о туристских возможностях той или иной местности. В.А. Квартальнов подчеркивает, что успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, но и от уникальности национального культурного значения. Поэтому представленные разумно и творчески объекты культурного наследия могут уберечь туристский рынок от единообразия и обеспечить конкурентной способностью [2].

Приморский край обладает богатым туристско-рекреационным и культурным потенциалом. Согласно информации, предоставленной Департаментом культуры Приморского края по состоянию на 19.05.2016 г., сеть государственных краевых и муниципальных учреждений культуры и искусства системы Министерства культуры РФ составляет 851 единицу. В это число вошли культурно-досуговые, культурно-образовательные учреждения и организации сферы искусств [3]. Туристский и имиджевый потенциал учреждений культуры и искусства представлен основными концертными организациями и профессиональными театрами края, к которым относятся следующие:

Приморская сцена Государственного академического Мариинского театра;

Приморский драматический театр им. Горького;
Усурийский драматический театр;
Приморский краевой драматический театр молодёжи;
Драматический театр ДВО;
Драматический театр ТОФ;
Приморский краевой театр кукол;
Муниципальный театр кукол (г. Находка);
Приморский Пушкинский театр;
Приморская краевая филармония;
Дальневосточный государственный институт искусств [4].

Учреждения театрально-музыкальной направленности в Приморье представляют собой потенциальные объекты туристского показа в контексте осуществления экскурсионной деятельности. Так, на сегодняшний день действуют автобусные экскурсии «Театры Владивостока», которые знакомят туристов с историей учреждений дореволюционного периода: корейского, китайского, Пушкинского, общедоступного, «Би-ба-бо» и других театров. Содержание экскурсии включает исторические страницы о первой театральной постановке в театре М. Купер; первом кинотеатре-иллюзионе; о современных театрах города; краевом академическом театре драмы им. М. Горького, камерном и краевом театре кукол. Для гостей города Владивостока предлагаются выездные туры с посещением Приморской сцены Государственного академического Мариинского театра или Приморского драматического театра им. Горького [5].

Следует отметить, что в Приморском крае сложилась своя творческая индустрия, вмещающая различные направления (музыка, изобразительные искусства, кино, галерейный бизнес, мода, реклама, дизайн, архитектура, Интернет и компьютерные технологии), которые отражают общую мировую тенденцию начала XXI века – популяризацию новой концепции «креативного класса», изложенной социологом Ричардом Флоридой в бестселлере «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [6]. Нынешнее время предлагает новые ответы в многолетних спорах вокруг коммерциализации искусства и культуры: если раньше считалось, что сферы культуры и экономики несовместимы друг с другом, то теперь они неизбежно пересекаются.

Учреждения музыкального и театрального искусства края ведут активную деятельность, демонстрирующую лучшие образцы классического и современного искусства. Они являются неотъемлемой частью туристско-рекреационного ресурса и необходимым условием формирования положительного имиджа края. Вместе с тем в практике экскурсий отсутствует налаженный механизм взаимодействия между представителями турбизнеса и учреждениями искусства и культуры. К примеру, до сих пор существуют учреждения культуры и искусства, которые не готовы использовать средства туризма как для имиджевого роста, так и для дополнительных финансовых возможностей. Это является внутренним препятствием какой-либо творческой организации, которое сопровождается неэффективностью системы управления почти на ментальном уровне. Другими словами, для такого типа организаций близка логика функционирования «по старинке», по принципу иждивенца, рассчитывающего только на государственную поддержку в виде

бюджетного финансирования. Со стороны представителей турбизнеса остаётся тенденция сдержанного интереса к сфере музыкального и театрального искусства. Этому также сопутствует и недостаточная популярность организации туристских мероприятий в учреждениях культуры и искусства Приморского края, поскольку элитарность музыкального и театрального искусства заведомо не может массово увлечь значительную часть неподготовленного населения к восприятию сложных академических жанров.

В г. Владивостоке наблюдается тенденция зарождения встречных диалогов между лидерами бизнеса Приморья и представителями культурного продукта на конференц-площадках образовательной среды – Владивостокского государственного университета экономики и сервиса и Дальневосточного федерального университета. В рамках организованных встреч обсуждаются проблемы и перспективы туризма с участием ведущих представителей приморской культуры и лидерами бизнес-среды. В программе встреч поднимались вопросы о мотивации зарубежного туриста посетить Приморский край; роли культурной составляющей в туризме; необходимости разработки единого «культурного маршрута» Приморья; обеспечения брендовой привлекательностью территории и т.д. В результате встреч было положено начало общему взаимодействию областей культуры и туризма, что послужило импульсом к обоюдному экономическому развитию [7].

Показательны примеры, когда учреждения культуры и искусства г. Владивостока откликнулись на предложения со стороны представителей турбизнеса ввести практику проведения экскурсий на территории театра. Так, весной 2015 года Мариинский театр Приморской сцены поддержал инициативу Туристического центра Приморского края ознакомиться с возможностями театра. В результате встреча сотрудников театра с представителями турбизнеса затронула интересы почти полутора десятка туркомпаний. Это было сделано, во-первых, с целью организации работы разрозненных туркомпаний региона в тесных партнерских контактах. Во-вторых, чтобы учреждения культуры и искусства могли стать составной частью туризма, включающей те или иные мероприятия в туристские маршруты.

Вместе с тем в ходе дальнейших организованных совещаний с представителями учреждений культуры и искусства и специалистами турбизнеса на площадке Приморской сцены Мариинского театра было отмечено, что практика проведения экскурсий в здании временно приостановлена из-за недостаточной зрелости и проработанности данного проекта. Так, были указаны причины, по которым проведение экскурсий для гостей и туристов пока является невозможным, более того, может негативно сказаться на имидже и репутации театра. В числе основных проблем оказались недостаточная техническая и материальная оснащённость коридоров и этажей, по которым проложен экскурсионный путь: отсутствие комфортной и зрелищной обстановки, дизайнерских решений в отношении освещения, потолков и т.д. [8].

В целом внедрение нового опыта проведения экскурсии на территории Мариинского театра Приморской сцены показало, что оказание подобной услуги может положительно повлиять на эффективность привлечения гостей и туристов на концерты и оперы. Так, при дальнейшей разработке маршрута музыкально-театральной экскурсии особое значение имеет оригинальность архитектурного дизайна здания

театра – достопримечательности города. Архитектура здания интересна тем, что представляет собой имитацию стеклянного куба в кубе. Смелые дизайнерские решения отвечают последним веяниям театральной техники. Проект создавался согласно образцу знаменитого оперного театра Торонто. Здание внутри многофункционально: есть как наземные, так и подземные этажи, большое количество гримерных комнат, несколько лифтов. Театр имеет три площадки: Большой зал, Малую и Летнюю сцены. Художественный состав театра оперы и балета является высокопрофессиональным и сформирован из лучших артистов не только России, но и других стран мира. Приморская сцена стала преемницей родословной Мариинского театра великого российского города Санкт-Петербурга, начавшейся ещё с XVIII в., в котором упрочились и развились великие традиции первой русской музыкальной сцены. Преемственность традиций Мариинского театра сказалась не только на разнообразии и богатстве репертуара Приморской сцены. Началась развиваться стратегия по привлечению туристов путём знакомства и погружения в мир музыки и сценических репетиций «за кулисами».

Однако большинство учреждений музыкально-театральной направленности г. Владивостока и Приморского края не располагают конкурентными преимуществами в условиях современного рынка. К примеру, Приморский краевой драматический театр молодёжи и Приморский краевой театр кукол уже несколько лет находятся в неудовлетворительном экономическом и материально-техническом положении. Каждый из приморских театров по-своему уникален, со сложившимися традициями и историей, целой плеядой ярких артистов и профессионалов своего дела. В условиях современного рынка этим учреждениям необходима постоянная работа над формированием стратегии имиджевой политики как залога успешного роста конкурентных возможностей. Рассматривая отдельно образ Приморского театра кукол, основанного в 1940 году, можно отметить, что его имидж изначально строился на содержательной части кукольного жанра. В г. Владивостоке – это единственный театр, который привлекает не масштабом и размахом сценических представлений, он оригинален именно в своей камерности, атмосфере уюта и семейного отдыха. Этому есть историческая предпосылка и объяснение: искусство кукольного жанра с древнейших времен притягивало к себе людей схожестью с живыми существами и чудом оживления куклы. Во всем мире кукольный театр стал подлинно народным искусством. Так, в Италии любимой куклой считают Пульчинеллу, во Франции – Полишинеля, в Англии – непобедимого Панча, в России – русского Петрушку-весельчака. В Японии до сих пор сохраняются все формы традиционного кукольного искусства «Бунраку»: люди в капюшонах и черных одеждах выходят на сцену и выносят больших (ростом с человека) кукол. Кукольники всего мира играли и играют народные сказки, притчи, легенды одинаково успешно как для детей, так и взрослых. И все эти театры являются популярными объектами для туристских посещений.

Исследуя потенциал учреждений культуры и искусства в контексте профессионального туристского образования в Приморском крае, можно выделить аспект формирования положительного имиджа, который необходимо учитывать при разработке новых экскурсионных программ. Таким образом, новый опыт и перспектива внедрения практики широкого использования экскурсий на объектах музыкального

и театрального искусства являются важными факторами для развития региональной культуры и туризма, а также формирования положительного имиджа территории. В рамках профессиональной подготовки экскурсовода в Приморском крае важен аспект практического внедрения экскурсий в местах театрального и музыкального искусства. Эти учреждения являются потенциальными объектами туристского показа и требуют особого внимания в условиях профессиональной подготовки экскурсовода.

1. Гомилевская, Г.А. Формирование туристской идентичности г. Владивостока в контексте бренда: «Владивосток – морские ворота России» / Г.А. Гомилевская, Ю.В. Дмитриенко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 1. – С. 142–153.
2. Зорин, И.В. Туристика: монография / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Советский спорт, 2001. – 288 с.
3. Академия культуры России. Дальневосточный научно-методический центр культуры и искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturedv.ru/РК.html>
4. Туризм и туристские ресурсы в Приморском крае: стат. сборник / Приморскстат, 2015. – 76 с.
5. Туристический центр «Афина-Паллада» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://afina-pallada.org/ekskursii-po-vladivostoku-i-prigorodu/ekskursiya-teatry-vladivostoka>; Сайт Туристического Бюро «Паллада» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tourburopallada.ru/teatr-opery-i-baleta-g-vladivostok>
6. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, № 1. – С. 132–138.
7. Бондарь, М.В. Метакультурный и туристский потенциал музыкальной культуры Дальнего Востока России: опыт постановки проблемы (на примере деятельности музыкальных образовательных учреждений) / М.В. Бондарь // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (Ч. 16). – С. 3624–3628.
8. Бернацкая, Ю. ДВФУ формирует туристский облик Владивостока и Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/fevu_creates_tourist_image_of_vladivostok_and_primorsky_krai/?date=2016-10-24&PAGEN_2=2
9. Бондарь, М.В. Имидж учреждений культуры и искусства в условиях развития дальневосточного туризма на примере Приморского края / М.В. Бондарь, А.Ю. Гужва, С.И. Синенко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №10 (1). – С. 135–139.

© М.В. Бондарь, 2016

Для цитирования: Бондарь М.В. К вопросу внедрения практики широкого использования экскурсии на объектах театрального и музыкального искусства в контексте развития профессионального туристского образования в регионе (на примере Приморского края и г. Владивостока) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 205–210.

For citation: Bondar M.V. The question by the extensive use tours on theatre and music art objects in the context of vocational and tourism professional education development in the region (in case of the city of Vladivostok and Primorye territory) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 205–210.

Дата поступления: 31.08.2016.

И.А. Шеромова¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

А.С. Железняков²

Новосибирский технологический институт (филиал)
Московского государственного университета дизайна и технологий
Новосибирск. Россия

Оценка качества швейных изделий с использованием автоматизированных методов контроля

Обеспечение качества выпускаемой продукции является необходимым условием ее конкурентоспособности. Немаловажная роль в процессе управления качеством принадлежит процедуре его контроля. При этом выявление технологических дефектов в ходе контроля качества готовых изделий без должного внутрипроцессного контроля приводит к неоправданым материальным и финансовым потерям. Дефекты швейных изделий, возникающие в технологическом процессе их изготовления, выявляются в основном визуально без применения инструментальных методов исследования. Предложена компьютерная технология определения дефектов строчек и швов, применение которой позволит повысить объективность и качество внутрипроцессного контроля швейных изделий.

Ключевые слова и словосочетания: швейные изделия, контроль качества, объекты контроля, показатели качества, качество строчек и швов, компьютерная технология определения дефектов.

I.A. Sheromova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

A.S. Zheleznyakov

Novosibirsk Technological Institute of Moscow State University of Design and Technology
Novosibirsk. Russia

Evaluation of the garments quality using automated testing methods

Ensuring product quality is a prerequisite for its competitiveness. An important role in the quality management process belongs to his control. This identification of technological defects during the quality control of finished products without adequate in-process control leads to unnecessary physical and financial losses. Garments defects arising in the process of their manufacture, are

¹ Шеромова Ирина Александровна – д-р техн. наук, профессор кафедры дизайна и технологий; e-mail: Irina.Sheromova@vvsu.ru.

² Железняков Александр Семенович – д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой технологических машин и мехатронных систем; e-mail: gas@ntimgudt.ru.

detected mainly visually without the use of instrumental methods. We propose the computer technology allows for the identification of stitches and seams defects, the application of which will enhance the objectivity and quality of the in-process control garments.

Keywords: garments, quality control, monitoring facilities, quality indicators, quality of stitches and seams, computer technology is the definition of defects.

Проблема качества продукции является одной из первостепенных в контексте обеспечения ее конкурентоспособности и конкурентоспособности предприятия в целом. Еще в 80-х годах прошлого столетия мировая общественность пришла к выводу, что успех бизнеса определяется, прежде всего, качеством продукции и услуг: 80 % опрошенных при обследовании 200 крупных фирм США ответили, что качество является основным фактором реализации товара по выгодной цене [11]. При этом проблема качества актуальна для всех стран, независимо от зрелости их рыночной экономики. История знает немало примеров, когда внедрение принципов управления качеством, в том числе основных положений философии менеджмента качества Деминга, дало мощный толчок к обновлению экономики. Наиболее показательными с этой точки зрения являются практически разрушенные во время Второй мировой войны экономики таких стран, как Германия и Япония. В этом отношении Россия также не является исключением. В связи с этим хочется вспомнить высказывание русского философа и политического мыслителя И.А. Ильина (1883–1954): «...русскому народу есть только один исход и одно спасение – возвращение к качеству и его культуре. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены, и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца» [11].

Установленные в рамках системы технического регулирования подходы к оценке качества швейных изделий предполагают контроль со стороны государства только в отношении безопасности изделий детского ассортимента как одной из составляющих их качества, что реализуется через обязательное подтверждение соответствия требованиям технических регламентов [8, 9, 13, 14]. Безопасность швейных изделий, предназначенных для взрослых, и показатели потребительского качества одежды любого назначения не являются объектами обязательного подтверждения соответствия. Однако производители, торговые организации и покупатели оценивают эти показатели как крайне значимые, причем для них важны и безопасность, и потребительское качество изделий. Следует отметить, что показатели потребительского качества применительно к швейным изделиям являются знаковыми при принятии решения о выпуске либо закупе их отдельных наименований. В связи с этим существует необходимость в разработке единой методики оценки качества швейных изделий как некоторого интегрального понятия, включающего в себя потребительское качество плюс безопасность. Для решения данной задачи существует необходимость в уточнении перечня объектов контроля качества швейных изделий с учетом их назначения, в том числе по половозрастному признаку.

Анализ содержания нормативных документов, устанавливающих требования к швейным изделиям различного назначения и методы контроля их качества,

показал, что не существует единого перечня объектов контроля, оцениваемых при проведении различных процедур, тем или иным образом связанных с оценкой качества швейных изделий [1–6]. В связи с этим был предложен единый подход к формированию номенклатуры объектов контроля качества швейных изделий, в соответствии с которым все показатели качества сгруппированы следующим образом:

- 1 группа объектов контроля – показатели безопасности;
- 2 группа – показатели соответствия внешнего вида изделия образцу-эталону и техническому описанию (ТО) на модель;
- 3 группа – показатели соответствия вида используемых материалов образцу-эталону и ТО на модель и показателей их физико-механических и физико-химических свойств требованиям нормативных документов (НД);
- 4 группа – показатели качества посадки изделия;
- 5 группа – показатели качества изготовления изделия, включая качество применяемых материалов (наличие пороков внешнего вида);
- 6 группа – показатели соответствия линейных измерений номинальным значениям;
- 7 группа – показатели соответствия реквизитов товарного и контрольного ярлыков требованиям НД.

В рамках проведенных исследований для каждой группы объектов проанализированы возможные методы и особенности проведения контроля, а также форма представления результата контроля. Результаты проведенных исследований приведены в таблице.

Таблица

Виды объектов контроля при оценке качества швейных изделий

Группы объектов контроля	Применяемые методы контроля	Особенности проведения контроля	Форма представления результата
1	2	3	4
Показатели безопасности	Измерительные	Для получения фактических значений показателей применяются стандартные методы испытаний и виды лабораторного оборудования	Физическая величина, выражаемая в стандартных единицах измерения
Показатели соответствия внешнего вида изделия образцу-эталону и ТО на модель	Органолептические	Применяется экспертная оценка	Качественное описание признаков внешнего вида изделия

Окончание табл.

1	2	3	4
Показатели соответствия вида используемых материалов образцу-эталону и ТО на модель и показателей их физико-механических и физико-химических свойств требованиям НД	Органолептические и измерительные методы	Для определения вида материала применяется экспертная оценка	Качественное описание признаков внешнего вида и назначения материала
		Для определения показателей свойств – стандартные методы испытаний и виды лабораторного оборудования	Физическая величина, выражаемая в стандартных единицах измерения, или балльная оценка, отраженная в стандартах
Показатели качества посадки изделия	Преимущественно органолептические с возможностью применения измерений	Экспертная оценка с применением при необходимости измерительных инструментов	Качественное описание посадки
Показатели качества изготовления изделия, включая качество применяемых материалов (наличие пороков внешнего вида)	Органолептические и измерительные методы	Экспертная оценка с применением эталонов пороков и степени их выраженности и отдельного измерительного инструментария	Качественное описание пороков материалов и готовых изделий и места их расположения и физические величины, выраженные в соответствующих единицах измерения
Показатели соответствия линейных измерений номинальным значениям	Измерительные методы	Для получения фактических значений отклонений применяются стандартные методы измерений	Физическая величина отклонения, выражаемая в стандартных единицах измерения
Показатели соответствия реквизитов товарного и контрольного ярлыков требованиям НД	Органолептические методы	Экспертная оценка	Качественное описание реквизитов ярлыка

Примечание: сост. по [1–6].

Как видно, лишь три объекта предусматривают широкое использование инструментальных методов контроля в оценке показателей качества. В первую очередь, это утверждение справедливо для 1-й и 3-й (в части соответствия показателей физико-механических и физико-химических свойств материалов требованиям НД) групп объектов, при контроле качества которых используются или стандартные, или нестандартизированные методы испытаний и лабораторное оборудование. Во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса на кафедре дизайна и технологий в течение 15 лет ведутся научно-исследовательские работы, связанные с разработкой новых методов и технических средств для исследования свойств материалов различной структуры и способов производства. Результаты

такого рода исследований широко освещены в открытой печати и защищены различного уровня документами по защите интеллектуальной собственности [7, 10, 12, 15].

Однако для большинства объектов контроля в основном используются органолептические методы исследования показателей качества швейных изделий. Следует отметить, что для ряда объектов контроля, например показателей 2-й, 3-й (в части соответствия вида используемых материалов образцу-эталону и техническому описанию на модель), 7-й групп, это вполне оправданно. Однако в отношении показателей качества изготовления изделия, в том числе при оценке качества выполнения строчек и швов, такой подход нельзя считать оптимальным и оправданным с учетом необходимости своевременного обнаружения и устранения выявленных дефектов.

Несмотря на это, на большинстве швейных предприятий проверка качества швейных операций производится визуально непосредственно после их выполнения или в готовом изделии. Процедура контроля качества строчек и швов непосредственно в процессе их выполнения значительно осложняется тем, что из-за монотонности процессов и усталостном зрении оператор может не замечать даже явные производственные дефекты. При обнаружении некоторых дефектов уже в готовом изделии оно забраковывается или, при практической возможности устранения порока, возвращается в технологический процесс на переделку. И в том, и в другом случае возникают неоправданные материальные и финансовые потери, которые снижают эффективность производства.

Контроль качества выполнения операций в рабочей зоне швейной машины возможен при наличии визуальной системы цифрового сканирования строчки в режиме реального времени с использованием компьютерных технологий.

К наиболее распространенным дефектам швейных строчек относятся:

- 1) дефект, характеризуемый нарушением процесса петлеобразования стежков швейной строчки (рис. 1);
- 2) стянутость ткани швейной строчкой (рис. 2);
- 3) недопустимое отклонение шва относительно эквидистанты среза или требуемой траектории строчки (искривление шва) (рис. 3).

Рис. 1. Внешний вид строчки при нарушении процесса петлеобразования

Рис. 2. Внешнее проявление дефекта «Стянутость швейной строчки»

Рис. 3. Внешний вид шва при возникновении дефекта «Искривление шва»

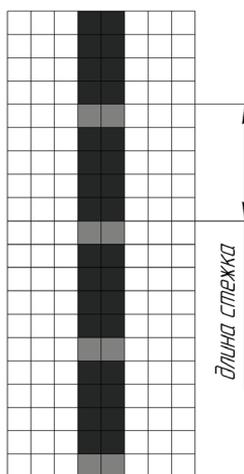

Рис. 4. Условное изображение швейной строчки

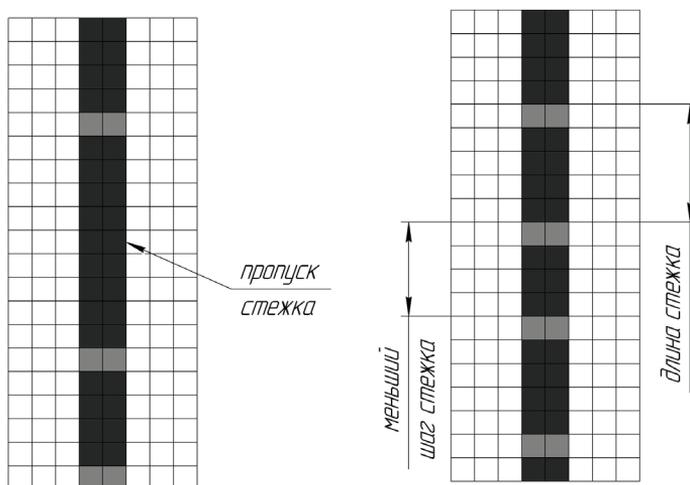

Рис. 5. Контрастное изображение отсутствия стежков или их неравномерности в швейной строчке

Для обеспечения универсальности контроля в системе визуального наблюдения качества строчки было разработано техническое средство цифрового типа, представляющее собой отдельный модуль, устанавливаемый на швейной машине.

В работе выполнены исследования системы контроля, в состав которой входят элементы «электронного зрения» в виде цифровой Web-камеры с подсветкой для увеличения контрастности изображения швейной строчки на фоне гаммы цветов обрабатываемого материала. Информация о качестве швейной строчки при выполнении операции через интерфейс поступает в процессор и обрабатывается специальным программным продуктом.

После обработки информации условное изображение швейной строчки представлено на рис. 4. Принятый вид изображения используется для упрощения процесса обработки информации и повышения быстродействия системы, что дает возможность параллельного отслеживания типовых дефектов.

Пропуск стежков в строчке и их неравномерность после обработки изображения представлены в виде характерных контрастных меток (рис. 5). Каждая клеточка это пиксель со своим цветом, отграничивающим дефектный стежок от остальных элементов швейной строчки. Контроль длины стежка, их количества и качества ведется в автоматизированном режиме по заданной программе, и при выявлении дефекта выдаётся соответствующее информационное сообщение о его местоположении.

Отклонение строчки от заданной линии в деталях швейного изделия представляется в несколько ином виде (рис. 6). Так как требуется определять величину отклонения, строчка преобразуется в условную линию контроля соответствия геометрических параметров шва.

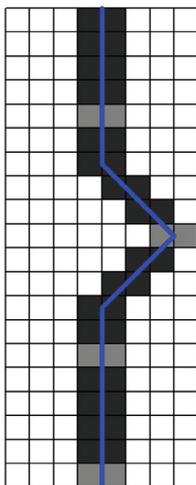

Рис. 6. Условное изображение изменения ширины шва

Алгоритм программы (рис. 7) позволяет отслеживать все виды дефектов, предназначенные для распознавания, с выводом информационных сообщений о координате их местоположения.

При отклонении швейной строчки от нормативных показателей процессор посредством контроллера формирует команду на останов швейной машины, или по соответствующей индикации исполнитель непосредственно, основываясь на визуальных данных, может приостановить выполнение операции и детально проанализировать качество швейной строчки.

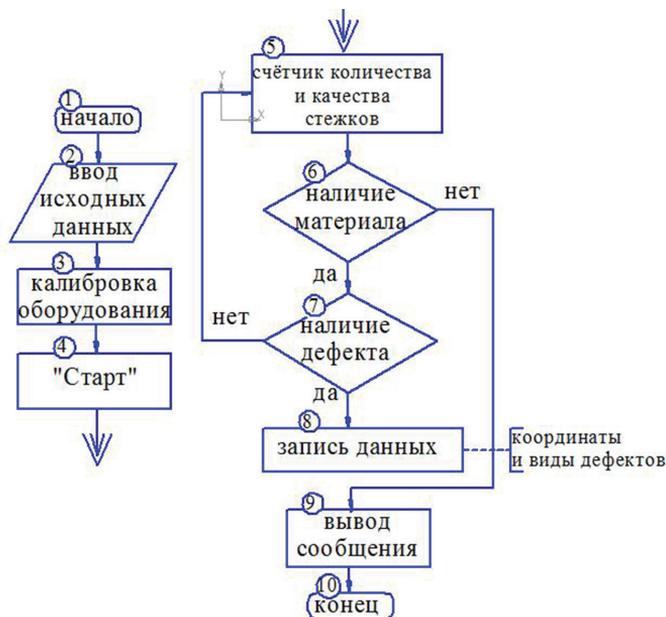

Рис. 7. Блок-схема алгоритма обработки информации о параметрах качества швейной строчки

Таким образом, в работе представлен новый автоматизированный метод контроля качества выполнения строчек и швов. Использование предлагаемого авторами метода, базирующегося на использовании компьютерных технологий, позволяет обеспечить оперативное выявление отклонений параметров швейной строчки от заданных значений непосредственно в процессе выполнения технологических операций и, как следствие, уменьшить количество дефектов за счет своевременной наладки оборудования или настройки необходимых технологических режимов.

1. ГОСТ 4103-82 Изделия швейные. Методы контроля качества. – М.: Стандартиформ, 2007. – 23 с.
2. ГОСТ 12566-88 Изделия швейные бытового назначения. Определение сортности. – М.: Стандартиформ, 2006. – 16 с.
3. ГОСТ 25294-2003 Одежда верхняя платьельно-блузочного ассортимента. Общие технические условия. – М.: Стандартиформ, 2006. – 8 с.
4. ГОСТ 25295-2003 Одежда верхняя пальтово-костюмного ассортимента. Общие технические условия. – М.: Стандартиформ, 2006. – 11 с.

5. ГОСТ 25296-2003 Изделия швейные бельевые. Общие технические условия. – М.: Стандартинформ, 2007. – 11 с.
6. ГОСТ Р 53915-2010 Изделия для новорожденных и детей ясельной группы. Общие технические условия / М.: Стандартинформ, 2011. – 11 с.
7. Дремлюга, О.А. Новые методы и технические средства для обеспечения качества швейно-трикотажных изделий / О.А. Дремлюга, И.А. Шеромова, А.С. Железняков. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. – 168 с.
8. Единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 1.12.2009 №982 (с изм. на 31.07.2014).
9. Единый перечень продукции, подтверждение соответствия которой осуществляется в форме принятия декларации о соответствии: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 1.12.2009 №982 (с изм. на 31.07.2014).
10. Железняков, А.С. Моделирование и автоматизация подготовительных процессов швейного производства / А.С. Железняков, И.А. Шеромова, Г.П. Старкова. – Новосибирск: Сибвузиздат, 2007. – 204 с.
11. Лифиц, И.М. Стандартизация, метрология и подтверждение соответствия: учебник / И.М. Лифиц. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 315 с.
12. Старкова, Г.П. Компьютерная технология оценки драпируемости легкодеформируемых материалов / Г.П. Старкова, И.А. Шеромова, О.А. Дремлюга, А.С. Железняков // Швейная промышленность. – 2012. – № 3. – С. 23–25.
13. ТР ТС 017/2011 «О безопасности продукции легкой промышленности»: утв. решением Комиссии Таможенного союза № 876 от 9.12.2011 г.
14. ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков» (с изм. на 27.11.2012): утв. решением Комиссии Таможенного союза от 23.09.2011 года №797.
15. Шеромова, И.А. Моделирование напряженного состояния текстильных материалов при фиксированной деформации / И.А. Шеромова, Г.П. Старкова, А.С. Железняков, О.И. Кудряшов // Изв. вузов. Технология текстильной промышленности. – 2007. – № 5. – С. 86–91.

© И.А. Шеромова, 2016

© А.С. Железняков, 2016

Для цитирования: Шеромова И.А., Железняков А.С. Оценка качества швейных изделий с использованием автоматизированных методов контроля // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 211–219.

For citation: Sheromova I.A., Zheleznyakov A.S. Evaluation of the garments quality using automated testing methods // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 211–219.

Дата поступления: 04.10.2016.

О.В. Гриванова¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

С.В. Старков²

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Ключевые проблемы автомобильного транспорта в Приморском крае

Рассматриваются проблемы автомобилизации в Приморском крае: обеспечение безопасности перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом, снижение аварийности и экологизация автотранспортной отрасли.

Ключевые слова и словосочетания: автомобильный транспорт, Приморский край, снижение аварийности.

O.V. Grivanova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

S.V. Starkov

Far Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Key issues of road transport in the Primorsky Territory

The problems of motorization are examined in the Primorsky Territory providing of safety of transportations of loads and passengers by a motor transport, decline of accident rate and ecologization of motor transport industry.

Keywords: motor transport, Primorsky Territory, decline of accident rate.

Эффективное развитие экономики Приморского края невозможно без развитой транспортной инфраструктуры. По данным аналитического агентства «Автостат», в российском автопарке на 1 января 2016 года насчитывался почти 41 млн легковых автомобилей. При этом Приморский край находится на втором месте по числу автомобилей на душу населения. Первые две строчки рейтинга занимают дальневосточные регионы. Больше всего машин у жителей Камчатского края: там каждая тысяча жителей владеет в среднем 472 автомобилями. 437 автомобилей у каждой

¹ Гриванова Ольга Владимировна – канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой транспортных процессов и технологий; e-mail: olga.grivanova@vvsu.ru.

² Старков Сергей Владимирович – канд. техн. наук, доцент кафедры транспортных машин и транспортно-технологических процессов; e-mail: ssvimapt@mail.ru.

тысячи приморцев. Третью строчку рейтинга занимает Московская область – 347 машин на тысячу жителей. Такое огромное количество автомобилей в нашем регионе порождает проблемы, связанные как с недостаточной развитой транспортной инфраструктурой, так и с социальной и экологической направленностью.

Автомобильные дороги являются важнейшей составной частью транспортной системы страны. От уровня транспортно-эксплуатационного состояния и развития сети автомобильных дорог, обеспечивающих связь между регионами и населенными пунктами Российской Федерации и, в частности, Приморского края, а также с дорожной сетью сопредельных государств, во многом зависят решение задач достижения устойчивого экономического роста страны, улучшение условий предпринимательской деятельности и повышение качества жизни населения, проведение структурных реформ, укрепление национальной безопасности государства и интеграции транспортной системы России в международную транспортную систему [4, 5].

На сегодняшний день в Приморском крае всего зарегистрировано 468 транспортных компаний, из них:

- перевозчиков – 290;
- прямых грузовладельцев – 30;
- транспортно-экспедиторских компаний и диспетчеров — 107;
- суммарно подвижного состава — 238 единиц [4, 5].

Более 68% всех грузов и 85% всех пассажиров по территории внутри края перевозятся автомобильным транспортом. Ежегодно автотранспортом перевозится более 100 млн человек и 76 млн тонн грузов.

За 2014 год предприятиями автомобильного транспорта Приморского края перечислено всего налоговых платежей в бюджет РФ – 183 389 тыс. руб.

Динамично развиваются и международные автомобильные перевозки с Китайской Народной Республикой через 5 постоянно действующих на государственной границе сухопутных автомобильных переходов. Ежегодно границу в обоих направлениях пересекают более 100 тысяч автомобилей и одного миллиона туристов из Приморья, Хабаровска, Сахалина и других регионов. Благодаря проводимой администрацией края политике по защите государственных интересов России удается сохранять приоритет российских международных автоперевозчиков: более 2/3 всех грузов и пассажиров в международном сообщении перевозят российские автомобилисты.

В 2016 году по сравнению с прошлым годом увеличился пассажиропоток между Приморским краем и КНР. Транспортное обслуживание было достигнуто благодаря своевременному расширению регулярного движения автобусов на международных маршрутах «Пограничный–Суйфэньхэ» и «Полтавка–Дуннин». Открыт регулярный международный автобусный маршрут «Камень Рыболов–Мишань» и 10 междугородных автобусных пассажирских маршрутов.

За текущий год произошло увеличение перевозки пассажиров автомобильным транспортом на 2,1% по сравнению с 2014 год за счет введения новых автобусных маршрутов, по грузам – на 3,4%. Идет обновление подвижного состава автотранспортными предприятиями. Так, за истекший период было приобретено 370 единиц

автомобильной техники. В числе динамично развивающихся автотранспортных предприятий: ООО «АТП Приморье», ООО «Ространс», ООО «РостекДВ транс», ОАО «Приморавтотранс». Автотранспортные предприятия ООО «Владивостокстройтранс», ООО «Тримас», в последние годы активно реконструируют собственные производственные базы. Идет реконструкция международного автовокзала в поселке Пограничный. По сравнению с 2014 годом обеспечен рост объема межрегиональных контейнерных перевозок грузов на 14%. Налоговые поступления во все уровни бюджетов выросли по сравнению с 2014 г. на 6% [1].

Вместе с тем существует целый ряд вопросов, от решения которых во многом зависит дальнейшее развитие автомобильной отрасли Приморья.

Одним из важнейших является обеспечение безопасности перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом. На фоне высокого темпа роста количества автомобильного транспорта на дорогах края, повышения объемов перевозок грузов и пассажиров, внимание обеспечению безопасности дорожного движения уделяется явно недостаточное. Если в 2012 году было зарегистрировано незначительное снижение основных показателей аварийности, то в период 2013–2014 гг. обстановка резко обострилась. Возросла аварийность по вине как водителей транспортных средств, так и пешеходов. Увеличилось количество ДТП, в которых погибли или получили ранения юные участники дорожного движения.

Решение проблемы транспортно-дорожной безопасности должно рассматриваться как общенациональный приоритет. Первоочередной задачей является также создание единой комплексной системы управления дорожно-транспортной безопасностью в рыночных условиях хозяйствования с формированием действенного механизма координации деятельности в данной сфере федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений. Для реализации целевых программ по обеспечению дорожно-транспортной безопасности надо обеспечить государственное финансирование, а также привлечение средств страховых организаций и общественных фондов [9].

Для решения вопроса снижения аварийности на территории Приморского края создана краевая комиссия по обеспечению безопасности дорожного движения. Основными задачами комиссии является координация деятельности государственных органов управления края, городских и районных комиссий; организация, разработка и выполнение краевых программ и мероприятий по предупреждению аварийности на автомобильном транспорте.

Вторая проблема состоит в том, что автотранспорт сохраняет ведущую роль среди других видов транспорта в загрязнении окружающей среды. Особую экологическую проблему представляют отходы автотранспортного комплекса. В условиях слабой организации сбора и утилизации брошенных и разукомплектованных автомобилей (в первую очередь, личного транспорта) возникает серьезная проблема загрязнения территорий городов края, почв и водных объектов отходами автотранспорта. В 2013–2014 гг. в крае проводилась определенная работа по снижению негативного воздействия автотранспортного комплекса на окружающую

среду: введены новые станции инструментального контроля, осуществляющие проверку технического состояния автомобилей.

Автотранспорт приводит к образованию твердых отходов, загрязнению воздуха и почвы, захламлению больших территорий, вибрации, электромагнитным излучениям, отчуждению земель под строительство объектов транспортной инфраструктуры и хранению автотранспортных средств, соответствующим ландшафтными изменениям, загрязнению природных сред, связанному с авариями при транспортировке опасных грузов, и т.д. [9].

Известно, что ежегодный экологический ущерб от функционирования всех видов транспорта России только по таким видам негативного воздействия, как загрязнение воздуха, шум и влияние на климат, составляет около 170 млрд рублей. По экспертным оценкам выбросы вредных веществ автотранспортом к 2016 г. превысят уровень 2000 г. на 75% [2, 3].

Особенность автомобильного парка Приморского края и всего Дальнего Востока – это возрастная структура, автомобильный парк в основном очень старый (см).

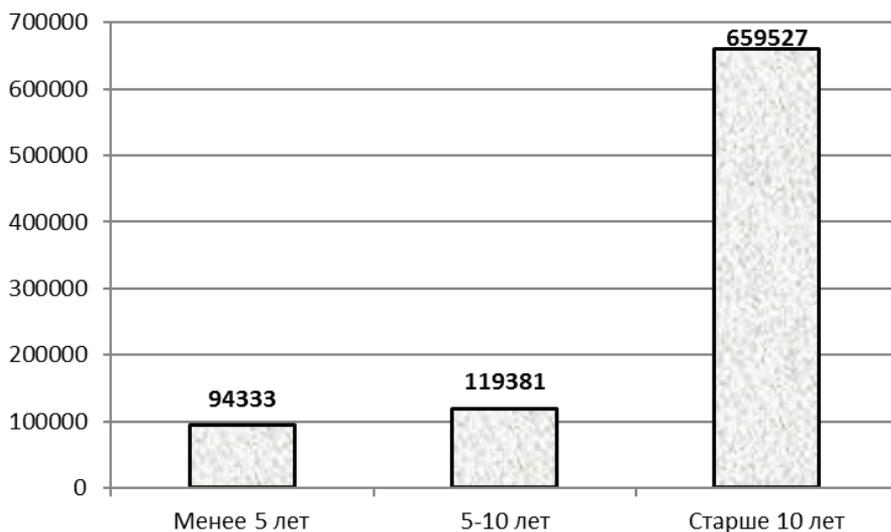

Рисунок. Возрастная структура автопарка Приморского края в 2014 г., шт.

В ближайшие 5–8 лет предстоит осуществить ряд первоочередных мер технического, технологического и организационного характера, направленных на повышение экологической безопасности автотранспорта и совершенствование систем его экологического контроля. Прежде всего, надо создать соответствующую правовую основу. Необходимо стимулировать создание безопасных, экологически чистых и экономичных автомобилей. Для этого надо задействовать все возможности сертификации, стандартизации, другие системы установления и контроля требований к автомобилям. Одновременно необходимы экономические механизмы продвижения новых моделей на рынок, создание платежеспособного спроса на них.

Существуют определенные сложности при организации краевого и городского автобусного сообщения. Для улучшения качества обслуживания пассажиров авто-

мобильным транспортом в Приморском крае и привлечения на рынок автобусных перевозок добросовестных перевозчиков, а также стимулирования перевозчиков к обновлению подвижного состава (в среднем износ автобусов по краю составляет 83%) со стороны департамента транспорта Приморского края приняты меры по организации конкурса на осуществление пассажирских перевозок в междугородном сообщении. Сформулирована маршрутная сеть междугородных автобусных перевозок.

Разрабатывается программа «Развитие междугородных пассажирских автобусных перевозок в Приморском крае». Подготовлены предложения о внесении изменений в Закон Приморского края «О пассажирских перевозках автомобильным транспортом в Приморском крае». Проводятся совещания с руководителями автотранспортных предприятий, на которых решаются проблемные вопросы автомобильной отрасли, проверки работы транспорта общего пользования.

Улучшение государственного регулирования автомобильной отраслью Приморского края и решение проблем, связанных с данной отраслью, возможно при четком разграничении полномочий и ответственности соответствующих государственных органов власти и органов местного самоуправления. Также влияет на затраты автотранспортников и требование об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчиков. Речь идет об ответственности за причинение вреда пассажиру, возникшего по вине перевозчика. Стоимость такого страхования составит около 90 копеек на одного пассажира для городского транспорта и 2 рубля 40 копеек для междугородных перевозок.

В ряде районов края, в первую очередь в Красноармейском, Тернейском и Ольгинском, может применяться повышающий коэффициент 0,2. В этих труднодоступных районах автотранспортные перевозки убыточны, и, чтобы не сокращать объем перевозок, департамент по тарифам готов пойти навстречу транспортникам.

Одна из ключевых проблем – качество дорог региона. Качество наших дорог уступает тем, что в европейской части России. Дело, прежде всего, в битуме, который более чем на 90% не соответствует требованиям ГОСТа. Несмотря на все усилия, переломить ситуацию сложно. В уставе нефтеперерабатывающих компаний обозначена главная цель – извлечение прибыли. Максимальную прибыль дает производство бензина, керосина и других легких фракций нефти. А все, что осталось, перерабатывается в битум. Существует, конечно, иная практика: битум производится из живой нефти. Правда, цена его совсем другая. К сожалению, у Министерства транспорта РФ нет рычагов воздействия на компании, занимающиеся нефтепереработкой [9].

За последние 2 года соответствие нормативным требованиям по всей сети региональных дорог увеличилось всего лишь на 1% и к началу 2016 г. этот показатель составил 38,8%. Низкие темпы развития региональных дорог объясняются тем, что сегодня финансируются только 12% от нормативной потребности в работах по капитальному ремонту и ремонту территориальных трасс. Необходимо отметить, что дорожные фонды в регионах были созданы позднее федеральных.

Таким образом, необходима законодательная база, прежде всего, на федеральном уровне, определяющая единый понятийный аппарат и принципы организации

работы на региональном и муниципальном уровнях в области автомобильных перевозок. На сегодняшний день альтернативы автомобильному транспорту в Приморском крае нет.

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
2. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 319.
4. О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г.: Закон Приморского края от 20.10.2008 № 324-КЗ (ред. от 23.06.2015) (принят Законодательным Собранием Приморского края 02.10.2008).
5. Государственная программа Приморского края «Развитие транспортного комплекса Приморского края» на 2013–2021 годы (в ред. постановлений администрации Приморского края от 30.12.2015 №551-па) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа: www.coolsultant.ru.
6. Аналитическое агентство «Автостат» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.autostat.ru.
7. Государственная программа Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013–2017 годы (в ред. постановлений администрации Приморского края от 15.04.2015 № 115-па, от 30.07.2015 № 259-па) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/departament-gosprogramm/gosudarstvennye-programmy.php>
8. О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г.: Закон Приморского края от 20.10.2008 г. № 324-КЗ (ред. от 23.06.2015) (принят Законодательным Собранием Приморского края 02.10.2008).
9. Проблемы автомобильного транспорта // Официальный сайт компании Sike [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sike.ru/articles/problemyi-avtomobilnogo-transporta/>
10. Об утверждении Правил обеспечения безопасности перевозок пассажиров и грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом и Перечня мероприятий по подготовке работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих перевозки автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, к безопасной работе и транспортным средств к безопасной эксплуатации: Приказ Министерства транспорта РФ от 15.01.2014 № 7 (с изм. и доп.).

© О.В. Гриванова, 2016

© С.В. Старков, 2016

Для цитирования: Гриванова О.В., Старков С.В. Ключевые проблемы автомобильного транспорта в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №4. С. 220–225.

For citation: Grivanova O.V., Starkov S.V. Key issues of road transport in the Primorsky Territory // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4. P. 220–225.

Дата поступления: 14.12.2016.

Правила публикаций статей

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» публикуются бесплатно.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, даже если он выступает соавтором.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса».

Редакция научного журнала вправе потребовать от автора предоставить рецензию на представленную рукопись. Рукописи и рецензии авторам не возвращаются. Рецензии, подготовленные редакционной коллегией научного журнала, предоставляются авторам по запросу.

Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты **vestnik_vgues@vvsu.ru**. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, ivanov.doc).

Бумажный вариант рукописи предоставляется в редакцию научного журнала. Почтовый адрес: 690014, ул. Гоголя, 41, каб. 1649, г. Владивосток, Приморский край, Россия.

Этические основы редакционной политики

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Для публикации в журнале принимаются только оригинальные произведения, ранее нигде не публиковавшиеся, в строгом соответствии с требованиями по оформлению статей (включая иллюстративный материал). Не принимаются для публикации статьи, носящие экстремистский характер, содержащие пристрастные и некорректные оценки других научных работ, а также результаты исследований, которые представляют опасность для человека или животных.

Авторы предоставляют оригинальные произведения, избегая плагиата и параллельных публикаций в других изданиях. Авторы согласны с тем, что их статья будет отправлена на рецензирование, и обязуются сотрудничать с редакторами по улучшению, сокращению или дополнению своей статьи в соответствии с замечаниями рецензента. К присылаемой статье должно прилагаться письменное согласие на ее публикацию (в бумажном и/или электронном виде) от всех авторов, которое является автоматическим подтверждением наличия у автора или авторов авторских прав на публикуемый материал, включая текст статьи и размещенные в ней рисунки, графики, фотографии и таблицы. При публикации указываются, как правило, не более 5 авторов; если в исследованиях и подготовке статьи принимало участие большее число исследователей, часть из них (по решению авторского коллектива) должна быть включена в ссылку на первой странице статьи или примечание в конце статьи.

Члены редакционной коллегии несут ответственность за все, что публикуется в журнале; охраняют целостность публикаций, внося при необходимости исправления, и выдают обоснованные отказы тем, чьи рукописи не соответствуют исследовательской или издательской этике; защищают права третьих лиц от несанкционированного использования материалов.

Рецензенты участвуют в формировании редакционной политики; соблюдают сроки рецензирования статей и конфиденциальность оценок.

Редакция обеспечивает соответствие публикаций академическим стандартам и международно признанным этическим нормам для научных изданий и гарантирует конфиденциальность полученной личной информации об авторах.

Издатель (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса) обеспечивает соблюдение законодательства РФ о средствах массовой информации, сотрудничество с другими издателями и отраслевыми ассоциациями в целях повышения публикационной активности авторов и индекса их цитируемости.

Научометрические базы данных: за сроки размещения опубликованных статей в базе данных РИНЦ редакция ответственности не несет.

Тематика публикуемых статей соответствует следующим отраслям науки согласно Государственному рубрикатору научно-технической информации (ГРНТИ):

00.00.00	Общественные науки в целом	15.00.00	Психология
06.00.00	Экономика. Экономические науки	71.00.00	Внутренняя торговля. Туристско-экскурсионное обслуживание
10.00.00	Государство и право. Юридические науки	75.00.00	Жилищно-коммунальное хозяйство. Домоводство. Бытовое обслуживание.
13.00.00	Культура. Культурология	81.00.00	Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук и отраслей народного хозяйства
14.00.00	Народное образование. Педагогика	82.00.00	Организация и управление

Структура статьи

Бумажный и электронный варианты рукописи, предназначенной для публикации, должны быть идентичными и обязательно содержать следующие данные:

- тематическая рубрика статьи; например, в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, принятой ВАК;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail) для каждого автора;

- корреспондентский почтовый адрес и контактный номер телефона;
- аннотация статьи (не более 100 слов) на русском и английском языках;
- ключевые слова и словосочетания (не более 15) (на русском и английском языках);
- список пристатейных источников оформляется в виде нумерованного списка в конце статьи под горизонтальной чертой. Сначала в алфавитном порядке приводятся русскоязычные источники, затем – иностранные. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка, через точку номер страницы: [1. С. 5]. Список необходимо оформлять в строгом соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Заполнение всех перечисленных пунктов является обязательным для принятия статьи к публикации в научном журнале.

Оформление текста

- Текст статьи (от 10 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате doc, docx или rtf (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см, ориентация – книжная).
- Рисунки в формате jpg и диаграммы предоставляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и озаглавлены. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках. Допускается размещение формул в формате рисунков (jpg).
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.

Рубрика: Экономические науки
УДК 338

Программно-целевой подход в формировании расходов на социальную политику на примере Владивостокского городского округа
Program-target approach in shaping on social polisy on the example of Vladivostoks urban district

Ворожбит Ольга Юрьевна
Vorozhbit Olga Yuryevna

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia
д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Международного бизнеса и финансов»
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: olga.vorozhbit@vvsu.ru; тел.: +70000000000

Несамостоятельность и неэффективность расходования бюджетных средств местного бюджета привели к реформе бюджетного процесса как муниципального образования, так и страны в целом. В статье рассматривается внедрение программно-целевого подхода в формировании расходов на социальную политику во Владивостокском городском округе. Разработка программно-целевого планирования началась с распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г.» №1101-р от 30.06.2010.

Ключевые слова и словосочетания: программно-целевой подход, социальная политика, анализ расходов.

Indecisiveness and ineffectiveness of local budget spending budget led to the reform of the burget process, as a municipality, and the country as a whole. This article discusses the introduction of program-oriented approach in shaping on social policy in the Vladivostok city district. Develop targeted program planning began with the Russian Federation Government of 30.06.2010 № 1101-р «On approval of the Government of Russian Federation to improve the efficiency of budget expenditures for the period up to 2012». Vladivostok city district began its transition to the program budget in 2013 to effectively explore in this article.

Keywords: target-oriented approach social policy, analiysis of expenses.

Текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи.

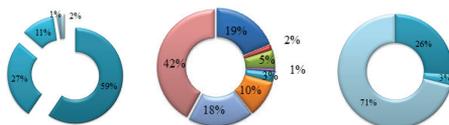

Рис. 1. Название рисунка

Таблица 1

Название таблицы

1	2	3
А	Б	В

Примечание: сост. по [1].

1. Романова О.Б. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – №4 (22). – С. 56–65.

Публикации 2016 года

- Алексеев А.П. Право и государство в трудах Н.А. Бердяева. № 1. С. 71–81.
- Алексеев А.П., Вэй Чэнюань. Тенденции развития корпоративного права КНР. № 2. С. 23–30.
- Андреев В.А. Совершенствование процессов финансово-экономической экспертизы проектов государственных программ Российской Федерации. № 1. С. 36–43.
- Андреев В.А., Остропольцев С.Ю. Международные транспортные маршруты как фактор формирования трансграничных кластеров. № 2. С. 14–22.
- Баранов П.П., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю. Элиты и становление конституционализма: социокультурный вектор развития. – № 4. С. 9–17.
- Белоус И.А., Доценко В.И. Автоматизация микробалансного метода измерения покрытий адсорбата *in situ*. № 2. С. 100–104.
- Белоус И.А. Моделирование схем импульсных устройств электропитания в пакете NI Multisim. № 3. С. 129–136.
- Беляева М.А. Образ Екатеринбурга: от истории к современности. № 1. С. 119–127.
- Бондарь М.В. К вопросу внедрения практики широкого использования экскурсии на объектах театрального и музыкального искусства в контексте развития профессионального туристского образования в регионе (на примере Приморского края и г. Владивостока). № 4. С. 205–210.
- Будаева С.Б. О роли рекреационных местностей в формировании положительного имиджа Республики Бурятия (на примере рекреационной местности «Озеро Щучье»). № 1. С. 128–133.
- Бушев А.Б., Петрова О.В. Территориальный бренд и его особенности на примере Японии. № 1. С. 134–141.
- Верещагина А.В., Петренко А.С. Судебная лингвистическая экспертиза и некоторые вопросы доказывания по делам о речевых правонарушениях. № 4. С. 140–150.
- Виничук О.Ю., Тилиндис Т.В. Методический подход к процессу адаптации деятельности транснациональной корпорации к условиям регионального рынка на основе инструментов бенчмаркинга (на примере Приморского края). № 4. С. 77–91.
- Волгина О.А., Шуман Г.И., Ерохина И.В. Анализ стратегического потенциала филиала федеральной компании на основе количественного стейкхолдерского подхода. № 2. С. 37–46.
- Гавеля О.Н. Геоцентрическая стратегия проектирования культурной 3D-карты Украины: новые векторы кросскультурных исследований. № 2. С. 134–142.
- Гавра Д.П. Информационная логистика в коммуникациях региона. № 1. С. 113–118.

- Голобоков А.С. Факторы повышения эффективности Шанхайской организации сотрудничества в контексте угроз и вызовов международной безопасности. № 1. С. 27–35.
- Голобоков А.С. Опыт и перспективы политики Китая в международных организациях Азиатско-Тихоокеанского региона. № 2. С. 7–13.
- Голобоков А.С. О роли независимой оценки в формировании многофакторного национального рейтинга высших учебных заведений. № 3. С. 94–102.
- Голобоков А.С. Основные элементы стратегий региональных вузов КНР и критерии их оценки. № 4. С. 27–37.
- Гомилевская Г.А., Дмитриенко Ю.В. Формирование туристской идентичности г. Владивостока в контексте бренда: «Владивосток – морские ворота России». № 1. С. 142–153.
- Гомилевская Г.А., Сакун В.С. Возможности государственно-частного партнерства при создании и развитии приграничных кластеров на примере кластера «Джалинда» в Амурской области. № 4. С. 92–109.
- Гончарук Е.Ю. Этнокультурная специфика взаимодействия носителей русского и китайского языков в ситуации коммуникативного конфликта. № 1. С. 90–98.
- Горкина И.Д., Филичева Т.П. Сохранение биоразнообразия как необходимая составляющая промышленного освоения прибрежной зоны морей (на примере залива Петра Великого). № 4. С. 160–165.
- Горян К.В. Российская концепция экологического права: современное состояние и перспективы. № 4. С. 176–184.
- Горян Э.В. Механизмы обеспечения прав домашних работников-мигрантов: международные тенденции и опыт Канады. № 3. С. 56–69.
- Горян Э.В. Роль Уполномоченного по правам человека в субъекте федерации в региональном правовом механизме обеспечения прав коренных народов (опыт Приморского края). № 4. С. 129–139.
- Гриванова О.В., Старков С.В. Ключевые проблемы автомобильного транспорта в Приморском крае. № 4. С. 220–225.
- Гриняк В.М., Гриняк Т.М., Иваненко Ю.С. Об ограничении разрешения компьютеризированных РЛС кругового обзора. № 2. С. 105–113.
- Гриняк В.М., Иваненко Ю.С. О разрешимости задачи наблюдения воздушных объектов двухкоординатными измерителями. № 3. С. 109–118.
- Данилова О.Н., Зайцева Т.А. Визуальные символы как составная часть имиджа. № 1. С. 154–161.
- Даниловских Т.Е., Кузьмичева И.А., Флик Е.Г., Кузьмичев Д.И. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией. № 3. С. 16–22.

- Иваненко Н.В., Голов В.И., Кадоно Ацунобу. Экологическое состояние и использование почвенно-земельных ресурсов Дальнего Востока России. № 4. С. 166–175.
- Исаев А.А. Ощущения, чувства, эмоции: кибернетический аспект. № 2. С. 173–179.
- Исаев А.А. Прогнозирование конкурентоспособности предприятия: психологический подход. № 3. С. 146–152.
- Ишмурзина И.А. Сравнение русской и китайской языковых картин мира (на примере концепта «голова»). № 1. С. 99–103.
- Ишмурзина И.А. Смысловая классификация названий туристических компаний Приморского края. № 2. С. 168–172.
- Калачинская Е.В. Языковая игра в русских и китайских анекдотах. № 3. С. 158–166.
- Карабанова С.Ф. Слагаемые имиджа города. № 1. С. 162–167.
- Карменов Б.А. Платежные системы Республики Казахстан: тенденции развития. № 4. С. 44–50.
- Качурова С.В., Качуров Е.В., Шестопап С.С. Присутствие религии в евразийском социуме. № 4. С. 195–204.
- Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Четыре способа осмысления терроризма: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации, коллективная телесность. № 4. С. 185–194.
- Коноплева Н.А. К вопросу об интерпретации концептов: территориальный имиджмейкинг, брендинг, маркетинг. № 1. С. 168–175.
- Копытов О.Н. Субъект современного краеведческого медиадискурса Приморья: главные характеристики. № 1. С. 176–182.
- Корнейко О.В. Сценарные варианты развития рыбохозяйственной деятельности Приморского края как основы национальной продовольственной безопасности. № 4. С. 110–116.
- Корнейко О.В. Теория аукционов как инструмента повышения эффективности рыбопромышленных предприятий. № 1. С. 44–52.
- Кочеткова И.С., Кривилина Е.В. Развитие инфраструктуры города Владивостока (на примере водоснабжения). № 3. С. 153–157.
- Кочеткова И.С., Стороженко И.В. Контроль качества выполнения работ по капитальному ремонту. № 2. С. 59–66.
- Кузова В.А. Проблемы создания доступной среды для маломобильных групп населения в Приморском крае. № 1. С. 183–189.
- Кучеренко А.Л. Культурный аспект имиджа города в контексте развития творческого потенциала его жителей (на примере г. Владивостока). № 2. С. 149–157.

- Лаврентьев А.В. Российско-китайские транспортные коммуникации на дальневосточных рубежах в начале XXI века: обзор основных тенденций и перспектив. №3. С. 23–32.
- Лаптев С.А., Перижогина Ю.Д. Деятельность судебных приставов по борьбе с неплательщиками алиментов. №4. С. 151–159.
- Латкин А.П. Иностраный туризм как перспективный вектор развития рынка туристских услуг регионов Дальнего Востока. №3. С. 7–15.
- Латкин А.П., Величко С.С. Влияние девальвации рубля на реальную стоимость доходов бюджета Приморского края. №2. С. 31–36.
- Левченко Т.А. Кластерный подход к развитию экономики: отечественный и зарубежный опыт. №4. С. 68–76.
- Леканова А.С. Имидж региона в практике управления социально-экономическим развитием территории (на примере Тюменской области). №1. С. 190–196.
- Лига М.Б. Модель качества жизни в социально-экологической парадигме. №1. С. 197–203.
- Любецкий П.М. Особенности и место деловой репутации юридических лиц среди нематериальных. №3. С. 79–86.
- Мамочка Е.А. Инсайдерская информация: понятие, признаки, проблемы. №2. С. 90–99.
- Мамочка Е.А. Типы личности преступника-инсайдера. №3. С. 70–78.
- Мамычев А.Ю., Филиппова М.К. Политико-правовые технологии обеспечения социально-политической целостности (на примере молодежной политики России). №3. С. 48–55.
- Мартышенко Н.С. Маркетинговый анализ международного туристского рынка стран Северо-Восточной Азии. №4. С. 51–67.
- Масилова М.Г., Бурцева Ю.В. Вовлеченность персонала как характеристика организационной культуры. №3. С. 137–145.
- Метляева Т.В. Исследование особенностей формирования имиджа г. Владивостока (социокультурный аспект). №1. С. 204–211.
- Месенева Н.В., Арзамасова Ю.А. К вопросу о создании комплекса учебных пособий по дисциплине «Проектирование в дизайне среды». №2. С. 158–162.
- Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Элитогенез в государственно-правовой организации переходного периода. №2. С. 67–75.
- Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Безматёрных Т.А. Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности. – №4. С. 18–26.

- Мясоедова В.В., Кривошапова С.В. Оценка финансовой устойчивости коммерческих банков Приморского края. №4. С. 117–128.
- Мэйхуа Ли, Латкин А.П. Теоретические аспекты формирования эколого-социально-экономически согласованного российско-китайского сельскохозяйственного предпринимательства в Приморском крае. № 4. С. 38–43.
- Невельская-Гордеева Е.П., Шестопад С.С. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации. №2. С. 76–83.
- Николаева Е.В. Проблема культурного имиджа приграничного российского региона (на примере Калининграда). № 1. С. 212–218.
- Обертас О.Г., Коноплева Н.А., Петухов В.В. К вопросу идентификации города Владивостока как европейского порта на восточной оконечности России. № 1. С. 219–227.
- Обертас О.Г., Червонка Н.С. Арт-объект как имиджевый элемент в городской среде Владивостока. № 1. С. 228–234.
- Ожиганова М.В. Организационно-правовые элементы взаимодействия высшего образования и бизнеса. № 3. С. 87–93.
- Панкратова Ю.Е. Формирование прогулочных маршрутов и их связь с отдельными памятниками архитектуры. №2. С. 143–148.
- Пилюгина Н.Ю. Результаты эксперимента по исследованию гендерных особенностей ассоциативных полей «мужчина» и «женщина» в русском и китайском языке. № 3. С. 167–175.
- Преснякова Л.В., Пономарчук Н.А. Законодательство России и Китая в сфере нематериального культурного наследия: сравнительный анализ. № 1. С. 82–89.
- Сёмкин С.В., Смагин В.П. Одномерная модель Изинга с подвижными примесями. №2. С. 114–120.
- Сёмкин С.В., Смагин В.П. Модель Поттса на решетке Бете во внешнем поле. № 3. С. 103–108.
- Сон Н.Т., Старкова Г.П. Прямые иностранные инвестиции в экономическую зону Динь Ву Кат Хай в городе Хайфон (Вьетнам) в условиях усиливающейся международной экономической интеграции. № 1. С. 7–26.
- Терская Л.А., Давыденко Л.И. Исследование имиджевых характеристик коттеджного поселка. № 1. С. 235–242.
- Терская Л.А. Проблемы качества изготовления меховых изделий (по материалам экспертной практики). № 2. С. 127–133.
- Тилиндис Т.В., Виничук О.Ю. Адаптация деятельности предприятий малого и среднего бизнеса к социально-экономическим условиям развития Приморского края на основе бенчмаркинга. № 2. С. 47–58.

- Томских М.С. Римский клуб о роли ценностей в формировании качества жизни. №2. С. 163–167.
- Уксуменко А.А., Мацыга Ф.А. Бюджетное планирование как инструмент реализации социально-экономической политики региона. №3. С. 33–40.
- Уханов А.Д. Современная трансформация государственного суверенитета. №1. С. 53–62.
- Федорова С.Н. Позиционирование туристического имиджа Республики Саха (Якутия). №1. С. 243–247.
- Халаев Н.П., Капитонов А.С., Скрыль В.К. Моделирование ВОЛС для автоматического обмена информацией между узлами фазированной антенной решетки. №2. С. 121–126.
- Халаев Н.Л., Лебедь А.В., Ляхов Д.Ю. Моделирование кодирования сигнала синхронизации модульных узлов АФАР с помощью инструментов NI Elvis II и Emona FOTEX. №3. С. 119–128.
- Хисамутдинова Н.В. От «Пролетрадио» к регулярному вещанию. №1. С. 104–112.
- Холкина А.О., Корнева Е.В. Формы и методы информирования и привлечения налогоплательщиков к сдаче отчетности в электронном виде. №3. С. 41–47.
- Цекина М.В., Батуев М.С. Экотропа как основа развития экологического туризма в национальных парках Бурятии. №1. С. 248–255.
- Шеромова И.А., Железняков А.С. Оценка качества швейных изделий с использованием автоматизированных методов контроля. №4. С. 211–219.
- Шульга В.И., Василенко В.С. К вопросу снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних. №1. С. 63–70.
- Шульга В.И., Козенкова Я.Е. Влияние наказания на рецидив преступлений несовершеннолетних. №2. С. 84–89.
- Якименко Л.В., Иваненко Н.В. Природно-ресурсный потенциал и охрана окружающей среды Владивостокского городского округа. №1. С. 256–265.

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**
**Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

2016, № 4

[Том 8]

Научный журнал

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций 30 октября 2008 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33974

ISSN 2073-3984

Дата выхода в свет 28 декабря 2016 г.

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik_vgues@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л.Е. Стрикаускас
Ответственный секретарь Л.А. Харитонова
Корректор М.А. Шкарубо
Компьютерная верстка Л.А. Харитонова
Дизайн обложки Ю.А. Лакиза, Т.Ю. Малышенко

Подписано в печать 22.12.2016. Формат 70 x 100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 19,09, уч.-изд.л. – 19,45.
Тираж 200 экз. Заказ
Цена на территории РФ свободная

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41